

ОТВЕТЫ МОЛОДЫМ

— Что такое для вас православная молодежь?

— Не знаю, не встречался. Я знаю Таню, Васю, Диму. Они все равные. А если серьезно, то, наверное, это трудно — быть православным и молодым. Потому что это значит идти против — идти против двойного течения.

Быть православным — значит идти против моды своей светской компании. А чтобы быть молодежью на приходе, нужно идти против приходских суеверий. В одном случае господствующее течение антиправославное, в другом — антимолодежное.

У нас на приходах в основном господствует психология бабушек. А ведь у каждого возраста свое переживание веры. Свое переживание у младенцев, которые Боженку целуют. Свое переживание у детей, свое у подростков, у взрослых и стариков. Но поскольку в наших храмах больше стариков, их переживание Православия оказывается единственным, нормативным, навязываемым, а потому — калечащим молоды людей.

В чем различие психологий? Новизна радует молодого человека и пугает пожилого. Молодой человек всюду видит возможности, а взрослый — опасности. Молодой ставит вопрос: «Что я могу сделать?». Пожилой спрашивает: «А что со мной могут сделать, что оттуда может угрожать мне и моему привычному укладу жизни?». Человек идет по городу, неожиданно ему попадается подворотня. Реакция молодого человека более активная: «Интересно, что там? Пойду посмотрю, для меня открылось новое пространство, которое я могу исследовать и подчинить себе». Реакция пожилого человека: «Я лучше перейду на другую сторону улицы, мало ли что тут может на меня обрушиться». Молодой человек перед каждым новым поворотом думает: «А не войти ли мне?» — взрослый же остерегается: «А что оттуда может вылететь на меня?..». Так и в церковной среде. Вместо молодого миссионерского дерзновения — старушечьи страхи: «Ничего нельзя!!!».

В этой связи для меня особенно ощутимо различие между евангельским началом христианства и, скажем так, исторически сложившимся образом православной жизни. Евангельская символика помещает святыню в грязь, надеясь на то, что грязь освятится, а не боясь того, что святыня осквернится. Царство Божие (!!!) уподобляется дрожжам, бросаемым в тесто, зерну, брошенному в землю, кладу, зарытому в поле¹. В неводе рыбы ценные и сорные, на том же самом церковном поле предполагается, что будут расти и сорняки, и пшеница.

То есть нечто святое, чистое, хорошее бросается в негожее место, втапывается в грязь. Но зато эта грязь преображается.

Человек, несведущий в агрономии, мог бы возмутиться картиной сева: казалась бы, добротные и вкусные вещи крестьянин разбрасывает, затапывает в грязь, обрекает на гниение... Христос пришел в мир, о котором заранее знал, что большинство в нем будет радоваться Его распятию, и лишь численно ничтожное меньшинство расслышит Его слова. А апостолов Христос посылает во враждебный мир, как овец посреди волков². Все притчи о Царстве Небесном связаны с тем, что что-то светлое входит во тьму, чтобы ее преодолеть. Свет во тьме светит³. Слово Божие пришло к

¹ См.: Мф. 13, 33, 31–32, 44. — Изд.

² Мф. 10, 16. — Изд.

³ Ин. 1, 5. — Изд.

проституткам и гаишникам (так на языке сегодняшних реалий будет звучать церковнославянская и оттого завышенная формула «блудники и мытари»).

А вот в историческом развитии Православия возобладала противоположная тенденция: Изымать святыню из мирского контекста, выковыривать свет из тьмы и класть на сохранение в позолоченный ларец. Чем дальше — тем более нарастала потребность спрятать святыню от «нечистых рук». Все выше становятся Иконостасы. Усложняется путь к церковному Таинству (чтобы оно было редким, чтобы обязательно соблюсти какую-то технологию, прежде чем к нему прикоснуться). Наиболее ярко эта перемена видна на многих иконах, где святитель, скажем, держит Евангелие не рукою, а подложив платочек. Оказывается, что нельзя прямо прикоснуться к Евангелию, обязательно нужен какой-то посредник. Значит, человек (даже рукоположенный и даже святой) воспринимается как источник профанации, искажения. Ты не тот, кто нуждается, чтобы святыня пришла к тебе такому, какой ты есть, — грязненькому и черненькому. Нет, напротив. Ты тот, кто угрожает святыне. Человек воспринимается как источник скверны. Он угрожает святыне, и святыню надо спасать от него. Это, конечно, радикальная антимиссионерская установка, ведь евангельский пафос совсем другой — святыня приходит, чтобы спасти меня.

Это совершенно разные установки: святыня как лекарство для больных — и больной как угроза для лекарства. Но именно последняя психология господствует в наших приходах.

Спросите сегодня наших прихожан — можно ли священнику ходить в городскую баню, могут ли они представить себе, что апостолы мылись в общих банях. Ответ вы получите возмущенно-отрицательный: Баня — место блудное и скверное, и негоже святыню смешивать с грязью... Но древнейшая церковная история знает о другом восприятии бани — как места встречи с людьми. Священномученик Иринеи Лионский в середине II века слышал от священномученика Поликарпа Смирнского, личного ученика апостола Иоанна, что апостол, придя как-то помыться в баню, узнал, что тут же находится и еретик — гностик Керинф. Тогда Иоанн вскочил с места и выбежал вон, сказав своим спутникам: «Убежим, чтобы не упала баня, потому что в ней враг истины, Керинф»⁴. Чистому поистине — *все чисто*⁵, ну а свинья везде грязь найдет.

А потом миссионерский дух сменился охранительским. Хорошо, что этот дух появился. Его появление означало, что есть что охранять и беречь. Несуществующее сокровище не берегут. Плохо, что этот дух стал почти единственным, нормативно-православным. Плохо, что миссионерское поведение стало расцениваться (не в официальных документах, а на уровне приходских и монастырских пересудов) как «девиантное поведение», как нечто дающее повод к подозрениям и возмущениям.

Плохо, что и прицерковленные чиновники усвоили этот дух, при этом путая консерватизм с консервами. К примеру, в марте 2003 года в Тамбове был съезд православной молодежи, и один госчиновник из областного аппарата сказал речь, где была фраза, которая меня просто ошарашила: «Наша Православная Церковь всегда цементировала наш народ». Боже, ну что за манера все живое цементом заливать! Я-то всегда считал, что цементированием народа занимается сицилийская мафия. Христос же уподоблял Церковь не цементу, а дрожжам, которые заставляют тесто бродить, дышать! Она — революционный элемент, элемент брожения, закваска, которая бросается в тесто.

Так что православной молодежью быть сложно.

— Вы присутствовали на съезде православной молодежи. Что за молодежь собралась на этот съезд в Москве? Это возрастное деление — «молодежное» — мне кажется каким-то

⁴ Иринеи Лионский. Против ересей. 3, 3, 4; Евсевий Кесарийский. Церковная история. 3, 28.

⁵ Ср.: Тит. 1, 15. — Изд.

неуместным. Ведь не может быть «союза православных старушек». В Церкви-то ведь мы присутствуем как единый какой-то организм.

— И тем не менее апостол Павел различал среди своих прихожан эллинов от иудеев, рабов — от свободных, давал им разные советы. Понимаете, у молодых — свои проблемы, которых нет у людей старшин возрастов, и наоборот. У них разная возрастная психология. Например, мне кажется, что юношеское переживание Православия — более светлое и радостное. Здесь еще мало грехов накоплено, и душа легче срывается в славословие: «Слава Тебе, Господи, за то, что Ты есть!». В более старшем поколении память о своих грехах, о своих немощах, болезнях, нуждах заставляет нас чаще просить Господа о чем-то: о прощении наших грехов, о помощи, об исцелении. А молодежь — она от этого свободна, и в этом смысле ее молитва более бескорыстна. Хотя бы поэтому с ними надо особо говорить.

Митрополит Кирилл, выступая на этом съезде, очень верно сказал: священники должны понимать, что любой молодой человек, переступающий порог храма (девушка или парень), — это человек, отмеченный печатью Божией. Им говорить об этом мы не должны. Но сами должны понимать, что если этот человек выбрал тропку не на дискотеку, не на гулянку, а в храм, — значит, какая-то частичка отрока Варфоломея (будущего Сергия Радонежского) в этом человеке есть. И поэтому мы должны радоваться его приходу, заметить его, выделить его из общей массы прихожан, уделить ему особенное внимание. Ведь, может быть, этот паренек, сегодня робко толкующийся на церковном пороге, в глазах Божиих уже священник или монах...

Именно потому, что перед молодыми много путей и соответственно много искушений, я думаю, все-таки с ними надо работать отдельно. В конце концов, мы же не смущаемся тем, что у нас есть православные детские сады, православные дома престарелых, — и мы не смешиваем их друг с другом. Поэтому я полагаю, что могут быть отдельные кружки или структуры, которые будут работать именно с молодежью.

— Как объяснять неверующим одноклассникам, почему мы ходим в церковь?

— Когда меня начинают спрашивать, где твой Бог, кто вашего Бога видел и так далее, я говорю: «Так, ребята, быстро внимательно посмотрели на меня. Что вы сейчас видите?». Они начинают шушукаться: «Вас видим». Я говорю: ничего подобного, меня вы не видите. Сейчас вы видите только частички моего будущего трупа. Что удивляетесь? Вы можете видеть только мой эпителий — верхний слой моих кожных покровов. Откройте любой учебник анатомии, и вы там прочтаете, что этот слой кожи мертв. Я со временем весь такой буду. Так что пока вы имеете сомнительное удовольствие созерцать частички моего будущего трупа, но при этом вы отчего-то фанатично верите, что за этим трупом еще что-то есть. Так вот, вы меня не видите, но верите, что я существую. Точно так же мы не видим самое главное в нашей жизни. Не видим друг друга, не видим себя, не видим Бога. И, однако, ради этих незримых реалий мы и живем, и действуем. Вот ради незримого Бога мы и идем в видимый храм. Мы Его и там не увидим. Но, может быть, Он проявит Себя в шевелении того, что есть под нашей кожей, — в душе. Душа хочет этого прикосновения и идет просить именно о нем⁶.

— Как обратить человека в православную веру?

— Обратить-то нетрудно. Трудно его там удержать. Дело в том, что молодой человек должен что-то делать, он не может просто работать подсвечником в храме. Надо придумать для него работу, зону его ответственности, чтобы каждый молодой человек понимал: «Это мое и от меня что-то зависит

⁶ Подробнее см. главу «Зачем ходить в храм, если Бог у меня в душе» в моей книге «Дары и анафемы» (М., 2003).

в жизни Церкви». А так в большинстве наших храмов число молодых прихожан в точности равняется числу алтарников.

Посмотрите, как действуют сектанты: когда они завербовывают своего нового адепта, они сразу посылают его на какую-то работу, на проповедь. Зачем? Пусть этот неопытный проповедник ошибается, пусть набивает шишки, но зато каждая новая неудача будет заставлять его изучать глубже какую-то тему. А главное — он будет ощущать озвучиваемые им тезисы уже как свои, а не как что-то, что было ему навязано чужим дядей. И в результате у него происходит внутренняя солидаризация с той идеологией, которую он теперь проповедует.

Далеко не все методы сектантской пропаганды нам, естественно, следует заимствовать, но тем не менее сама по себе идея того, что молодым людям надо дать возможность для работы в Церкви, вполне здрава. Я могу предложить сегодня такую форму.

Мне кажется, было бы здорово, если бы в наших храмах были введены послушания «акалуфов» — людей, стоящих у дверей. Эти молодые люди могли бы попарно дежурить у входа в храм, особенно в такие дни, когда могут зайти захожане (не прихожане, а захожане — люди, которые только еще прокладывают свою тропиночку в храм). И вот задача этих дежурных молодых людей была бы двоякая.

Первая — обращать внимание на этих зашедших и, не подходя к ним, на расстоянии, издалека, коситься в их сторону для того, чтобы защитить их при случае от посягательств. Тут надо, конечно, корректно подойти и остановить ту самую костлявую руку, о которой митрополит Кирилл говорил в мае 2002 года на московском съезде молодежи, и сказать: «Простите, матушка! Благословение отца настоятеля, чтобы с новозашедшими в храм общались мы!».

Вторая же задача — задача-максимум — при случае подойти самим и спросить: «Не можем ли мы чем-то помочь, что-то рассказать?».

Я помню свои первые месяцы в Церкви: как я хотел, мечтал, чтобы кто-то ко мне подошел, обратился, что-то рассказал. Сам я не решался людям себя навязывать, тем более что советские времена были наполнены тотальным страхом прихожан друг перед другом.

Такое общение было бы полезно не только для тех, кто зашел в храм; это было бы важно и для тех, кто уже в храме. Потому что эти молодые дежурные для ответов должны были бы изучить историю своего храма, историю, сюжет и символику каждой иконки, которая в храме есть, должны были бы хорошо знать богослужение, то есть опять же историю и символику каждого песнопения. Они должны были бы уметь отвечать на основные недоумения, какие есть у людей по поводу нашей жизни и веры. И, соответственно, это понуждало бы самих этих молодых дежурных лучше изучать Православие. И это давало бы им возможность чем-то еще прикипеть к церковной жизни.

Очевидно, что человек, который дежурит у ворот, будет отвлекаться от молитвы; и наверно, для его духовного роста это малополезно. Поэтому мне кажется, что такие дежурные должны существовать в достаточно большом количестве. Не один человек должен постоянно стоять у дверей, а пять-шесть таких сменных пар. Тогда каждый человек нес бы такое дежурство раз в месяц, а на остальных службах он мог бы спокойно молиться.

Еще я бы хотел, чтобы на каждом приходе была устная библиотека. Помните роман Брэдбери «451° по Фаренгейту»? «Матрица» того виртуального мира сожгла все книги. Пожарные не тушат пожары, а выискивают остатки библиотек и их поджигают. Но есть подпольное братство книголюбов, которые хранят книги в памяти.

И на своих собраниях они говорят новичкам: «Вот это идет Гомер, вон там сидит Данте, сейчас к нам подойдет Шекспир», то есть это люди, которые знали наизусть произведения этих авторов.

Каждый человек хранит в памяти только одну книгу, но вместе они — библиотека.

В нашем миссионерском деле главное — это знать куда послать. Это великое умение. Вот подходит к тебе человек с вопросом, а ты его посылаешь. «Прости, дорогой, я ничего про веру тумбу-юмбу не знаю, но видишь, там Петя стоит, он на эту тему диссертацию написал. Он твою тумбу-юмбу знает лучше и тумбайтов и юмбайтов, вместе взятых. Иди к нему. У тебя вопрос о переселении душ? Знаешь, у нас Маша просто классный специалист по реинкарнированию. Иди к ней, она тебе все расскажет. У тебя вопрос о боевых искусствах? Вот с этим — к Петрухе. Он умеет отличать айкидо от ушу. НЛЮ? — Нашего Ваньку они знаешь как бояться? Пойди, он тебе расскажет почему...». И так — о всех сектах, действующих в этом городе.

Знать все секты невозможно: крыша уедет слишком далеко. Но пусть на приходе будет двадцать специалистов, каждый из которых знает, как вести разговор с одной из двадцати сект.

Это совет для головастиков... А если есть на приходе ребятишки, у которых кулаки крепче головы, то и они тоже могут внести свой вклад в дело торжества Православия. Я предлагаю разделить ваш город на сектора и этим рукастым ребятишкам вручить ключи от каждого сектора: «Это под твою ответственность, два раза в день ты патрулируешь свою территорию и следишь за чистотой фонарных столбов и заборов, чтобы никаких сектантски-целительских листовок там не было».

Впрочем, это задача-минимум, а в идеале в карманы этих православных рэкетиров батюшка мог бы вложить замечательную печатку (ее можно заказать в любой мастерской) с надписью: «Осторожно, секта». Идешь по улице, никого не трогаешь, смотришь — забор. А на нем объявление: «Потомственная целительница баба Шура починяет ауру, вправляет чакру». Ты подходишь, не срываешь, а достаешь из широких штанин дубликатом бесценного груза печатку, дышишь на нее и от всей православной души припечатываешь. И теперь эта антиреклама работает против бабы Шуры.

Эту свою мечту я видел исполненной в Ханты-Мансийске. Там местные харизматы-пятидесятники арендовали фронтон пятиэтажного здания, которое выходило на центральную площадь, и повесили на нем свою рекламу. А местные батюшки заказали трафарет «Осторожно, секта» размером в два этажа и приклеили поперек этой рекламы. Что делать сектантам? Они же кучу денег потратили на эту рекламу, а она работает против них...

И еще я хотел бы обратить ваше внимание на то, что у словосочетания «тоталитарные секты» есть синоним: «югендрелигионен» — молодежные религии. Согласитесь, что бабушка-кришнаитка — это довольно редкое зрелище. Оказывается, именно тоталитарные секты, те секты, которые отнимают у человека свободу, — вот именно они симпатичны молодежи! Эти секты спекулируют на юношеском стремлении к служению. По слову Достоевского, «человек ищет, кому поклониться». И значит, если мы хотим, чтобы юные сердца шли к нам, мы должны предложить им именно служение.

Расхожее мнение, будто «Церковь слишком требовательна, и потому молодежь туда не идет», не кажется мне убедительным. Молодежь если и идет в монастыри, то в те, где более суровый устав жизни. Молодежь если и идет в религию, то в те религиозные группы, где больше требовательности. У одного католического богослова есть вполне верные слова: «Я исхожу из предположения, что Церковь лишилась своей живительной силы не из-за того, что она слишком многого требует, но, напротив, потому, что ее требования слишком малы — слишком слабо увязаны с приоритетом Евангелия. Будь Церковь по-евангельски “радикальней”, ей не приходилось бы быть такой законнически-непримиримой. Чрезмерная строгость и неуступчивость происходят скорее от страха, радикализм же — дитя свободы. Той свободы, к которой зовет Христос»⁷.

Те, кто в сектах, — это, наверное, лучшие люди России. Своим уходом в секту они доказали свое

⁷ Мец И.Б. Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 89.

неравнодушные. Это не телепузики, им что-то в этой жизни надо, у них беспокойный ум, беспокойное сердце. Поэтому просто отрешиваться от них, говорить: «Ой, ладно, там все сумасшедшие», — это неумно. Это далеко не худшие из тех людей, что могут встретиться нам на жизненных дорогах. И пусть их мнение не совпадает с нашим, пусть они ошиблись, но они ошиблись в поиске, а значит, поиск-то у них был. И если они прошли мимо нас, значит, это мы что-то им дать не смогли.

Я по своему опыту знаю: каждый раз, когда ведешь беседу с сектантом, если эта беседа идет нормально, если есть несколько часов для общения, то в конце концов все кончится признанием вроде: «Да, это все здорово, хорошо, что мне это все пояснили. Жаль, что я этого не знал. Но ведь, если честно, я пробовал быть православным, я пробовал войти в храм...». И дальше следует рассказ о том, как встретили, как посмотрели и куда послали... Слишком часто не от Христа люди прячутся в сектах, а от нас. Значит, нам нужно стать «христианнее» — тогда и люди через нас увидят Христа.

— А богослужение на миссионерско-молодежном приходе может чем-то отличаться?

— Ну, прежде всего скажем, что — не обязано. Если на этом приходе будет атмосфера миссионерской приветливости, радости о вошедших, если там будут возможности для общения прихожан между собой и со священником, то и не надо в богослужении ничего менять.

Но если уже есть согласие и прихода, и настоятеля, и епископа на то, чтобы и сама служба носила миссионерский характер, то тогда, мне кажется, можно было бы сделать следующее.

В таком храме раз в месяц можно было бы служить всенощную с комментариями. Ведь многие священники совершают Крещение с комментариями, то есть поясняют: «Вот сейчас мыотрежем вашему малышу волосики, и это будет означать то-то и то-то». А что мешает всенощное бдение совершать так же? Перед каждым действием за одну-две минуты объяснять, что сейчас будет сделано и почему. Например: «Братья и сестры, сейчас будет звучать ектенья, ектенья — это перечень наших прощений к Богу. Но это не молитва! Диакон не молитву читает, а называет повод к вашей личной молитве, то, о чем вы должны молиться в эту минуту. И вот пока хор будет петь “Господи, помилуй”, каждый из вас про себя, своими словами, должен помолиться о тех людях, о тех нуждах, о которых нам напомнил диакон в ектении...».

Молитв на такой службе будет немного. Но из-за пояснений она все равно будет идти долго. Главное — чтобы весь город знал: в каждую первую субботу месяца в таком-то храме вам пояснят всё, что происходит на службе. Кто это уже знает, пусть идет в другой храм. Это в селе нет выбора, а когда в городе пять-десять храмов, постоянным прихожанам есть куда пойти. А сюда они могут пригласить тех своих знакомых, которые заявляют, что я бы, мол, в храм пошел, но там ничего не понятно.

Такой миссионерский храм тогда стал бы шлюзом. Люди в него входили бы и вскоре выходили: получив навык молитвы и понимания богослужения, они затем уже шли бы в обычные приходские храмы.

— Как вы относитесь к экстремальному миссионерству? Хождению по квартирам, проповеди на улице. Есть ли у вас опыт подобного миссионерства?

— Опыт проповеди на улице у меня был где-то в середине 80-х годов. Арбат тогда стал свободной зоной, я после уроков убегал из семинарии и приезжал туда. Первыми там начали проповедовать кришнаиты, потом баптисты, потом и я появился. И надо заметить, что нескольким людям я успел «испортить» жизнь. Один из них сейчас уже священник (кстати — в Бразилии), другой — церковный журналист.

Когда наша Церковь была молода, она и сама «грешила» экстремальным миссионерством.

По квартирам и домам наши священники тоже ходили — правда, не с тем, чтобы раздать книги, а с тем, чтобы собрать пожертвования (вспомните быт сельских батюшек в дореволюционные годы: на Пасху и Рождество они обходили все село и собирали пожертвования — по большей части продуктами).

Я честно скажу: православная этика в значительной степени готтенготская этика. Племя готтенготов живет в Африке по «понятиям» вполне примитивнейшим. И в XIX веке какой-то миссионер, видя их безобразия, спросил у вождя этого племени: «Скажите, у вас хоть что-нибудь святое есть? Что для вас добро и что — зло?». И тот отвечает: «Конечно же, мы знаем, что такое добро и зло. Если сосед украл у меня корову — это зло. А если мне удалось свести его корову с его двора — это добро». Вот наша церковная позиция совершенно такая же. Если нам удалось перевести католика в Православие — это добро, а если они от нас отбили — это плохо. Я это без всякого осуждения говорю. Я с этим совершенно согласен.

— Но ведь те же адвентисты гораздо активнее привлекают к себе молодежь...

— Завлекать-то мы как раз и не хотим. Но должны быть места возможных встреч молодежи и ее культуры с Православием.

— Где, по вашему мнению, граница дозволенного в вооружении миссионера? Например, многие люди приходят к вере через рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда». Но значит ли это, что надо развивать подобные направления миссии?

— Мне кажется, что нельзя заранее ставить какую-то границу. Ее нужно определять каждый раз заново, когда ты находишься в состоянии миссионерского вызова, то есть чьего-либо вызова, обращенного к тебе. Апостолы ведь не ставили заранее такие границы. Они говорили, что здесь нужен опыт и навык в различении добра и зла. Это касается и миссионера, в служении которого очень многое строится на некоем такте, вкусе. Мы видим, что иногда апостол Павел вступает в жесткую полемику, а иногда, например в афинском Ареопаге, неожиданно мягко говорит о верованиях язычников. Апостолы однажды жестко запретили языческой жрице пророчествовать о них, хотя она сказала правду: *Они рабы Бога Всевышнего!* (ср.: Деян. 16, 17). Но последующие отцы с благоговением цитировали «Сивиллины пророчества»⁸ и трактаты, приписываемые египетскому богу Гермесу Трисмегисту. А блаженный Иероним в евангельской притче о неверном домоправителе увидел совет об использовании нехристианских знаний для проповеди христианства⁹.

Что касается конкретно рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», то могу сказать одно — я рад, что она пришла к советской молодежи в те годы, когда та еще не знала английского языка. Поэтому многие из тех людей, которые полюбили это произведение, просто не знали, какие кощунственные тексты там звучат на фоне безусловно талантливой музыки. Как это ни странно, но в 70-е годы эта рок-опера сняла шоры со многих комсомольских глаз: люди были шокированы тем, что вера бабушек может давать повод и для современного искусства. Я должен признаться, что «влюбленность» в эту рок-оперу стала для меня ступенькой на пути к Христу (тогда я, конечно, и не ожидал, что это именно путь, и не предполагал, что завершится он приходом в Церковь). Под звуки рок-музыки китайская стена атеистического воспитания, отделявшая меня от мира христианства, каким-то кирпичиком все-таки треснула, и вдруг оказалось, что Христос может быть интересен современному человеку. И для меня, подростка, для которого в то время мир Церкви представлялся

⁸ Августин Блаженный. О Граде Божием. 18, 23.

⁹ Блаженный Иероним Стридонский. Письмо 97 (121), Алгазии, 11 // Творения. Киев, 1903. Ч. 3. С. 96.

миром старушек в белых косынках, это открытие было своеобразной и радостной сенсацией.

— То есть вы считаете, что интерес к фигуре Христа, чем бы он ни был вызван, в любом случае — хорош?

— Нет, я так не считаю, потому что Сам Христос не всякий мотив отношения к Себе приветствовал. Он, например, уходил от людей, которые обращались к Нему по чисто утилитарным мотивам. После того как Христос насытил пять тысяч человек пятью хлебами и часть этих людей на следующий день пришла искать Его снова, Он сказал: *вы ищите Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились* (Ин. 6, 26).

— Как вы относитесь к рок-музыке?

— Плохо. Я никогда не любил и не понимал рок-музыку. Но это не мешает мне дружить с рок-динозаврами и даже бывать на рок-концертах. Понимаете, есть люди, реальные люди. Представьте себе, такие же проблемы стояли перед священниками лет двадцать назад, когда к ним приходили люди, работающие в органах КГБ. По форме — враги, и вдруг оказывается, что это тоже люди. За погонями — и сердце у них есть, и там тоже бывает покаяние. И не все люди, которые шли в КГБ, работали против своего народа. Есть там и такие структуры, которые действительно защищали Родину. Они не были палачами. Они не занимались слежкой, борьбой с инакомыслием, — и как к ним было относиться?

И мне кажется, сегодня похожая ситуация складывается с рок-культурой: там есть люди. Конечно, там есть грязь, жуткая грязь! Она есть. И при этом одно слово, которое скажет этим людям Шевчук, будет значить больше, чем, например, десять моих проповедей.

— Сейчас многие известные музыканты обратились к вере. Не считаете ли вы, что после этого их творчество стало менее интересно?

— Когда я поинтересовался этим вопросом, то изумился, как много среди рок-кумиров людей, которые повернулись в сторону Православия. Недавно в одной газете читал интервью с Гариком Сукачевым, который заявил, что ему нравятся мои книги. К вере повернулись лидеры «Мумий Тролля», «Калинова моста», «Ковчега», «Любэ», «Агаты Кристи».

Я как-то спросил Кинчева, насколько упала его популярность после того, как он обратился к церковной тематике. Он сказал, что если раньше «Алиса» собирала стадионы, то сейчас — максимум тысячные залы домов культуры. А те фанаты, кого интересует рок-музыка в чистом виде и кому не важно содержание, ушли к «Королю и Шуту».

— Можете ли что-то сказать о Борисе Гребенщикове?

— У меня нет личного опыта общения с ним, но есть личная претензия к нему, связанная с песней «Город золотой». Дивная песня, тем более что ни к словам, ни к мелодии БГ не имеет ни малейшего отношения. Но Гребенщиков испоганил эту песню в самом буквальном смысле этого слова. Испоганить значит объязычить. В оригинале первая строчка звучит. «Над небом голубым есть город золотой», а у него: «Под небом голубым...». Это уже язычество, когда святыня оказывается всецело в рамках этого мира.

— **Я знаю, вы были на дне рождения у Юрия Шевчука. Каково ваше впечатление от рокеров?**

— Тогда я впервые в жизни был на рок-концерте. Я же говорю, что, даже будучи сам подростком, как-то никогда этой музыкой не увлекался. Я даже не знал, где находится пресловутая «Горбушка»: вышел из метро — и пошел в противоположную сторону.

Первое удивление — еще в фойе: несколько человек подошли ко мне и идентифицировали меня довольно четко: «Отец Андрей». Я-то думал, что церковная среда и рок-тусовка разделены более четко... А затем подходит ко мне какой-то очень бритоголовый человек и говорит: «Что вы думаете о нашей группе?». — «Что за группа?». — «НЭП». — «Ничего не знаю! Никогда не слышал!». — «Ну, ладно, вы нас не слышали, а мы вас знаем. Нам Костя Кинчев про вас рассказывал».

Потом поднялся я в бельэтаж, откуда и взирал на все происходящее. Не знаю почему, но после этого мероприятия я целый день спал. Честно говоря, только однажды было у меня такое состояние. В 1989 году пришлось посмотреть по телевизору телесеанс Кашпиrowsкого. Он обещал: «Если в вашем помещении накурено, то я сейчас сделаю несколько “пассов” и воздух станет свежим». Я был действительно в весьма прокуренной комнате, и мужики (дело было в телевизионном холле советского посольства в Румынии) с энтузиазмом отнеслись к идее экстрасенса... Я испугался за них: вдруг кому-то покажется, что и в самом деле стало свежее? Тогда ведь вся советская колония ринется в оккультизм. Начал про себя молиться. Все кончилось хорошо: свинарник остался свинарником, не превратившись во дворец. Чуда не состоялось — как я и просил в своей молитве. Но затем я целый день не мог подняться с постели. Ни боли, ни температуры — а сил нет. Куда-то они ушли... Вот нечто похожее было и после первого рок-концерта.

Но сразу после него Шевчук позвал в комнатку, где должно было состояться чествование его дня рождения, и там прошло еще два часа в нормальной беседе. Шевчук вел себя вполне корректно, даже просил прощения за то, что он курит. Самое же интересное для меня было потом — уже ближе к полуночи я вышел с «Горбушки» и оказался в окружении фанов: почитатели Шевчука еще стояли в надежде увидеть своего кумира. И вот, эти ребяташки окружают меня — просто потому, что лучи славы от их «солнца» еще озаряют и меня: «Ну, когда там закончится, скоро ли он выйдет?». — «Не знаю, вроде начинают расходиться, но вообще-то там люди еще есть...». А дальше начался разговор, который меня просто потряс. Один паренек в очках, студенческого возраста, лет семнадцати, ошарашил меня вопросом: «Скажите, а почему в Евангелии от Иоанна нет темы гефсиманского одиночества?».

Затем двое ребят вызвались провожать меня через лабиринты парка. Я спрашиваю: «Ребята, а для вас заметно это или нет — то, что у Шевчука стали звучать какие-то религиозные слова, термины? Даже в конце сегодняшнего концерта он сказал: “Надеюсь, что Господь даст мне еще несколько песен”. Я-то церковный человек, для меня любое такое слово значимо. Но вот в вашем восприятии — может быть, это просто такие междометия, или он и в самом деле движется в сторону Православия?». — «Нет, нет, мы это тоже замечаем, для нас это серьезно, мы к этому присматриваемся!».

Кстати, в тот день прошла первая гроза нового тысячелетия — первый весенний гром (как в песне у Шевчука), и это в день его рождения!..

— **А как вы познакомились с Юрием Шевчуком? Нет ли у вас проблем в общении?**

— Первый шаг был с его стороны. Юрий читал мои книги и пригласил меня на свой концерт два года назад. Как раз в его день рождения. Был у него и неличный мотив. Он попросил меня пообщаться с мальчишками из кадетского корпуса в Кронштадте, где учится его сын.

Проблем в общении с ним у меня нет, хотя мы принадлежим к разным мирам. Может быть, именно поэтому нам легко слушать друг друга. Я ничего не знаю о мире, в котором он живет. У меня есть дома диски Шевчука и Кинчева. Но они мне дороги как подарки от авторов. Сам я их еще не слушал. Я же москвич, которому и так хватает децибелов. Поэтому тишина для меня — это величайшая драгоценность.

А Юра тоже пока имеет лишь начальное представление о мире, в котором живу я. При этом и у него, и у меня есть по разным мотивам желание сойтись. У него есть человеческое желание привнести христианские ценности в свою жизнь и творчество. А мое желание — понять, в какой мере рок-культура может стать прозрачной для христианства. Впрочем, еще больше я дорожу возможностью просто общения с умным и совестливым человеком.

— **Как Юрий Шевчук переживает запрет на рок-фестиваль в рамках юбилея Санкт-Петербурга? Когда он возобновит гастроли? Не оказывает ли вы влияние на его творчество?**

— Как я понял, запрет на его рок-фестиваль был связан именно с рождественским концертом «Рок к небу». Юрий сделал микс из двух своих песен. Он начал петь старую песню «Родина». А после строки «к сволочи доверчива» резко сменил мелодию и без всякой паузы стал петь песенку из своего последнего диска — «Путин едет по стране на серебряном коне...». Очевидно, кто-то из власть имущих решил обидеться за Путина.

Отмену фестиваля Юрий переживал тяжело, слег в больницу. Ведь он готовил его целый год, из-за этого отказался от всех гастролей...

А что до моего влияния на его творчество... Не думаю, что оно есть. Есть влияние его веры и его боли на его же песни. Я тут ни при чем. Но были случаи, когда он показывал мне новые записи еще до выхода диска. Например, песню «Ночная пьеса» из первой части «Единочества». Он очень беспокоился, что эта песня может быть понята неправильно, говорил, что она ни в коем случае не носит антицерковный характер. Она направлена именно против легковесного, поверхностного, «попсового» отношения к вере. А вы понимаете, что означает слово «попса» в устах Шевчука.

— **«Рок к небу» — это концерт, на котором выступили и вы. Должно быть, проповедь на многотысячном рок-концерте в Санкт-Петербурге тоже была связана с риском подмочить репутацию духовного лица. Но вы все же пошли на это...**

— Перед началом концерта я специально вышел и посмотрел, что за люди собираются. И все, кого я увидел, оказались мечтой любого лектора или преподавателя. Дело в том, что на Кинчева, Шевчука, Бутусова, Гребенщикова идут не те, кто любит «колбаситься». Это ребята думающие, для которых пива выпить и побузить совсем не главное.

Ну, а затем, между Шевчуком и Бутусовым, и в самом деле было мое выступление. Для чего мне все это нужно? Я не тешу себя иллюзией, что после концерта с участием батюшки все дружно потянутся в храм. В судьбах ребят, внимающих их песням, свой поворот к вере, наверно, еще далеко впереди. И все же мир Церкви станет казаться менее чуждым тем, кто был на этом концерте. Ледяная (прозрачная, но холодная) стена между ними и Церковью подтает. Они поймут, что через эту стену смогли пройти серьезные, настоящие, живые люди. Пройти и не замерзнуть. А значит, и для себя не стоит зарекаться, что, мол, «церковь — это только для старушек». До выводов из этого впечатления могут пройти годы и годы. Но понимание того, что для того, чтобы быть православным, не обязательно эмигрировать в прошлое, появится уже сейчас.

Нужно искать какие-то общие ниточки — то, что интересно им и что интересно мне. Такие акции

могут очеловечить наш образ в глазах подростков. Ведь мы для них — как инопланетяне, живущие в другой вселенной. Когда они увидят священника и музыканта рядом, для них тема Христа станет чем-то более живым, нежели просто тема творчества поэта такого-то. В таком соседстве я не к себе заставляю прислушиваться, а к тому же Шевчуку. Чтобы его же слушатели серьезнее отнеслись к тому, о чем он сейчас пел.

— **А как в церковном мире относятся к этой вашей акции?**

— Реакция была неожиданно хорошая. Большинство знакомых мне епископов и священников отнеслись с одобрением или хотя бы с интересом. В Интернете некоторые «активные миряне», конечно, немного поворчали, но в официальной церковной прессе — довольно позитивные отклики.

У меня даже возникло опасение, что грядет «атака клонов», что по епархиям начнут «клонировать» такие мероприятия (что уже и произошло в Запорожье и Ярославле). Перец все-таки должен оставаться перцем, а не становиться основным блюдом. А рок-концерт был, конечно, этакой перчинкой в нашей церковной жизни.

Но мнения Патриарха мы не знали.

Проблема в том, что прежде пространство миссионерства и пространство обычной церковной жизни были четко разделены. В первые три века христианской истории была активная миссия, но не было еще сложившегося образа благочестия: все бурлило в церковной жизни. А затем церковь стала имперской. Миссия не умерла, но она стала вестись вдали от глаз прихожан: вот здесь империя, где все по уставу и все благочинно, а за границей империи и на ее окраинах работают миссионеры. Как они работают с язычниками — империя об этом не знает и лишь аплодирует их успехам. И, значит, миссионеры были довольно свободны в выборе средств своей работы.

Сегодня же впервые церковное и миссионерское пространства переплелись. Миссионеру одновременно внимают неверующие и сектанты, язвительно настроенные студенты и испуганные ими православные бабушки. Выходит, что миссионер должен уметь жертвовать своей репутацией в глазах церковных людей ради их неверующих братьев.

Тот концерт в Петербурге был такой жертвой. Но юродство бывает «Христа ради», а бывает «себя ради». Почти год мы ждали ответа на этот вопрос: что же мы такое сотворили на Святках — схулиганили или все же сотворили церковное дело? Лишь речь Патриарха в день Москвы 7 сентября расставила все нужные точки над всеми необходимыми «і».

Во-первых, Патриарх сказал, что церковная проповедь может и должна звучать и в концертных залах, и на спортивных площадках. Во-вторых, вручил премию Петербургской епархии, которая при вручении награды была презентована именно как организатор рок-концерта (во всяком случае, более никаких других дел этой епархии при награждении не упоминалось). Ну а поскольку на том рок-концерте проповедь произносил именно я, то и мое награждение в тот же день тоже оказывается знаком, помогающим понять отношение первоиерарха к этой нашей необычной акции.

— **Простите, а о какой награде идет речь?**

— Это премия «Обретенное поколение». Она была учреждена Отделом по делам молодежи Русской Православной Церкви и Правительством Москвы «за труды по духовно-нравственному воспитанию и просвещению молодежи». Знак премии (у которой, к моему сожалению, нет денежной составляющей) — статуэтка «Доброго пастыря». Пастырь на своих плечах несет ягненка. Это древний образ христианского пастырства, не нуждающийся в особом толковании. Стоит только заметить, что так выносят ягнят, или раненых, или заболевших, или оказавшихся в опасности. Значит, и сам пастырь

для спасения потерянной овцы вошел в зону риска. Вот это и придает особый интерес молодежным и миссионерским общецерковным съездам: на них миссионеры предлагают на суд церковной соборности и церковной иерархии свои опыты проповеди в «зоне риска», вдали от храмов, и ждут — какова же будет реакция.

Кстати, голос рок-музыкантов зазвучал уже через несколько минут после речи Патриарха. В конце церемонии в акустическом варианте выступили рок-группа «Гроссмейстер» и Вячеслав Бутусов (рок-группа «Наутилус-помпилиус»). Как сказано в «Церковном вестнике», «впервые в прихрамовом помещении и в присутствии десятка архиереев звучали песни рок-музыкантов»¹⁰.

— **Но не может же быть, чтобы вообще из среды духовенства не раздались критические голоса по поводу столь неслыханной новизны, как православный рок-концерт!**

— Только от одного священника (но зато весьма достойного и терпимого: именно в его храм и ходят ребята из «Гроссмейстера»!) я слышал отрицательный отзыв. Он сказал, что «сама по себе ситуация массового, стадного скопления людей, способных впасть в любую агрессию, опасна и греховна. Не возникнет ли тогда для человека соблазн подумать: “Вот и хорошо, вот оно, христианство. Как славно: можно прийти на концерт, послушать пятиминутную проповедь диакона или архимандрита, потом оторваться по полной программе и считать себя нравственно благополучным православным человеком”?»). Кроме того, этот критик сказал, что не может себе представить, чтобы в Византии православный проповедник пошел с проповедью в театр, что никогда доселе Церковь не использовала светские сборища для своей проповеди. Более того, он полагает, что вообще в церковной истории никогда не было специальной молодежной политики, подстраивания под вкусы молодежи. И, наконец, он полагает, что молодого священника проповедь на рок-концерте может увлечь и он станет ходить по рок-тусовкам вместо служения литургии...

По первому вопросу я могу заметить, что подобный риск есть в любой проповеди и в любом церковном действии, обращенном к малоцерковным и нецерковным людям. Разве не та же опасность подстерегает тех, кто крестит людей без предварительного многомесячного оглашения? Разве не точно так рискует священник; венчающий или отпевающий незнакомых ему людей? А священник, пришедший на «презентацию» очередной фирмы или банка, разве не способен породить у своих слушателей — сотрапезников и «спонсоров» — ту же самую иллюзию их духовного благополучия? Но вот как раз на том рок-концерте такой риск был минимален. По той простой причине, что песни Шевчука — это и в самом деле болевые уколы в совесть. Они как раз своей обнаженной болью и срывают маску благополучия и комфорта, понуждают душу к мысли и покаянному раздумью, а последнее — при определенной подсказке — легко может перерасти в покаянную молитву.

То же самое касается и гипотетического риска для священника. Мне, по правде сказать, неизвестны священники, которые ходили бы на рок-концерты вместо литургии. А вот число священников, забросивших служение ради бизнеса, исчисляется десятками. Начиналось с необходимого и доброго дела: с поиска благотворителей. Затем новые знакомые предлагали через счета храма провести какую-нибудь операцию, постепенно священник сам овладевал всеми бизнес-приемами и... снимал с себя сан. Так что знакомство с бизнесменами по меньшей мере не менее опасно, нежели знакомство с рокерами. Но что-то не слышно предостережений: «Братья священники, остерегитесь общаться с предпринимателями, иначе вам станет неинтересно служить литургию!».

Была ли в истории Церкви проповедь в местах «развлекательных»? — Апостол Павел проповедовал в афинском Ареопаге на собрании языческих философов, а отнюдь не церковных старост. А в Византии «театром» называлось место дискуссий интеллектуалов. Спектакли,

¹⁰ *Погосов А.* Проповедь в «зоне риска» // Церковный вестник. 2003. № 17.

представляемые в таком театре. — это были заранее подготовленные высокориторические речи или диспуты¹¹. И эти речи касались и богословских тем.

А что в истории Церкви не было особой молодежной политики — так, может, об этом плакать надо, а не гордиться? Почему подстраиваться под вкусы и мнения стариков — не зазорно, а вот говорить на языке, интересном молодежи, предосудительно? Я еще застал времена, когда церковные иерархи посещали заведомо нецерковные и даже антицерковные собрания и при этом свои речи там корежили так, чтобы усладить собравшихся язычников-геронтократов. Я имею в виду кремлевские банкеты и приемы по поводу 7 ноября — дня антирусской и антицерковной революции... Я помню, как архиереи и священники кланялись «вечному огню» (уж более антихристианский символ трудно себе представить).

И такие уступки освящены историей Церкви. Константинопольский собор 809 года пояснил, что церковные правила могут не соблюдаться в отношении к императору (по толкованию современного историка — это означает, что «непреклонная императорская воля представляет собой форс-мажорное обстоятельство, которое дает право архиерею применить иконономию, если речь не идет о покушении на устои веры»¹²).

А вот миссионерское наставление константинопольского патриарха Николая Мистика, датированное 914–916 годами: «Если ты видишь, что они [варвары-язычники] на что-то негодуют, выноси это терпеливо, особенно если слушники принадлежат к высшему слою народа — не к управляемым, а к тем, кому выпало управлять. В отношении же подвластных можно тебе, если придется, прибегать и к более суровым и насильственным мерам, несообразностей же не следует допускать никоим образом. Когда речь идет о тех, кто обладает большими возможностями чинить помехи в деле спасения всего народа, необходимо рассчитать, как бы мы, сурово обойдясь с ними, не утратили их, вконец разъярив и полностью восстановив [против себя] и верхи, и низы. У тебя перед глазами множество примеров человеческого поведения: ведь и врач частенько отступает перед тяжестью заболевания, и кормщик не пытается сверх возможного вести свой корабль против течения, и тот, кому вверено командование, зачастую даже против желания подчиняется напору войска. Знаешь ты и то, как обстоят дела у нас: как учитель, вынужденный снести непослушание учеников, чтобы не подвергаться их глупым и нелепым выходкам, пощадит бесстыдство непослушных учеников и поддастся им на время, только бы они все-таки слушали урок»¹³.

Последняя фраза исключительна: обычно у нас готовы на весьма растяжимую «икономию», на многие и многие уступки и компромиссы, только когда речь идет о светской власти, но и слышать не хотят об уступках нашим собственным детям!

А сколько уступок делалось и делается нашей Церковью бабкам и их суевериям! Но сделать шаг навстречу детям отчего-то считается недопустимым!

Это отражение уже многовековой коллизии нашей церковной истории: как относиться к варварам — как к врагам или как к среде миссии и заботы? В византийской «Повести о заключенном бесе» рассказывается, что однажды авва Лонгин, поймав черта, заставил его рассказать, какими способами он отнимает у монахов шансы на спасение души. Среди прочих козней значится и миссионерство: «Это я отправляю монахов в страну варваров под предлогом учительства»¹⁴. Но Иоанн Златоуст властно обратился к монаху-отшельнику: «Покинь свои горы и оставь там свою бесплодную склонность, которая не может послужить ни людям, ни Богу. Возьми посох и отправься на

¹¹ См.: Куц Т.В. Византийский театрон конца XIV–XV века. Некоторые наблюдения // Античность и средние века. Екатеринбург, 2000.

¹² Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 51.

¹³ Цит. по: Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003. С. 189.

¹⁴ Дурново Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. М., 1915. С. 13.

низвержение идолов в Финикии»¹⁵.

Тут я на стороне святого Златоуста — «закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукой и не только прикасается, но и смешивается с ней»¹⁶.

— Отец Андрей, за вами закрепились репутация миссионера нового времени — необычный стиль, смелость мысли, контакты с рокерами. Эта новизна раздражает некоторую часть, так сказать, консервативного духовенства. Иной раз вас называют «попсой российского Православия», иной раз «рационалистом», «ревизионистом» и «еретиком»...

— «Еретиком» меня называют газеты вроде «Русского вестника», редактор которого в былые времена трудился в идеологическом отделе ЦК, а теперь почему-то решил говорить от лица Православной Церкви. Всерьез к этому относиться не стоит.

Рационалист я только при анализе нашей современной церковной жизни. Все, что несет с собой церковное православное Предание, — я приемлю и умом и сердцем. Просто вот этому голосу Предания я доверяю больше, чем модным листовкам и видениям. Сравнить же свидетельства Предания с новыми феноменами, пробующими проторгнуться в церковную жизнь, — это уже работа рациональная. Сначала, впрочем, все равно это дело вкуса: сначала при знакомстве с очередной новизной рождается вкусовое ощущение — «не то», ну а затем уже это ощущение богослову просто надлежит облечь в аргументы.

«Ревизионист» я по отношению к своему атеистическому прошлому. Те свои взгляды я действительно пересмотрел. Да, мое переживание Православия отличается от переживания традиционно церковных людей. Для меня вера — это обретение, а не наследие. Одно дело: человек из священнической семьи, потомственный, у него где-то даже глаза замылились, ему что-то приелось, покучнело. Я ревизионист в том смысле, что до сих пор умею радоваться и открывать для себя глубину церковной традиции. До сих пор нахожу что-то новое, неожиданное и радуюсь.

Что касается «попсы» — в этом тоже есть своя правда. Попса — то, что популярно. А что — Православие должно быть элитарно, эзотерично? Разве проповедь приходского батюшки, что-то в сотый раз разжевывающего для бабушек, — не «попса», не упрощение? Почему приспособлять православную проповедь к уровню бабушек считается нормальным, а попытка вести тот же по сути разговор на языке студенчества считается предосудительной?

Если кого-то и шокирует моя внехрамовая проповедь, то меня не шокирует их реакция. Она по своему нормальна (хотя и не во всем разумна). В течение нескольких столетий слово Церкви преподносилось как поучение и наставление, обращенное сверху — вниз.

Люди привыкли к тому, что именно так и только так должна звучать проповедь. Проповедь была частью литургического искусства, частью богослужения. И она должна была быть позолочена, как и все в храме. Но вне храма изобилие позолоты неуместно. Если с этой классической амвонной проповедью сегодня войти в нецерковную аудиторию, твои семинарские опыты и вещания рискуют остаться при тебе. Вне храма нужно говорить просто на языке людей — даже если этот язык коряв.

¹⁵ Цит. по: *Тьерри А.* Свяtitель Иоанн Златоуст и императрица Евдокия. Христианское общество Востока. М., 1884. С. 183. При этом, однако, «апостолы остаются единственными миссионерами, известными святоотеческой литературе. Отцы Церкви нигде не упоминают о конкретных людях, своих современниках, которые отправились бы проповедовать варварам» (*Иванов С.А.* Византийское миссионерство. С. 71). Даже имя просветительницы Грузии — святой Нины — было неизвестно византийским церковным историкам (Там же. С. 33)... Еще более поражает то, что самые важные успехи в продвижении христианства за пределами империи оставались вне упоминаний греческих церковных писателей. Таким «молчанием века» окружены крещение Эфиопии (VI век), миссия Кирилла и Мефодия в Моравии (IX век), крещение Руси (X век)

¹⁶ *Свяtitель Иоанн Златоуст.* Беседы на Евангелие от Матфея. 46, 2.

Люди разные. И проповедь должна быть разной — в том числе и совсем не похожей на проповедь (ибо есть люди, которые боятся всякой зазывательности и пропаганды). Есть священники, от елейности проповеди которых меня лично тошнит. Но я вижу, что есть сердца (в основном — девичьи), которые отзываются именно на эту умильную елейность. И я готов целовать не только руки, но и ноги этих батюшек за их дивную проповедь, которая лично для меня ну совсем не съедобна.

Только апостол мог быть *всем для всех*¹⁷. Но у него был апостольский дар Пятидесятницы. Я же им не обладаю¹⁸. Оттого и приходится выбирать — для кого говорить и на каком языке. Заговоришь на благочестиво-обтекаемом церковном наречии — и, приобретя молитвы одних, потеряешь интерес со стороны других. И тут возникает вопрос: чье благорасположение для тебя важнее сохранить или приобрести — людей воцерковленных или нецерковных? Для священника важнее первое, для миссионера — второе.

— Не могли бы вы вспомнить подобную ситуацию из своей практики?

— В 1997 году в Архангельске происходили организованные епархией педагогические чтения, на которых впервые встретились учителя и священники. Докладчик выступал с сообщением о жизни Иоанна Кронштадтского, основанном на его малоизвестных, очень личных дневниках, которые он никогда не собирался публиковать. И вот зачитывается такое место из одного из них: «Господи, не попусти Льву Толстому дожить до праздника Рождества Божией Матери. Которую он так хулит».

Ситуация: учителя впервые встретились с миром Церкви, пришли послушать «о духовности», и на тебе — такое услышать от святого Русской Церкви. Они были просто в шоке. Владыка Тихон Архангелогородский оборачивается ко мне и шепчет: «Отец Андрей, твой доклад следующий, спасай ситуацию». Что делать? Встаю, поворачиваюсь к иконе Иоанна Кронштадтского, крещусь, кланяюсь ему и говорю: «Святой праведный отче Иоанне, прости меня, но я с тобою не согласен». И потом объясняю, что в православной молитве нельзя желать зла другому человеку, привожу соответствующие цитаты из отцов. Поясняю, что в Православии святость и безгрешность — это не одно и то же, что в этой дневниковой записи сказала наша ветхозаветная страстность, а не этическая максима православной веры.

Аудитория более-менее оттаяла. Но зато православные! Бородачи в сапогах, в черных рубашках встают и дружно уходят. В этой ситуации выбор был необходим. Пришлось пожертвовать своей репутацией в глазах некоторой части православных — ради того, чтобы не оттолкнуть от Церкви начинающих.

В самом начале своего пути к Церкви я услышал слова, которые стали для меня определяющими. Архиепископ Александр, ректор Московской Духовной Академии, в одной частной беседе сказал мне: «Мы должны почаще спрашивать себя, как бы в этой ситуации поступил апостол Павел».

Казалось бы, естественнее было сказать: «Как поступил бы Христос». Но ведь это невозможно — мы не можем ставить себя на место Христа, человек не в силах понять психологию Бога. Но почему владыка назвал именно апостола Павла? Апостол Павел — это апостол свободы. Он всегда умел великолепно различать, где главное, а где — второстепенное (и умел ценить второстепенное ради того главного, которое через него проступает). Он четко понимал, «где суббота, а где человек»¹⁹. Принцип его пастырства: ***Я с эллинами был как эллин, с иудеями — как иудей.*** Он знает о той свободе, с которой умный, верующий христианин может себя вести, но предлагает самим ограничивать себя в

¹⁷ Ср.: 1 Кор. 9, 22. — *Изд.*

¹⁸ Мой настоятель — семидесятичетырехлетний протоиерей Николай Ситников — говорит, что «в наше время у людей бывают добродетели, но нет даров».

¹⁹ См.: Мф. 2, 27. — *Изд.*

этой свободе — ради немощных братьев своих по вере.

Наша беда в том, что за две тысячи лет эти «немощные в вере» не исчезли; напротив, их голос стал решающим... Знаете, с этим когда-то надо кончать, нельзя всегда идти на поводу у бабушек и у их страхов. В конце концов, это и самих бабушек, и Церковь в целом сваливает в пропасть. Когда все сгрудилось на одном конце лодки, кто-то обязан встать на другом борту, иначе она перевернется.

— Но не слишком ли резко вы отзываетесь о приходских бабушках? Ведь именно эти «белые платочки» спасли Церковь во времена гонений.

— О том, что «белые платочки», наполнявшие храмы в советские годы, — защитили эти храмы от разрушения, сказано немало — в том числе и мной. Но сегодня-то в храмах как раз и нет белых платочков. Сравните фотографии церковных служб сорокалетней давности и современную картину. Именно белых платочков очень мало. Темные цвета стали преобладающими. Верный знак перемены религиозной психологии.

Но главное не в этом. Те бабушки, что сегодня стоят в наших храмах, — они ли их отстояли? Где они были двадцать лет назад? Сегодня число открытых храмов раз в десять превышает число действовавших приходов при советской власти. Число прихожан увеличилось пропорционально. Значит, лишь одна из десяти сегодняшних пожилых прихожанок была в Церкви пятнадцать лет назад. Вспомним, что далеко не все люди, встретившие пору реформ в уже пожилом возрасте, смогли дожить до наших дней, и станет понятно, что число исповедниц среди нынешних старших прихожанок не так уж велико — менее даже десяти процентов.

Так что тем, кто говорит мне, что я не имею права критиковать «бабушек, спасших Церковь», я отвечаю: из своих сорока лет я посвятил Церкви уже более половины. Многие ли из наших пожилых прихожанок могут сказать о своей жизни так же? Где они были в свои девятнадцать лет (а я крестился именно в девятнадцать)? Где они были в том 1982 году? Какую идеологию тогда исповедовали? Как давно они сами в Церкви и чем они рисковали, переступив порог храма? Так что не стоит позавчерашним комсомолкам говорить, что они и есть герои, спасшие Церковь. Те, кто ее спас, — это люди более старших поколений, это те, кто были церковными бабушками в 30–60-х годах. Но это поколение церковниц уже у Бога.

Наконец, тот типаж, с которым я веду полемику, во все годы не спасал Церковь, а разрушал ее изнутри. Это прихожанки, сами себя назначившие в цензоры и контролеры. Они в советские годы помогали комсомольцам: дружинники не пускали молодежь в храмы снаружи, а эти ревнительницы выгоняли молодежь из храмов изнутри.

В общем — разные они, церковные бабушки. Есть такие, чья улыбка светит Причастьем²⁰. А есть самые настоящие «бабки ёжки»: они в своей доцерковной жизни были лишены уважения и власти (и на работе, и в семье), так напоследок в храме норовят хоть что-то приватизировать и почувствовать себя вправе командовать.

А иногда, конечно, с нашими бабушками буквально — «и смех, и грех». Видишь проявление истовости их веры, но это проявление исполнено так, что без смеха и смотреть нельзя. Но и смеяться-то в данном случае грешно. А как без улыбки читать такое, например, объявление в сознательно «народном», попсово-«православном» журнале: «Мы с мужем болеем и нуждаемся в деньгах для поездки по святым местам — ради исцеления от недугов. А еще хотим приобрести икону “Прибавление ума”»²¹...

²⁰ У Александра Галича: «Знать бы загодя — кого сторониться, а кому была улыбка причастьем...».

²¹ Спасите наши души. Днепропетровск. 2003. № 9 (53). С. 43.

— А как вы обозначите свою аудиторию?

— Где бы я ни выступал, аудитория первого дня всегда «не моя». Приходят в основном прихожане, многие из которых ожидают, что я буду рассказывать о чудесах и блаженноуродивых старцах... Бабушки вскоре понимают, что ошиблись, и спокойно дремлют до того времени, когда можно задать свои вопросы. На следующую лекцию они уже, как правило, не приходят. Но несколько десятков людей из университетского мира, которые все же оказались на лекции, после нее задают нагрузку местным телефонным сетям. На следующий вечер численность слушателей та же, но уже качественно меняется их состав. И обычно к третьему вечеру собирается, наконец, моя аудитория. Приходят люди светские, для которых это первая возможность серьезного диалога с Церковью на их языке.

Моя аудитория — это люди, которым интересна мысль, сложность. Люди, которые боятся простых ответов и пропаганды. Люди, которые радуются, узнавая, что какие-то проблемы сложнее, чем им казалось раньше.

Христос пришел для всех. Значит — и для образованных людей тоже, а не только для «простецов» (которые, вдобавок, начинают совершенно некстати гордиться своей «простотой»).

— Отец Андрей, во время ваших общегородских лекций в нашем городе не возникло открытой полемики с сектантами, в частности, с «рериховцами». Что означает для вас такое молчание? Это победа или поражение?

— Для меня это тоже удивительно. Не только в устной речи, но даже по запискам не было заметно присутствия сектантов в зале. При этом я из многих источников знаю, что они там были, слушали мои выступления. Но при этом молчали. Может, просто сектант нонче пуганый пошел? Впрочем, у «рериховцев» есть такая тактика — обычно они ждут, когда я уеду из города, а потом, когда я уже не могу ответить, начинают реагировать.

А в общем, я рад, что удалось избежать полемики с сектами. Почему-то некой печальной чертой моего имиджа является слух, что я — «сектоед». На самом деле мне гораздо интереснее и важнее говорить о своей вере.

— Известна многочисленная критика вашей позиции по отношению к книге «Гарри Поттер». Есть ли среди этой критики какое-либо здоровое зерно или абсолютно все неприемлемо для вас?

— Скажу честно, что когда я первый раз читал некоторые антипоттеровские книги, то кое-какие страницы казались мне очень и очень убедительными.

Но это меня не смутило. Я книжник, живу в мире книг и знаю, сколь убедительными могут казаться те или иные приводимые аргументы и факты, которые, однако, теряют свою силу, если посмотреть на них с другой стороны... Мое давнее правило в литературной полемике — не отвечать сразу. Когда появляется критическая статья в мой адрес, я даю ей полежать несколько месяцев, пока не улягутся мои эмоции (эмоции — плохие помощники в полемике). Я некоторое время привыкаю к тексту, держу в уме приведенные аргументы, вновь и вновь сопоставляю их с теми книгами, которые читаю... И когда по прошествии некоторого времени я снова, уже более спокойно, принимаюсь за чтение критической статьи — то, как правило, выясняется, что все-таки я ошибся в оценке ее убедительности.

Так же было и в полемике вокруг «Гарри Поттера». Подробности — во втором издании книги «Гарри Поттер в Церкви: между анафемой и улыбкой», посвященной анализу всех антипоттеровских

публикаций и аргументов.

Мне понятна логика моих оппонентов. Их позиция очень логична, но вся эта логичность строится на неких изначальных допущениях, с которыми я как раз и не вижу необходимости соглашаться. Сначала были слухи, что Роулинг — сатанистка. Но эти слухи распускали сами же сатанисты в целях своей саморекламы, а Роулинг их опровергала. Как всегда, клевету расслышали все, а опровержение — лишь немногие. Полузнание — страшная сила. Ну, слышали авторы антипоттеровских статей о существовании Алистера Кроули — мирового лидера сатанистов. Оттого и поверили слуху о том, будто Кроули благословил выход «Гарри Поттера»...²² А ведь Кроули умер в 1947 году — за полвека до написания интересующей нас сказки...

Оттого, читая «Гарри Поттера» таким заранее предвзятым глазом, они легко обретали в тексте подтверждение своих опасений про «сатанистку Роулинг».

Я же вновь подтверждаю свою позицию: если вы видите, что прочтение «Гарри Поттера» вашими детьми неизбежно, то его надо читать вместе с ними, объясняя при этом «что к чему». Иначе дети прочтут «Гарри Поттера» в одиночку.

Знаете, что меня всегда удивляло в этой дискуссии? Когда педагоги и психологи пишут, что читать «Гарри Поттера» опасно, — они никогда не приводят никаких конкретных случаев. Вот, например, психиатры Медведева и Шишова. От психиатров вообще естественно ожидать описания каких-либо конкретных случаев заболевания: вот изначальное состояние ребенка до знакомства с «Гарри Поттером», а вот состояние его после прочтения этой книги. Его духовное и психическое состояние ухудшилось по таким-то параметрам, но мы провели такую-то работу, и ребенок реабилитирован. Но поскольку таких протокольных наблюдений нет, то приходится констатировать тот факт, что аргументы Медведевой и Шишовой далеки от психологии как науки.

Вот еще один рецепт изготовления антипоттеровского мифа. Во всех антипоттеровских публикациях как пример опасного влияния этой книги на детей приводится случай в Новосибирске. Там несколько первоклассников отравились медным купоросом, потому что «здоровенные дылды» (впоследствии оказалось, что это были всего лишь семиклассники) дали попробовать малышам «волшебного порошка Гарри Поттера», как сами эти «дылды» якобы называли медный купорос. Дети, конечно, отравились, а этот случай стал кочевать из одной антипоттеровской публикации в другую.

Я обратился к незаменимому орудию инквизитора — Интернету — и начал выяснять («инквизиция» в переводе с латыни означает «исследование»), в чем дело. И когда дошел до первоисточников, то есть, собственно, новосибирских газет, то оказалось, что «Гарри Поттер» не упоминается в них вовсе. Семиклассники, предложившие малышам «волшебный порошок», вообще не упоминали имя Гарри Поттера. А первые публикации о том, что этот скандал связан с Поттером, появились только через два месяца после происшествия!

И потом, независимо от «Гарри Поттера», вы можете себе представить шестилетних малышек, которые отказались бы попробовать «волшебный порошок»?

— Давайте подойдем к вопросу о «Гарри Поттере» с другого конца. Ваша позиция ясна: вы не советуете читать «Поттера», но если уж сложилась безвыходная ситуация, тогда читайте книгу вместе с детьми. Но почему же в своих публикациях вы полностью исключили критику этой книги? Не приведет ли это к тому, что ваша позиция будет восприниматься как

²² «Алекс Кроули, мировой вождь сатанистов, высочайше оценил этот цикл повестей» ([Без подписи] «Гарри Поттер» глазами православных // Русь державная. 2002. № 8 [98]). «Родоначальник сект современного сатанизма англичанин Алистер Кроули высоко оценивал цикл повестей Джоан Ролингз» (Верующие Крымской епархии Русской Православной Церкви. Не позволим сатанистам приносить в жертву наших детей! // Наш современник. 2002. № 10).

поттеровская апология и книгу будут читать как полезное произведение?

— Критиковать надо не книгу, а ее недобросовестную оккультную эксплуатацию.

Защищаю же я не Роулинг, а детей и их право на детство и сказку. Даже атеистическая соввласть этого права у детей не отнимала. Когда я в детский садик ходил, а это были жутко советские времена — 60-е годы, покорение космоса и так далее, — нам и то про волшебную палочку рассказывали. И даже был контрольный вопрос: «Дети, если у вас будет волшебная палочка и вы сможете только одно желание исполнить, какое ваше желание будет?». Правильный ответ был: «Воскресить дедушку Ленина».

Кроме того — я защищаю честь моей Церкви, от имени которой говорят жестокие глупости. Если уж кто-то от ее имени сказал некие поспешные неумности, то у людей не должно оставаться впечатление, будто вся православная публицистика такова... Да, у нецерковных людей бывают совершенно карикатурные представления о жизни и вере Церкви. Но все-таки ряд конфликтных ситуаций порождает мы сами, своими или слишком эмоциональными, или слишком бездоказательными реакциями. Просто иногда недоброкачественность аргументов может обрушить вполне доброкачественный вывод, ради которого и создавались эти аргументы.

Наконец, я пробую защитить детей от сатанистов, которые пробуют вломиться в детские души и в качестве фомки использовать книжку про Гарри Поттера. Лучше уж эту фомку у них из рук выбить и показать, что здесь нет логически необходимой связи, и поэтому ребенок, который полюбил эту книжку, ни по какой логике не должен считать себя обязанным дальше идти в мир магии, колдовства, в мир сатанистов.

Я же благодарен этой полемике хотя бы потому, что она заставила меня познакомиться с русскими народными сказками. Критики «Поттера» все время противопоставляли эту импортную книгу традиционным русским народным сказкам. В конце концов я с ними согласился. Но с противоположным выводом: «Поттер» гораздо нравственнее, чем оригинальные русские сказки. Просто мои оппоненты руководствовались смутными воспоминаниями о сказках советских, цензурированных изданий, а я взял научное издание русского фольклора — трехтомник Афанасьева «Русские народные сказки». Вот уж где разгул магии, вот уж где издевательства над духовенством, вот уж где в изобилии чистейшие примеры бессовестной проповеди лукавства, хитрости и удалства! Добыча денег лукавым путем (в стиле Остапа Бендера) составляет сюжет неожиданно большого числа русских сказок. Чудес там явно меньше, нежели обманов.

Вот, например, сказка про Иванушку-дурачка (номер 396 в афанасьевском собрании).

«Жил-был старый бобыль со своею старухой; у него было три сына: двое умных, младший — Иван-дурак. Вот как-то посеяли умные братья горох в огороде, а Ивана-дурака от воров караулить поставили. Понадобилось старухе, их матери, в огород сходить; только влезла туда, Иван-дурак заприметил и говорит сам с собой: “Погоди ж, изловлю я вора; будет меня помнить!”. Подкрался потихоньку, поднял дубинку да как треснет старуху по голове — так она и не ворохнулась, навеки уснула! Отец и братья принялись ругать, корить, увещать дурака, а он сел на печи, перегребает сажу и говорит: “Черт ли ее на кражу нес! Ведь вы сами меня караулить поставили”. — “Ну, дурак, — говорят братья, — заварил кашу, сам и расхлебывай; слезай с печи-то, убирай мясо!”. А дурак бормочет: “Небось не хуже другого слажу!”. Взял старуху, срядил в праздничную одежду, посадил на повозку в самый задок, в руки дал пята и поехал деревнею. Навстречу ему чиновник едет: “Свороти, мужик!”. Дурак отвечает: “Свороти-ка сам, я везу царскую золотошвейку”. — “Мни его, мошенника!” — говорит барин кучеру, и как скоро поверстались ихние лошади — зацепились повозки колесами, и опрокинулся дурак со старухою: вылетели они далёко! “Государь бояре! — закричал дурак на весь народ. — Убили мою матушку, царскую золотошвейку!”. Чиновник видит, что старуха совсем лежит мертвая, испугался и стал просить: “Возьми, мужичок, что тебе надобно, только не сзывай народу”.

Ну, дурак не залетел хлопотать много, говорит ему: “Давай триста рублей мне, да попа сладь, чтоб покойницу прибрал”. Тем дело и кончилось; взял дурак деньги, поворотил оглобли домой, приехал к отцу, к братьям, и стали все вместе жить да быть».

Вариант этой сказки (номер 395): «Дурак положил старуху на дровни и поехал в ближнее село; пробрался задами к попу на двор, залез в погреб, видит — стоят на льду кринки с молоком. Он сейчас поснял с них крышки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую — ложку, а сам за кадку спрятался. Немного погодя пошла на погреб попадья; глядь — незнамо чья старуха сметану с кринок сымает да в кувшин собирает; попадья ухватила палку, как треснет ее по голове — старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать: “Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!”. Прибежал поп: “Молчи, — говорит, — я тебе сто рублей заплачу и мать даром схороню”. — “Неси деньги!”. Поп заплатил дураку сто рублей и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами; братья спрашивают: “Куда мать девал?”. — “Продал, вот и денежки”. Завидно стало братьям, стали сговариваться: “Давай-ка уьем своих жен да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое дадут”. Ухлопали своих жен и повезли на базар; там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминаючи».

Торговать трупом («мясом») собственной матери — это в каких же еще сказках такое встретишь!

И по части жестокостей и анатомических подробностей русские сказки тоже оставляют «Гарри Поттера» далеко позади. Как-то Иванушка-дурачок «принялся овец пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе ралехонек» (номер 400). Гарри Поттера невозможно себе представить за таким занятием, да еще с такой реакцией...

Гарри изучает волшебство не ради власти и не ради богатства. Чего нет в Гарри — так это «воли к власти». Он больше радуется победам в спорте, чем в магии (тут он троечник). Волшебство для него совсем не главное. Он готов даже бросить Хогвартс и вернуться к ненавистным дурслям — поскольку он чувствует себя одиноким и перестает ощущать тепло дружеских человеческих отношений в волшебной школе. Волшебство он учит ради того, чтобы защитить свою жизнь и жизни своих друзей и тысяч неизвестных ему людей.

Герои русских сказок колдуют ради гораздо более корыстных целей (женитьба на принцессе, например). Иван Царевич и с оборотнями, женатыми на его сестрах, находился в самых добрых отношениях (см. номер 562), и услугами джинна (который в русской версии именуется Духом) пользовался отнюдь не в случаях смертной угрозы (номер 559)...

Гарри мучается, что не может защитить свое сознание от вторжения туда Волана-де-Морта, а вот персонажи русских сказок сплошь и рядом по своей охоте прислушиваются к нечистой силе и используют ее во вполне корыстных целях.

Причем если в мире «Гарри Поттера» волшебство не считается злом, то в русских сказках и автор, и читатели, и сами персонажи прекрасно знают, что такое «нечистая сила», знают, что за связь с ней надо расплачиваться душой и вечной гибелью (см. сказку «Неумойка», номер 278). И тем не менее играючи идут на «контакт» и договор.

И если у Гарри нет выбора — обратиться к магии или Церкви, то у героев русских сказок — такой выбор есть, но они предпочитают обращаться именно к магии. Молитва не отвергается, но считается недостаточной защитой. Например, в храмах от восставших покойников колдунов защищаются начертанием круга, гвоздями и молотком, сковородкой, а не просто мольбой к Господу (см. сказки номер 366 и 367).

Формула весьма многих русских сказок не «добро побеждает зло», а «хитрость побеждает зло».

И эта «находчивость» весьма неразборчива в средствах: она может использовать и обман, и колдовство, и воровство.

А в «Гарри Поттере» как раз предельно ясное различие добра и зла. Критерии добра и зла в «Гарри Поттере» ясны и вполне традиционны. Добро — это верность друзьям, забота о людях, любовь, жертвенность, семья как ценность (ее так не хватает Гарри). Сказку оценивать можно лишь по двум критериям: нравится она детям или нет, и по ее морали («сказка ложь, да в ней намек!»). То, на что «намекает» «Гарри Поттер», моралите этой сказки, вполне ясно: любовь защищает лучше магии. А детям сказка нравится. Тогда чего же к ней еще придираются!

Вдобавок адресована эта книга тем уже повзрослевшим детям, которые народных сказок читать уже не будут.

Народные сказки — они именно народные. Народ же — это «пестрое собрание глав». Одни головы одарены нравственным рассуждением, другие — не очень. Оттого и сказки такие пестрые: бывают дивные, христианские, нравственные, сердечные. А бывают — «хоть святых выноси». Относиться к ним поэтому тоже надо по-разному. А вот чего нельзя делать — так это выдавать индульгенцию русским сказкам просто потому, что они русские. Противопоставление «“Гарри Поттер” — плох, а вот русские сказки хороши» выдает плохое знакомство с материалом русских сказок. Никакой общей этики, морали в русских сказках нет. Одни русские сказки восхищаются тем, что с точки зрения христианства является злом, другие — добром. Да, замечу еще, что я не приводил примеров из «Заветных сказок» афанасьевского собрания — то есть брал далеко не самые бесовские образцы фольклора...

Так что сказать, что русские народные сказки как таковые в своей массе чем-то лучше «Гарри Поттера», никак нельзя. Но ведь — были же они. И как-то сосуществовали с церковностью того же русского народа. И раз деталью русской церковно-народной традиции было терпимое отношение к сказкам, то я, как консерватор, не вижу оснований к тому, чтобы сегодня эту традицию ломать.

— Каково сегодня в Церкви видение отлучения Льва Толстого от нее?

— Ничего не изменилось за эти сто лет. Чтобы понять, что произошло тогда на самом деле, нужно забыть рассказ Куприна «Анафема» и снятый по нему фильм. Никакого специального чина с торжественной анафемой Толстому не было. В церковных и светских газетах было опубликовано обращение Синода Толстому, в котором говорилось о том, что, к сожалению, взгляды Льва Николаевича ставят его вне Православной Церкви и делают невозможным его участие в Таинствах. И был призыв к православным христианам молиться о вразумлении графа Толстого. Что в этом безнравственного? Ведь и сам Толстой не считал свои взгляды церковно-православными. Так что Церковь просто со своей стороны подтвердила то, о чем Толстой неоднократно публично заявлял прежде.

Известен совершенно аналогичный жест в адрес того же Льва Толстого со стороны человека науки. Знаменитый русский врач Белоголовый лечил многих русских писателей. Но однажды, дав Толстому необходимые медикаменты, он не подал ему руки. В своих мемуарах он пояснил, что тем самым выразил свое отношение к толстовским нападениям на науку²³. И в самом деле, старчески брюзжащий Толстой нападал на все: на семью, на искусство, на государство, на науку, на технику. И на Церковь — в том числе. Все это казалось ему ненужным, репрессивным. Когда это брюзжание стало невыносимым, кощунственным и при этом заразным — тогда и Синод «отказал от дома» графу.

²³ См.: Наука, техника, культура: проблемы гуманизации и социальной ответственности. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 15.

И все же решение Синода об отлучении Льва Николаевича от Церкви может быть пересмотрено. Просто официальная церковная позиция по этому вопросу находится в руках архивистов. Именно они должны внести ясность в последние дни жизни Толстого. Известно, что он ушел из дома в Оптину пустынь, хотел встретиться со старцем Варсонофием, но не решился. Известно также, что Старец последовал за Толстым, чтобы все-таки с ним поговорить. Почему встреча не состоялась? Если удастся на основании документов, мемуарной литературы доказать, что в последние часы жизни Толстой был изолирован против своей воли, что у него было желание поговорить со Старцем и покаяться, но его секретари не позволили этому случиться, — вот тогда у Церкви будут все основания с радостью отменить свое бывшее решение.

— Михаил Булгаков в "Мастере и Маргарите" тоже пошел путем цензурирования Евангелия?

— Я бы не стал так говорить. С Булгаковым все намного сложнее, по той причине, что Лев Толстой писал от себя, а несомненно антихристианское евангелие от Воюанда — это евангелие именно от Воюанда, а не от Михаила Афанасьевича Булгакова. Поэтому в данном случае отождествлять автора и его персонажи — нелогично.

Более того, я думаю, что в определенном смысле православный Христос был именно таким, как булгаковский Иешуа Га-Ноцри из «Мастера и Маргариты». Точнее, как бы сказали сейчас, таким был «имидж» Христа, таким Он казался толпе. И с этой точки зрения роман Булгакова гениален, он показывает видимую, внешнюю сторону великого события — пришествия Христа-Спасителя на землю, обнажает скандальность Евангелия, потому что действительно нужно иметь удивительный дар благодати, совершить истинный подвиг веры, чтобы в этом запыленном Страннике без диплома о высшем раввинском образовании опознать Творца вселенной.

Мы привыкли к представлению об Иисусе Царе, Иисусе Боге, с детства слышим молитвы: «Господи, помилуй», «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». А такие произведения, как картины Ге, или, в меньшей степени, Поленова, или тот же «Мастер и Маргарита», помогают нам понять ВСЮ невероятность и парадоксальность апостольской веры, почувствовать ее болевой ожог, позволяют нам вернуться в точку выбора...

— Но все же почему среди церковных людей «Мастер и Маргарита» имеет больше противников, чем сторонников?

— Назовите мне хоть одну светскую книгу, которая имела бы в Церкви больше сторонников, чем противников! Исключением могут быть, наверное, только произведения Достоевского, да и то, как ни парадоксально, «Братьев Карамазовых» очень не любили в Оптиной пустыни²⁴.

Если судить по тем людям, которые вдумывались в «Мастера и Маргариту» уже будучи христианами, то видно, что существует два основных течения церковного литературоведения. Одна группа авторов считает (довольно аргументированно), что это оккультно-антихристианское произведение²⁵, а другая группа церковных литературоведов, не менее аргументированно, считает, что это не так.

Я думаю, что отгадки не найти в самом тексте. Вопрос ведь стоит не в том, как квалифицировать «пилатовские» главы в романе — они безусловно антихристианские. Вопрос в другом: каково было

²⁴ См. жесткий отзыв о Достоевском в книге: *Концевич И.М.* Оптиная пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970. С. 598–599.

²⁵ *Гаврюшин Н.К.* Лифостротон, или Мастер без Маргариты // Гаврюшин Н.К. Рыцари Софии. М., 1998 (<http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=22970§ion=14>).

отношение к ним самого Булгакова? А для того, чтобы ответить на него, необходим огромный комплекс свидетельств: биографических, мемуарных, необходим анализ черновиков «Мастера и Маргариты», а для этого нужно выйти за пределы «книжки в зеленом переплете», то есть самого романа.

Лично мне ближе та позиция, что в «Мастере и Маргарите» Булгаков пробовал дать некое предостережение против доверия к атеистической пропаганде. Для этого он использовал тот прием, который называется *reductio ad absurdum*, когда берется позиция оппонентов и ты заранее соглашаешься с ней, но доводишь их позицию до логического предела, и этот предел оказывается абсурдным.

Дело в том, что на Христа, как на странного и полусумасшедшего проповедника, указывали все атеистические лекторы 20–30-х годов в советской России. Булгаков не имел возможности прямо спорить с ними по цензурным соображениям, и поэтому он написал «Мастера и Маргариту», где глаза научного атеизма были вставлены в глазные впадины Воланда, и оказалось, что атеизм — это как раз взгляд на Христа сатаны, а отнюдь не просто науки.

— Почему вообще для христиан так важно утверждение, что Христос — это Бог? Многие люди, например Лев Толстой, не были атеистами, но порвали с Церковью именно из-за этого пункта ее вероучения. Почему христиане настаивают, что Иисус не просто самый лучший учитель нравственности, не просто великий и умный человек, а Сам Бог?

— Знаете, современное человечество одержимо идеей контактерства: очень хочется найти вземные цивилизации. Когда спрашиваешь у энтузиастов этих проектов: «Зачем?» — они восклицают: «Но ведь так радостно знать, что мы не одни во вселенной!».

Точно так же я скажу и о христианстве. Для христиан тоже жизненно важно знать, что мы не одни во вселенной, что Бог не равнодушен к нам. Нам важно знать, что в глазах Бога, Творца всей вселенной, мы не заброшены, что мы не какие-нибудь ублюдки, копошащиеся на окраине вселенной. Смысл нашей жизни придает то, что Бог не послал нам какого-то вестника, а пришел к нам Сам. Оказывается, в глазах Бога мы что-то значим. Помните капитана Копейкина у Достоевского, который говорил, что «если Бога нет, то какой же я капитан». Точно так же и здесь: если Бога нет, тогда мы действительно просто космическая плесень, покрывшая камень, который носится по окраине Млечного Пути. Или, по-другому, если Бог все-таки есть, но Он никогда не воплощался, не становился таким же человеком, как и мы, то в глазах этого Бога мы не представляем никакой ценности. Он не приходил нас искать. А если Бог нас не искал, тогда зачем же нам искать такого Бога, ведь мы все равно Ему безразличны?

Кроме того, для христиан жизненно важно знать и что Иисус — это не порождение земли, не просто один из великих людей, создавших человеческую культуру. Потому что те вещи, которые мы можем созидать, мы же можем и разрушить. А христианам важно знать, что в нашу жизнь вошло нечто неразрушаемое. То, что не только само не могло бы разрушиться, но может еще и нас спасти от разрушения. Все, что создает человек, подвержено тлению, поэтому важно, что нечто сверхчеловеческое вошло в нашу жизнь и сделало ее нетленной.

Здесь нам придется говорить уже на сугубо религиозном языке, потому что смерть, оказывается, бывает разная. Есть смерть физическая, биологическая, а есть смерть души, которая задыхается без Бога. Вот это безвоздушное пространство языческого мира Христос наполнил Собой, то есть теперь, когда душа выходит из тела, она уходит не в пустоту — она уходит к Богу.

Очень понятно желание многих людей видеть Христа обычным учителем нравственности. Дело в том, что христианство, Евангелие и вообще мир Церкви — это мир императивов, мир этики, которая

властна совершать над человеком суд. Более того, это не просто суд, который ты сам совершаешь в своей совести над собой. Христианство — это живая традиция, оно может опровергать ложные видения своего учения. Поэтому его труднее переделать в соответствии со своими вкусами, подстроить его под себя, как это можно сделать с какой-нибудь «умершей» религией.

Человек прекрасно понимает, что, соприкоснувшись с миром Евангелия, он подставляет себя под стрелы императивов, повелений, жестких требований: со стороны самого евангельского текста, со стороны своей совести, да еще и со стороны Церкви. Конечно, он пытается избежать подобной ситуации, но, чтобы совсем не «ругаться» со Христом, такой человек по-дружески хлопает Его по плечу и говорит: «Да, я признаю, что Ты великий учитель и человек высокой нравственности». Но на самом деле он совершает то, что иначе как «поцелуем Иуды» и назвать нельзя. Именно так характеризовал Достоевский книжки XIX века, в которых пояснялось, что Иисус, конечно, великий человек, но не Бог.

Вроде бы комплимент. Но на самом деле такое признание означает только одно — мы еще раз хороним Христа, мы погребаем Его в гробнице истории, тщательно замуровываем в ней, чтобы Он ни в коем случае не вышел оттуда и не вторгся в нашу жизнь. Люди провозглашают Христа «Великим Учителем человечества» именно для того, чтобы перестать у Него учиться.

Логика у этих не-учеников (или неучей) простая: раз Христос не Бог, значит, и основанная Им Церковь не имеет отношения к Богу. Соответственно, и книги, от имени Христа возвещаемые Церковью, не имеют за собой никакого Божественного достоинства. Далее начинается сказка о том, что все Евангелия правлены-переправлены, а самое главное, настоящее Евангелие хранится где-то в Тибете...

Все. Человек встал на путь конструирования христианства по принципу «сделай сам». Дальше начинается цензура Евангелия: «Вот этого Христос сказать не мог, потому что я с этим не согласен, а вот это, несомненно, Его идея, потому что она мне нравится. И вообще, знаете, я думаю, Христос вот в этом месте должен был вот то-то сказать, потому что это мое глубочайшее убеждение. Вообще-то Он это и сказал, но просто последующие цензоры вырезали».

В итоге получается, что, провозгласив Христа просто Великим Учителем, человек сам начинает поучать Его: что Он мог делать, а чего не мог. Таким путем пошел и Лев Толстой. Он просто начал цензурировать Евангелие. Он запрещал Христу воскресать, запрещал Ему творить чудеса и уж тем более запрещал Христу брать в руки бич, чтобы выгнать из храма торгашей.

— А что могут добавить современные богословы к тому, что было сказано о Христе в эпоху Вселенских Соборов с IV по VIII век?

— Интереснейшая черта из истории христианства: богословские споры первых веков христианства были спорами о личности Христа. Не об учении Христа, не о толковании тех или иных Его притч, а о том, кто такой Сам Христос. Главные дискуссии были вокруг уяснения меры Его причастности Богу и миру людей.

И все же отцы Вселенских Соборов сознательно устранились от решения некоторых проблем. Например, халкидонский догмат Четвертого Собора (451 год) говорит, что во Христе Божественная и человеческая природы соединились неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно. Это ведь не столько ответ, сколько уход от ответа — четыре «не». Как на самом деле соединились Божество и человечество во Христе, мы не знаем. Отклонены четыре слишком поспешные попытки ответа. Пространство истины ограждено, но не ословесено, не сформулировано.

Ведь Бог стал человеком, а не мы. Именно поэтому здесь надо четко поставить предел своей

конструктивной любознательности. Человек по-настоящему может знать только то, что он сделал сам. То, что не нами сделано, не нами изготовлено, не с нами было, остается для нас тайной. Поскольку не мы сделали Бога человеком, а Он Сам пожелал стать человеком, то положительного ответа на вопрос о том, как абсолютное, вечное и нетленное соединилось с ограниченным, временным и тленным, быть не может, по крайней мере до тех пор, пока мы сами не достигнем цели, про которую Афанасий Александрийский сказал так: «Бог стал человеком, чтобы человек смог стать богом».

Что остается на долю современных богословов? Проблема состоит еще и в том, что ряд определений Вселенских Соборов сформулирован на языке античной философии. Точнее говоря, на языке позднеантичной школы. Но, во-первых, это язык все-таки изначально нехристианский, языческий. Во-вторых, сегодня он сохраняется только в церковных школах и непонятен вне стен семинарий. Впрочем, и в семинариях понятным делается не столько сам этот язык, сами термины, сколько правила употребления этих терминов в профессионально-богословских текстах... Например, мы говорим, что у Христа одна ипостась. В Троице — три ипостаси. Что означает слово «ипостась»? Даже у святых отцов в разные века за этим словом скрывался довольно разный смысл.

В дореволюционной Петербургской Духовной Академии профессор Мелиоранский поднял этот вопрос. К тому времени все богословы уже согласились, что слово «ипостась» точнее всего соответствует такому термину новейшей философии, как «личность». Но такое содержание впервые в это слово вложил святитель Филарет Московский в начале XIX века. Мелиоранский же спросил: можем ли мы, сохраняя верность терминам и формулам древних Соборов, нагружать эти термины другим содержанием, содержанием, которое мы берем из современной философии? Ведь отцы Вселенских Соборов брали его из современной им позднеантичной философии, а можем ли мы, сохраняя верность их догматическим формулам, наполнять эти формулы содержанием современной философской культуры? Отцы утверждали теснейшую связь антропологии и теологии: «Итак, если ты понял смысл различия сущности и ипостаси по отношению к человеку, примени его к Божественным догматам — и не ошибешься»²⁶. Но сегодня антропология, философские представления о человеке решительно изменились. Разве могут эти перемены не повлиять на теологию? Вопрос до сих пор остается открытым... Реально это и происходит, хотя и под недовольные причитания богословов²⁷.

— **Для далекого от богословских дискуссий человека споры о природе Иисуса Христа, о соотношении в Нем Божественного и человеческого, нередко кажутся внутренними «разборками» между конфессиями, между течениями в христианстве. Неужели вся эта догматика так важна для человека, который хочет просто любить Его?**

— Да, это действительно наши внутренние «разборки», но я не вижу в них ничего плохого и противоестественного. Разве не могут богословы серьезно говорить на своем языке? Почему, например, у физиков есть возможность обсуждать свои проблемы в кругу ученых, а как только богословы пытаются всерьез говорить на интересующие их темы на понятном для соответствующих специалистов языке, они тут же обвиняются в схоластике?

Жителям Бирюлева может быть абсолютно все равно, что происходит с электронами и какому закону они подчиняются, но каждому из них важно, будет ли в его доме гореть лампочка или работать телевизор. А ведь появление и работа этих приборов — прямое следствие дискуссий среди ученых-физиков. То же самое можно сказать и о богословии, потому что последствия споров ученых-

²⁶ Святитель Василий Великий. Письмо 38 // Историко-философский ежегодник '95. М., 1996. С. 273.

²⁷ Протоиерей Георгий Флоровский настаивал на том, что быть христианином значит быть греком: «Я лично исполнен решимости защищать этот тезис, и притом на двух разных фронтах: как против запоздало возрождаемого ныне гебраизма, так и против любых попыток переформулировать догматы в категориях современных философий, из какой бы страны они ни исходили (Гегель, Хайдеггер, Кьеркегор, Бергсон, Тейяр де Шарден), или в категориях якобы особой славянской ментальности» (Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 156).

богословов очень важны не только для тех, кто в них участвует, но и для всей человеческой цивилизации.

Наша культура очень целостна. Когда стоит красивое здание, то мы видим только то, что находится снаружи: стены, облицовку, рамы и так далее. Но держат все это мощные внутренние опоры, каркас, не видимый нами. Здание нашей цивилизации тоже зиждется на определенных столпах и опорах, создававшихся в том числе и в богословских дискуссиях, и если хоть одна опора выходит из строя, то все здание начинает коситься, а сломай их две или три — и здание вообще рухнет.

Я приведу пример подобного, некогда почти состоявшегося, «просчета архитектора». Один из первых споров в богословии был спор о том, считать ли Христа *подобным* Богу или *единым* с Ним. Люди, получившие название ариан, утверждали, что Христос Богом не является, что Он не единосущен Богу Отцу. В греческом языке спор шел из-за одной-единственной буквы: единый — «омо», а подобный — «оми». Причем этот последний звук передавался двумя буквами: oi. Так вот, если бы только Церковь вставила в догмат эту самую маленькую, незаметную букву греческого алфавита — йоту (i), то эта новизна опустошила бы все музеи будущей Европы.

Логика была бы следующей: если Христос не Бог, то, значит, Бог к людям не приходил. Он остался по-ветхозаветному непостижим, трансцендентен и невидим. В этом случае мир христианства стал бы миром безликого Бога и, как в исламе или иудаизме, запрет на Его изображение обрел бы полную силу. Не было бы ни Андрея Рублева, ни Микеланджело, ни Рембрандта; не было бы живописи ни сакральной (иконы), ни светской, как нет ее, например, в Саудовской Аравии или Ираке. Так что все «ненужные» богословские споры, как оказалось, напрямую влияют на жизнь каждого из нас.

Вообще: что такое догмат? Это честная констатация евангельских фактов. Догмат стоит на страже Евангелия, чтобы ничего оттуда не пропало. Одни люди, читая Евангелие, видят во Христе только Бога и не замечают Его человечества, другие люди, читая то же Евангелие, видят во Христе только Сына Человеческого и не замечают в Нем Бога. А догмат говорит: «Нет. Давайте брать Евангелие целиком: Иисус Христос — и Бог, и человек одновременно. Каким образом? — Мы не знаем, а просто констатируем факт, ведь не мы же писали Евангелие».

Многие люди боятся слова «догмат», но с тем же успехом можно испугаться и слова «мощи». Напомню, что с церковнославянского языка это слово переводится как «кости», «скелет». Кстати, Честертон говорил, что призыв освободить христианство от догматики сродни призыву освободить меня от моих костей.

— Если утверждать, что Христос — Бог, что Он безгрешен, а человеческая природа — грешна, то как же Он мог воплотиться, разве это было возможно?

— Человек грешен — не изначально. Человек и грех — не синонимы. Да, Божий мир люди переделали в знакомый нам мир-катастрофу. Но все же мир, плоть, человечность сами по себе не есть нечто злое. А полнота любви в том, чтобы прийти не к тому, кому хорошо, а к тому, кому плохо. Полагать, что воплощение осквернит Бога, все равно что сказать: «Вот грязный барак, там болезнь, зараза, язвы, как же врач рискует туда зайти, он же может заразиться?!». Христос — Врач, Который пришел в больной мир.

Святые отцы приводили и другой пример: когда солнышко освещает землю, оно освещает не только прекрасные розы и цветущие луга, но и лужи и нечистоты. Но ведь солнце не сквернится оттого, что его луч упал на что-то грязное и неприглядное. Так и Господь не стал менее чистым, менее Божественным оттого, что прикоснулся к человеку на земле, облекся в его плоть.

— Как же мог умереть безгрешный Бог?

— Смерть Бога — это действительно противоречие. «Сын Божий умер — это немислимо и потому достойно веры», — писал Тертуллиан в III веке, и именно это изречение впоследствии послужило основой тезиса «верую, ибо абсурдно». Христианство — это действительно мир противоречий, но они возникают как след от прикосновения Божественной руки. Если бы христианство было создано людьми, оно было бы вполне прямолинейным, рассудочным, рациональным. Потому что когда умные и талантливые люди что-то создают, их продукт получается довольно непротиворечивым, логически качественным.

У истоков христианства стояли, несомненно, очень талантливые и умные люди. Столь же несомненно и то, что христианская вера получилась исполненной противоречий (антиномий) и парадоксов. Как это совместить? Для меня это — «сертификат качества», знак того, что христианство нерукотворно, что это — творение Бога.

С богословской же точки зрения Христос как Бог не умирал. Через смерть прошла человеческая часть Его «состава». Смерть произошла «с» Богом (с тем, что Он воспринял при земном Рождестве), но не «в» Боге, не в Его Божественном естестве.

— Многие люди легко соглашаются с идеей существования единого Бога, Всевышнего, Абсолюта, Высшего Разума, но категорически отвергают поклонение Христу как Богу, считая это своеобразным языческим пережитком, поклонением полуязыческому антропоморфному, то есть человекоподобному, божеству. В чем различие между этими двумя понятиями?

— Для меня слово «антропоморфизм» — это вовсе не ругательное слово, как многие привыкли его воспринимать. И когда я слышу обвинение вроде «ваш христианский Бог — антропоморфен», я прошу перевести «обвинение» на понятный, русский, и тогда все сразу встает на свои места. Я говорю: «Простите, в чем вы нас обвиняете? В том, что наше представление о Боге — человекообразно, человекоподобно? А вы можете создать себе жирафообразное, амебообразное, марсианообразное представление о Боге?».

Мы — люди, поэтому, о чем бы мы ни думали — о травинке, о космосе, об атоме или о Божестве, — мы мыслим об этом по-человечески, исходя из наших собственных представлений. Так или иначе, мы всё наделяем человеческими качествами.

Другое дело, что антропоморфизм бывает разным. Он может быть примитивным: когда человек просто переносит, проецирует все свои чувства, страсти на природу и на Бога, не понимая этого своего поступка. Тогда получается языческий миф.

Христианский антропоморфизм знает о себе, он замечен и продуман, осознан. И при этом он переживается не как неизбежность, а как дар. Да, я, человек, не имею права думать о непостижимом Боге, я не могу претендовать на Его познание, а уж тем более выражать это моим ужасным куцым языком. Но Господь по любви Своей снисходит до того, что Сам облакает Себя в образы человеческой речи. Бог говорит словами, которые понятны кочевникам-номадам II тысячелетия до нашей эры (каковыми и были древнееврейские праотцы: Моисей, Авраам...). И в конце концов Бог даже Сам становится Человеком.

Христианство начинается с того, что Бог непостижим. Но если на этом остановиться, то религия, как союз с Ним, просто невозможна. Она сведется к отчаянному молчанию. Религия обретает право на существование, только если это право дает ей Непостижимый из желания быть все же найденным. Только тогда, когда Господь Сам выходит за границы Своей непостижимости, когда Он приходит к людям — тогда планета людей может обрести религию с неотъемлемым от нее антропоморфизмом.

Только Любовь может переступить через все границы апофатического приличия.

Есть Любовь — значит, есть Откровение, излияние этой Любви. Это Откровение дается в мир людей, существ довольно агрессивных и непонятливых. Значит, надо защитить права Бога в мире человеческого своеволия. Для этого и нужны догматы. Догмат — стена, но не тюремная, а крепостная. Она хранит дар от набегов варваров. Со временем и варвары станут хранителями этого дара. Но для начала дар приходится от них защищать.

И, значит, все догматы христианства возможны только потому, что *Бог есть любовь*²⁸.

— Если бы среди нас сейчас появился Иисус, смогли бы вы Его узнать и признать — не потому, что я знаю, что это Он, а именно потому, что это — Он?

— Первое: не признаю и не поклонюсь. Потому что именно о такого рода авантюристах Христос сказал: многие придут под именем Моим, говоря, что это Я²⁹, и предупреждал: не ходите вслед их³⁰. Второе Пришествие Христа будет очевидным для всего человечества: как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой³¹. И, кроме того, до этого еще антихрист будет. Поэтому если вы хотите выяснить, пришло ли время Апокалипсиса или нет, я даю очень простой совет: смотрите НТВ.

Дело в том, что, с точки зрения иудаизма, приход Мессии в мир не может быть сокровенным. Это должен быть всемирный правитель — правитель Израиля, который даст израильскому народу власть над всем миром. Иисус этого не сделал. Поэтому иудеи в большинстве своем Его не приняли. Соответственно, тот, кого евреи примут за своего Христа, должен будет отвечать их ожиданиям. Это должен быть преуспевающий политик, великолепно сделавший свою карьеру. Это должен быть правитель земного шара, но при этом еврейского происхождения. Он должен быть коронован израильтянами — но на том месте, где сейчас находится мусульманская святыня — мечеть Омара, из-за которой сейчас происходят все эти военные конфликты на Ближнем Востоке. И так, сначала будет взорвана мечеть Омара, потом на ее месте будет построен храм Соломона, потом там будет коронован царь Израиля, и, естественно, этот царь будет показан по всем телеканалам... Уверю вас, скрытым все это не останется.

В 20-е годы была замечательная история. Русские эмигранты арендовали одну из квартир многоэтажного дома под храм — отдельное здание не было возможности купить. Вначале все было спокойно: тихое чтение Псалтири, канона, акафиста... А затем пришла Пасха. А это ночная служба, все кричат. «Христос воскрес!». Соседям, конечно же, не дали спать всю ночь. И возмущенные соседи наутро начинают собирать подписи с требованием закрыть этот храм. Они собирают подписи у всех жильцов и вспоминают: еще в этом подъезде живет раввин, и это ж важно: раввин — сам духовное лицо, авторитетное в мэрии, поэтому ж надо, чтоб и он подписался. И вот эти организаторы протестной акции приходят к раввину, просят его подписать, а он говорит: «Не подпишусь». Его спрашивают: «Как? А вам разве не мешали этой ночью?». Он говорит: «Мешали». — «Разве вы не слышали, как там кричали, орали?». — «Слышал». — «Ну и что, вы не будете протестовать против этого?». Мудрый раввин ответил: «Если бы я был уверен, что я нашел Мессию, я бы кричал еще громче». Вот это характерная черта иудаизма: если они будут уверены, что обрели Мессию, они будут кричать об этом на весь мир. И конечно, покажут это по телевидению. Поэтому я и говорю: смотрите НТВ — там вам покажут всю процедуру в режиме on-line.

²⁸ 1 Ин. 4, 8. — *Изд.*

²⁹ Лк. 21, 8; ср.: Мф. 24, 5; Мк. 13, 6. — *Изд.*

³⁰ Лк. 21, 8. — *Изд.*

³¹ Лк. 17, 24. — *Изд.*

Поэтому я не намерен искать Христа среди слушателей в этом зале. Тем более что у меня есть опыт беседы с «Христом». Я целых три часа с ним беседовал — это товарищ Виссарион из Сибири. Это была интересная беседа, я ее описал в книге «Дары и анафемы», в главе «Устарел ли Новый Завет». Это же любимый аргумент всех сект: как попы Ветхого Завета не узнали Христа и распяли, так и вы теперь отрицаете... дальше по желанию добавляется кого: Рериха, Виссариона, Муна, Хаббарда и так далее, и тому подобное. Как говорится, по вкусу добавить, ненужное зачеркнуть...

— **Церковь утверждает свое преемство от ветхозаветного Израиля. Ветхозаветному Израилю был обещан от Бога Мессия — Христос. На этом строилась (и строится до сих пор) вся история и религия Израиля и иудеев. Но почему же две тысячи лет назад в Иисусе из Назарета не узнали обещанного Мессию те, кто был просто обязан Его узнать?**

— Это, наверное, главная тайна Евангелия, и ее надо понять именно как тайну. По большому счету евреи не виноваты в том, что не узнали Христа. Не надо путать вину тех, кто кричал Пилату: *распи Его!*, — и тех, кто просто прошел мимо. Это разные состояния души.

Апостол Павел говорит, что *никто не может назвать Иисуса Господом, как только духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Понимаете, вот идет по улице Иерусалима Иешуа Га-Ноцри, и признать в этом плотнике и странствующем проповеднике Творца вселенной невозможно, хотя ты можешь наизусть знать Библию, умело «жонглировать» цитатами из нее и наизусть знаешь все пророчества о грядущем Мессии, как знали их многие евреи. Только если Бог откроет тебе духом Своим, что Иисус есть Господь, что Иисус есть Христос, только в этом случае можно узнать Его.

Этот благодатный дар — познания Себя — дает только Сам Бог, поэтому от Бога зависело, кого Он призовет к апостольству, а кого не призовет. Помните в Ветхом Завете: Господь ожесточил сердце фараона и тот перестал видеть очевидные вещи и не хотел отпускать евреев из Египта. То, что для Моисея и израильтян было очевидным, для фараона — не было таковым.

Так же и в случае со Христом. У сектантов сегодня модно говорить, что «вот, вы, церковники, офарисеились, и если бы сегодня Христос пришел на землю, вы бы тоже Его распяли». Знаете, я глубоко убежден, что так оно и есть, только в этом нет ничего антицерковного. Во-первых, здесь очень важно осознать, что события, произошедшие в Евангелии, произошли с каждым из нас: не за грехи евреев Христос страдает, а за мои грехи. А во-вторых, если бы Христос пришел на землю сейчас с той же целью, что и две тысячи лет назад, то есть пострадать, то если такова Его цель — так произошло бы непременно. Он точно так же ослепил бы умы: ваш, мой, епископов и так далее, если, конечно, Его задача состояла бы в том, чтобы пострадать. Другое дело, мы знаем, что Второе Пришествие Христа на землю будет славным, и, соответственно, вышеприведенный аргумент уже не будет действовать.

Один священник из Вятской епархии рассказывал мне такой эпизод из своей биографии. Когда он был первоклассником, то часто читал своей бабушке Евангелие (она была очень слаба: плохо видела и с трудом ходила). И вот однажды на Страстной седмице, когда он читал ей главы, посвященные суду над Христом и Его распятию, бабушка вдруг из последних сил поднялась с кресла, повернулась к иконам, перекрестилась и сказала: «Господи, слава Тебе, что Ты не к нам, к русским, пришел, а то ведь какой позор на весь мир был бы».

Вот это очень христианское, правильное переживание Евангелия. Мы не имеем права показывать пальцем и говорить, что «это сделали они, а мы поступили бы иначе». У них не было выбора, потому что выбор появляется в том случае, когда Господь открывает в твоём сердце знание о том, Кто есть Христос, и тогда ты уже делаешь выбор между ветхим и новым. А если ты этого нового не видишь, если тебе не дано пока такого благодатного знания, то ты и дальше катишься по колее Ветхого Завета.

— Получается, что правы те, кто оправдывают предательство Иуды предопределением Божиим?

— Нет, с Иудой совсем другая ситуация. Он совершил сознательный грех, потому что у него была возможность выбора. Ведь Иуда уже пришел к апостольству, ему уже очень много было открыто, поэтому его положение сильно отличалось от положения обычного жителя иерусалимского пригорода, который об Иисусе только где-то что-то слышал или мельком видел Его в толпе. Но двенадцать учеников Иисуса, в том числе и Иуда, знали, Кто их Учитель, они знали, что Он Господь и Христос, и могли выбирать. Другое дело, что до момента Воскресения они не понимали Его замысла о спасении.

У профессора дореволюционной Московской Духовной Академии Тареева была интересная версия относительно Иуды. Он полагал, что Иуда выступил в роли провокатора-реагента, то есть он верил, что Иисус есть Христос и истинный Бог, но его смущало, что Иисус почему-то таится и всенародно не объявляет Себя Мессией, не берет в Свои руки земную власть. И тогда Иуда попробовал создать ситуацию, при которой Иисус должен был бы взять власть в Израиле в Свои руки, то есть он попробовал поставить Иисуса в ту ситуацию, при которой перед Ним встал бы выбор: или смерть, или переворот. Так что, по мнению Тареева, это было предательство ради возвышения Того, Кого Иуда предал.

— Почему же Христос нигде прямо не называл Себя Богом? Наверное, это намного облегчило бы Его миссию по спасению людей, может быть, в этом случае Его бы сразу все приняли и узнали?

— В Евангелии не раз говорится о том, что иудеи просили Христа показать им какое-нибудь знамение с неба: дай нам его, и мы поверим, что Ты Мессия³². Но пойти таким путем для Христа означало бы принять то, что предлагал Ему в пустыне сатана³³.

А без чудес — скажи Иисус прямо о том, что Он Бог, евреи совсем бы Его слушать перестали, потому что с точки зрения иудеев Он и так уже был кощунником, который крадет Божественную славу. А язычники, пожалуй, согласились бы признать Иисуса Богом, но такое согласие означало бы только то, что в их глазах Он стал одним из тысяч богов греко-римского пантеона.

Например, сегодняшние буддисты или индуисты принимают Христа, но это никак не влияет на их религиозную жизнь. Для них Христос — один из сотен божеств их домашнего «пантеона».

И главное: Христос ведь пришел не за тем, чтобы собрать с людей дань уважения и почитания. Он пришел, чтобы умереть за нас. А для того, чтобы стать казненным, как раз не надо быть обожаемым.

— Когда вы впервые осознали, что верите во Христа не просто как в учителя нравственности, жившего две тысячи лет назад, а как в Бога, от Которого зависит вся ваша жизнь?

— Для меня это были два разных момента: сначала пришла вера во Христа как Бога (Творца, Спасителя, грядущего Судию), а уже потом — вера во Христа как Вседержителя, от Которого зависит моя жизнь здесь и сейчас.

Что касается первого, то это произошло, когда мне было восемнадцать лет. В то время я «болел»

³² См.: Мф. 12, 38; 16, 1; Мк. 8, 11. — *Изд.*

³³ См.: Мф. 4, 1–11. — *Изд.*

произведением Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и там меня очень поразила легенда о Великом Инквизиторе. Можно сказать, что в моей жизни это был переломный момент. Дело в том, что в легенде о Великом Инквизиторе чудесным образом сошлись все те философские проблемы, о которых я тогда думал. Все, что тогда меня пугало в жизни, сконцентрировалось в словах Великого Инквизитора. Я вдруг понял, что те искушения в пустыне, которые были предложены сатаной Христу, — это предельно емкие искушения, которые охватывают всю деятельность сатаны в мире и полностью характеризуют его. И поэтому я согласился с той характеристикой, которую Достоевский дал этому евангельскому персонажу: «дух сверхчеловечески умный и злобный».

То есть получилось так, что сначала я признал существование сатаны и ужаснулся реальности сатанинского замысла о нас, ну а затем последовал логический вывод: если Христос смог отвергнуть эти искушения, значит, Он тоже сверхчеловечески умен, но добр. Пришло осознание Христа как Спасителя. Ощущение внутренней пустоты прошло, свет в окошке забрезжил.

Но все равно с моей стороны это было пока только некое философское принятие Христа. Начать молиться было намного труднее, и это произошло несколько позже, а крестился я почти через год после этих событий. И даже будучи крещеным, я с большим трудом понуждал себя публично перекреститься в храме или поклониться вместе с бабушками, которые там стоят. Более того, спустя еще год после Крещения на какой-то марксистской лекции, когда лектор громил идеалистов, я с ужасом понял, что он говорит фактически про меня. Осознать то, что я стал идеалистом, было очень трудно, настолько глубокие корни пустила марксистская закваска в моем подсознании.

А отношение к Нему как к Вседержителю пришло уже позже. Понимаете, своеобразие юношеской веры заключается в том, что она ни о чем не просит, она просто радуется тому, что Бог есть. Еще нет болячек, нет каких-то безвыходных жизненных ситуаций и, следовательно, можно приходить к Богу не торгуясь, не выклянчивая «гуманитарную помощь». Поэтому впервые я начал относиться ко Христу не просто как к Творцу и грядущему Судье, а как ко Вседержителю, от Которого зависит моя жизнь здесь и сейчас, только тогда, когда начал молиться о том, чтобы Господь помог мне поступить в семинарию.

— Почему в практике православного миссионерства так мало используется Священное Писание, не слишком ли мы увлеклись устным Преданием?

— Я думаю, что практика православного миссионерства здесь ни при чем. Вопрос в другом — насколько христоцентрично современное православное мышление?

Апостол Павел говорил о святых как об *облаке свидетелей* (ср.: Евр. 12, 1). Но в сознании некоторых людей это облако сгущается настолько, что заслоняет собой солнце, то есть Самого Христа.

Например, мне грустно было видеть то, что в нашей Церкви, по сути, никак не отпраздновали двухтысячелетие Рождества Христова. Нет, официально провели несколько концертов, банкетов и так далее. Но никакого миссионерского всплеска в этой связи не было. Не было серии христорологических публикаций. Христос и в 2000 году не стал главной темой наших проповедей. Хоть одна книга о Христе была ли тогда написана и издана? Только несколько художественных альбомов...

Это значит, что тема Христа — это не есть нечто, вдохновляющее преподавателей наших духовных школ. Только в Свято-Тихоновском богословском институте вышел юбилейный сборник. Но и там были только переводы отцов и западных богословов плюс пара молодежных работ. А ведь редакция заранее обращалась к преподавателям института: «Отцы, пишите, готовьте», но мало кто вдохновился. Я отчего-то убежден, что если бы для сборника избрали другую тему — например, крестный путь Царской Семьи, — то сборник получился бы раза в четыре толще.

У нас нет потребности делиться с людьми своим переживанием Христа. Батюшка на проповеди может на время оторваться от бумажки, чтобы поделиться своими личными впечатлениями, например, от паломничества в какой-нибудь монастырь, может даже поделиться своими переживаниями того, что было «вчера на требе». Но как редко в наших храмах видишь, чтобы батюшка, точно так же, по требованию сердца, обратился вдруг к евангельскому тексту о Христе (вне зависимости от того, что это место сегодня на службе не читали) и сказал: «Вот, послушайте, какое толкование я нашел у такого-то святого отца о таком-то поступке Христа, о таком-то Его слове».

И еще я не раз бывал в домах священников, у которых в домашнем иконостасе не было иконы Христа. Вернее, Он присутствовал, но только как Младенец на руках у Богородицы. В центре же красного угла поставлялась либо самая старая или дорогая икона, либо самая большая, либо изображение самого чтимого в данной семье святого. Если же образу Христа там все же находилось место, то где-то далеко от центра, и размеры этого образа сильно уступали размерам многих других икон.

Казалось бы: ну и что? Главное — молиться перед иконами, а не думать об их размере, но все же я считаю, что такие иконные уголки — это внешнее проявление некоего внутреннего беспорядка. У священной живописи есть свои, выработанные веками законы, и один из них совершенно четко гласит, что размеры персонажей на иконе носят иерархический характер, то есть чем больше персонаж по размерам, тем более значим его статус. Поэтому, взглянув на современные домашние иконостасы, даже зримо можно увидеть пример того, как Христос в сознании людей умален перед святыми, которые, собственно, и называются святыми только потому, что всю свою жизнь положили к ногам Христа.

И, наконец, могу привести еще один пример этой печальной симптоматики. Посмотрите на апокрифы. Если в первое тысячелетие истории христианства они вращались вокруг ветхозаветных и евангельских событий, то есть пусть и искаженно, но все-таки концентрировались вокруг личности Христа (Евангелие детства Иисуса и так далее), то современные апокрифы даже и не упоминают о Христе. Они рассказывают о Серафиме Саровском, блаженной Матроне, Иоанне Кронштадтском. Даже фольклор сменил тему для своего творчества...

В итоговом документе Третьего всецерковного съезда православных миссионеров (осень 2002 года) была сказана печальная и верная фраза: было признано необходимым «восстановление христоцентричности церковного сознания»³⁴. Но если что-то надо восстановить, значит, это что-то где-то уже затерялось...

— Как вы думаете, нужна ли хорошая художественная книга о Христе, подобная «Сыну Человеческому» отца Александра Меня, но более православная?

— Знаете, сейчас настолько велика жажда людей слышать о Евангелии и о Христе, что для меня было неожиданностью увидеть реакцию людей, когда я на публику стал читать лекцию, касавшуюся проблем текстологии Евангелия (рукописи, история их обретения, расхождения в текстах и так далее). Это чисто семинарская лекция, и я всегда думал, что в проблемах обретения папирусов обычным людям будет неинтересно копаться. Так вот, реакция на эти темы для меня была абсолютно неожиданной. Я время от времени прерывал лекцию и спрашивал, надо ли дальше подробно копаться в текстологии или перейдем к анализу самого Евангелия? В ответ люди просили продолжать рассказывать о папирусах дальше.

Что касается художественной книги... Я вообще не воспринимаю художественных произведений

³⁴ См.: <http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr211121.htm>.

на евангельские темы. Для меня это слишком серьезно, чтобы играть, а художественное произведение — это все-таки некая игра. Но, опять же, то, что несъедобно лично для меня, может оказаться съедобным для кого-то другого.

И еще один момент. Одно дело — это романы на евангельские темы, появившиеся в XIX веке («Камо грядеши» Г. Сенкевича, пьеса К. Романова «Царь Иудейский» и так далее), и другое дело — современный мир. Современная культура — культура всеобъемлюще и всеовлекающей игры, где всё друг другу подмигивает. Всё условно, всё «как бы», всё «виртуально». Роман о Христе, появившийся сегодня, будет восприниматься людьми как предложение поиграться Евангелием. Это слишком хорошо может быть сегодня воспринято (вообще для миссионера существует большая опасность, когда его всегда хорошо принимают: может возникнуть иллюзия, что там, где я сейчас сижу, христианство и так уже есть, поэтому идти мне куда не надо).

Впрочем, в России все художественные произведения о Христе будет ждать печальная участь. Их будут сравнивать с «Мастером и Маргаритой» Булгакова и, естественно, отдавать предпочтение булгаковской версии — как самой игровой.

— Апокрифы — это ведь почтенная литературная традиция. Во многих из них есть очень подробный рассказ о земной жизни Христа, намного более детальный, чем в четырех канонических Евангелиях, принятых Церковью, вместе взятых. Но тем не менее Церковь настаивает на достоверности именно этих четырех Евангелий. По какому же признаку все остальные Евангелия были причислены к апокрифам, то есть считаются подложными или искаженными?

— Церковь ничего не выбирала, во-первых, потому что в основной своей массе эти псевдо-Евангелия появились уже после того, как Церковь свыклась со своими каноническими Евангелиями. А во-вторых, Христос, представляемый в апокрифах, — это совсем не тот облик Христа, который был дорог церковному сердцу и хранился в Церкви мучеников первых веков христианства.

Возьмем, например, Евангелие детства. «Сын Анны книжника разбрызгал воду, которую Иисус собрал. Когда увидел Иисус, что тот сделал, Он разгневался и сказал ему: Ты, негодный, безбожный глупец, какой вред причинили тебе лужицы и вода? Смотри, теперь ты высохнешь, как дерево, и не будет у тебя ни листьев, ни корней, ни плодов. И тотчас мальчик тот высох весь, а Иисус ушел и вошел в дом Иосифа. Но родители того мальчика, который высох, взяли его, оплакивая его юность, и принесли к Иосифу и стали упрекать того, что сын его совершает такое! После этого Он [Иисус] снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул Его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер. И Иосиф позвал мальчика и бранил Его, говоря, зачем Ты делаешь то, из-за чего люди страдают и возненавидят нас и будут преследовать нас? И Иисус сказал: Я знаю, ты говоришь не свои слова, но ради тебя Я буду молчать, но они должны понести наказание. И тотчас обвинявшие Его ослепли... И после того никто не осмеливался перечить ему, чтобы не быть проклятым и не получить увечье»³⁵.

В канонических Евангелиях нет ничего подобного. Там нет чудес ради чудес. Нет чудес ради устрашения и повиновения. Все чудеса канонических Евангелий осмысленны: они раскрывают смысл служения Христа. В канонических Евангелиях Христос Себя приносит в жертву, а не тех, кто с Ним не согласен. В апокрифах же мы видим обычный народный фольклор, причем иногда очень даже мстительный, что вообще характерно для фольклорно-магического сознания.

³⁵ Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 142–143.

— Видите ли вы разницу между традициями православной и католической литературы миссионерского направления? Если есть, то в чем она заключается, и может ли в дальнейшем принятие той или иной традиции повлиять на выбор конфессии читателем?

— Я думаю, что между православной и католической художественной литературой (если она серьезная) нет никакого фундаментального различия. Я не могу сказать, какое различие, например, между Гоголем и Диккенсом, Буниным и Гюго, Шмелевым и Экзюпери. Конечно, у каждого из них есть свой авторский стиль и особенности, но я не могу сказать, что вот это католическое видение мира, а вот это православное. Напротив, есть даже что-то похожее, например, в книге «Отец Арсений» и романе католика Грэма Грина «Сила и слава». Обе книги — честные, не-рекламные. Кстати, «Силу и славу» я считаю романом миссионерским по преимуществу и рекомендовал бы прочитать его каждому юноше, который собирается поступать в семинарию. Это хорошее введение в церковную жизнь.

Впрочем, одно слово о Грэме Грине.

В 70-х годах XX века в Италии было модно вести диалог между коммунистами и католиками. И вот на одну из таких встреч коммунисты пригласили Грэма Грина как представителя католической интеллигенции. В зале висело напряженное ожидание. Но Грэм Грин первой же своей фразой снял напряжение и расположил к себе аудиторию. Он вышел на трибуну и сказал: «Знаете, у вас, коммунистов, и у нас, католиков, есть много общего». Грин дождался конца аплодисментов и продолжил: «И у вас, и у нас руки по локоть в крови».

— Я задал этот вопрос потому, что существует мнение о том, что католическая художественная литература вырабатывает у человека отношение ко многим религиозным вопросам с позиции «здравого смысла». Но вера и «здравый смысл» часто входят в прямое противоречие. Апостол Павел прямо пишет, что часто «здравый смысл» является безумием перед Богом³⁶. С этой точки зрения, существует ли опасность использования католической художественной литературы с миссионерскими целями?

— А что такое «здравый смысл»? Это очень конвенциональная и условная вещь: у каждой эпохи он свой. Я бы сказал так: «здравый смысл» — это стереотипы эпохи моей бабушки. Так вот, «здравый смысл» эпохи апостола Павла — это предрассудки бабушек языческой эпохи, а «здравый смысл» XX века — это предрассудки бабушек XIX века. Предрассудок — в буквальном смысле: то, что впитано с молоком матери, прежде, чем у человека сформировался личный критический взгляд. «Предрассудок» нашей эпохи — это совесть, замешенная на христианской закваске. Поэтому я убежден, что сегодня, на фоне безумных «ток-шоу», в которых проповедуются всевозможные извращения, оккультизм и язычество, позиция «здравого смысла» — это голос традиции, а значит, голос христианства.

Любая художественная книга — это не выверенный богословский трактат. Там есть место для «лирики» — авторского переживания и домысла. Поэтому сравнивать художественные книги с катехизисом — занятие немилосердное. Хотя и очень сегодня популярное.

Но вы можете представить себе ситуацию, когда икону выкидывают только из-за того, что на доске появилась трещинка или царапинка? Не можете? Тогда почему же у нас выкидывают целую книгу только потому, что какая-нибудь ее малая крупинка не укладывается в православную мозаику? И при этом абсолютно не считаются с теми слитками миссионерского, философского и духовного золота, которые в этой книге содержатся.

³⁶ См.: 1 Кор. 1, 20; 3, 19. — *Изд.*

— Значит, нет никаких различий между католическим и православным миссионерством в средствах?

— Различие в том, что католики прежде всего хотят быть католиками (от греческого catholicos — «вселенский, универсальный»), а православные прежде всего хотят быть православными (ортодоксами), то есть на первое место ставится неизменность традиции. Католики очень боятся потерять какую-либо часть своей паствы, а православные боятся потерять связь с прошлыми поколениями, то есть с опытом Церкви. Поэтому православные нередко готовы пожертвовать частью своей потенциальной паствы ради сохранения живой традиции и церковного опыта. Этим и объясняется неприятие Православием различных «рекламных акций».

— Что бы вы посоветовали молодым людям, как им самообразовываться в духовной сфере?

— Если этим серьезно заниматься, то я бы посоветовал составить для себя расписание на год. Например, в сентябре — октябре я изучу историю Церкви, дальше в ноябре-декабре — займусь изучением символики и истории богослужения; в январе-феврале — христианской философией, а скажем, летом до догматики дойду. То есть надо уметь самому себе ставить цель — на год, на месяц, на каждый день. Подобрали литературу на такой-то месяц по такой-то теме — и работайте с ней, овладейте ее языком, ее логикой. Другое дело, что подбор литературы — не простая вещь, нельзя подобрать нужную книгу, не обладая определенным вкусом, а вкус ставится в зависимость от круга чтения. Поэтому, может быть, просто запомнить имена хороших авторов, а через их книги уже выйти на тех, кого они рекомендуют.

— А каких авторов вы бы посоветовали?

— Я бы советовал обратиться к трудам блаженного Августина, прежде всего его «Исповеди»: к Иоанну Златоусту, особенно его толкованиям Евангелия; письмам святителя Феофана Затворника и его книге «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться». Из авторов XX века — это книги митрополита Вениамина (Федченкова), книги и беседы митрополита Антония (Сурожского). Из богословских работ — протоиерея Георгия Флоровского, Владимира Лосского, отца Александра Шмемана, отца Иоанна Мейендорфа, отца Александра Ельчанинова (замечательная книга была его — «Записки»). Среди современных богословов — работы А. И. Сидорова и протоиерея Георгия Митрофанова. По церковной истории: чтобы понять, что такое Церковь, чем она живет, — надо найти редкую книжечку отца Сергия Мансурова «Очерки по истории древней Церкви». Отца Сергия арестовали где-то в 30-х годах, поэтому свою рукопись он смог довести только до третьего века христианской истории, но то видение Церкви, которое он дает, — просто блестящие портреты церковных деятелей. Увы, скуднее всего сегодня наша литература по библеистике. Тут не обойтись без журнала «Альфа и Омега», а также трилогии современного католического библеиста Брюса Мешгера («Канон Нового Завета», «Текстология Нового Завета», «Ранние переводы Нового Завета»).

Буду рад, если у вас дойдут руки и до моих книг.

— Если не брать в расчет Священное Писание, то какова, по вашему мнению, роль книги с точки зрения прихода человека к вере?

— Люди разные, и их пути к вере тоже — разные. Бывают пути совершенно «некнижные». Этим летом я был в украинском городе Новоазовске и беседовал там с одним священником. Он недавно пришел в Православие, а в начале 90-х это был активный баптистский проповедник. Он поведал мне

историю своего обращения. Однажды он решил зайти в православный храм, чтобы там поговорить со священником. Священник был занят и сказал: «Знаете, у меня сейчас абсолютно нет свободного времени — надо срочно ехать на требы; но если уж вам так нужно поговорить, то за время, пока я буду переоблачаться, мы, возможно, успеем пообщаться». Батюшка заходит в какую-то комнатку, начинает переоблачаться; сзади же стоит этот молодой баптист и расстреливает его пулеметными очередями евангельских цитат, якобы опровергающих Православие. Священник слушает молча, без всяких возражений, и вдруг, снимая с себя наперсный крест, он поворачивается к этому юноше, резко подносит крест к его лицу и говорит: «Целуй!»...

Когда этот бывший баптист (нынешний православный священник) рассказал мне эту историю, он добавил: «Не знаю, что вдруг со мной произошло, но я без всяких споров поцеловал протянутый батюшкой крест и почувствовал себя как младенец, нашедший наконец титьку матери. Младенец успокаивается, ему ничего больше не надо. Так и я почувствовал, что этот храм — мой дом, и здесь живет истина, которую я так долго и безуспешно искал. Мне никуда больше не надо идти, я нашел Ее!».

Так что бывают случаи абсолютно «некнижных» обращений (я думаю, что их даже большинство). Но я бы сравнил книгу с лекарством, лежащим на аптечной полке. Есть какое-то лекарство, которое не нужно всем, а кому-то даже и вредно, но если оно нужно и помогает хотя бы одной десятой доле процента людей, то такое лекарство должно быть в каждой аптеке (например, инсулин).

Точно так же и в мире церковном — книги нужны не всем, но есть люди, которым они необходимы. Книга дает возможность избавиться от засилья газет и газетных сплетен. Книга дает возможность мыслить, в отличие, например, от телефильмов, когда поток информации с большой скоростью проносится мимо тебя, не давая возможности регулировать его течение. Книга же дает возможность спокойно осмыслить какой-то эпизод, вызвавший недоумение или, наоборот, поразивший тебя. Вновь и вновь открывая нужную страницу, можно обдумать этот эпизод с разных сторон, подыскать аргументы «за» или «против».

Книга восполняет нехватку знаний, мудрости, рассудительности у твоих обычных (или случайных) собеседников.

Книга помогает увидеть мир глазами былых поколений, а не нынешних журналюг.

— Какая, по вашему мнению, книга в современной литературе имеет наибольший миссионерский эффект и, наоборот, какая (из встретившихся вам) может надолго оттолкнуть человека от Церкви?

— Я думаю, что ничего более сильного, чем «Исповедь» блаженного Августина, никогда ни один миссионер уже не напишет.

Но, с другой стороны, мне сейчас с некоторой горечью и разочарованием придется сказать о том, что сильная, эффективная с миссионерской точки зрения книга — не всегда лучшая. Например, книга Владимира Вейника «Почему я верю в Бога» чрезвычайно эффективна с точки зрения прихода людей к вере, но совершенно несерьезна с точки зрения богословия и даже той самой науки, которую Вейник представляет³⁷. Я считаю просто позором для Церкви, что эта оккультная книга продается во многих храмах и монастырях. Но, несомненно, она очень эффективна и приводит в Церковь сотни людей с

³⁷ Критику теорий Вейника с научной точки зрения см.: Дынич В.И., Ельяшевич М.А., Толкачев Е.А., Томильчик Л.М. Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения // Вопросы философии. 1994. № 12. Его книга «Термодинамика» называется «скандально известной». О ней же: «Бред под видом науки» (Федоров В.С., Степанов Б.И. Рецензия // Весці АН БССР. Серия физ.-мат. навук. 1974. № 5. С. 131).

компьютерным складом ума. Правда, приходя через эту книгу в Церковь, они потом плохо отличают мир Православия от мира оккультизма.

Или возьмем различные сборники чудес, книги типа «Православные чудеса XX века». С миссионерской точки зрения они очень эффективны, но дальше возникает вопрос: а куда они приводят человека? В мир Православия или в мир некоей общечеловеческой магии, которая в данном случае просто выражает себя через православную символику? Что я имею в виду под миром общечеловеческой магии? Понимаете, есть люди, которые ходят в православный храм, искренне считают себя православными, но, по сути, специфически христианские догматы для них не так уж и важны. Такой человек идет в церковь, чтобы вымолить себе какую-нибудь поблажку в земной жизни, и ему абсолютно все равно, к кому по этому вопросу обратиться. «Батюшка, у меня сын пьет, скажи, какому Господу Богу я молиться должна?». То есть ровно с той же легкостью и по тем же мотивам, по которым такой человек шел в храм православный, он пошел бы в любую секту, к любому целителю, в любую языческую общину, попадись ему тогда другая литература или другой проповедник.

Что касается второй части вашего вопроса, то я могу назвать прекрасный пример антимиссионерской литературы. Недавно мне в руки попала книга одного грузинского архимандрита под названием «Адамов грех», автор которой на двухстах страницах доказывает, что все некрещеные младенцы идут во ад. Читая ее, я внутренне благодарил Господа за то, что пришел в Церковь двадцать лет назад, а не сейчас. То есть если бы сейчас я находился в числе сомневающихся, то, увидев подобную книгу, я бы не пришел в такую Церковь точно. Кстати, у оптинских старцев, в частности у Варсонофия, был совершенно иной взгляд на участь некрещеных младенцев³⁸.

— Существует мнение, что даже такая книга, как «Сын Человеческий» отца Александра Меня, бесполезна и искажает православное вероучение. Каково ваше отношение к этой книге?

— Боюсь, что моя оценка окажется слишком субъективной. Дело в том, что «Сына Человеческого» я прочел примерно в пятнадцатилетнем возрасте, и она меня тогда сильно разочаровала. Это была первая христианская книга, которая попала в мои руки, а заодно и первая попытка разобраться и что-то понять в христианстве. Читая ее, я все ждал, что вот-вот автор докажет мне, что Иисус Христос — это и есть *Бог*, пришедший на землю. А отец Александр доказывал там совершенно другие вещи. Например, то, что Иисус действительно жил на земле. Но с подобного рода вопросами у меня в то время уже не было никаких проблем. Так что через эту дверь войти в Церковь мне не удалось, и мое Крещение отложилось лет на пять. Поэтому я и говорю, что мое отношение к «Сыну Человеческому» слишком, наверное, субъективно. Но если этот рецепт не сработал в моем случае, то это не значит, что он не поможет кому-то другому, тому, у кого возникают те самые вопросы, которые рассматривает в своей книге отец Александр Мень.

— А к другим книгам Меня?

— К его книгам я отношусь вполне спокойно. С чем-то соглашаюсь, с чем-то спорю. Но я против «меньшевизма» — это когда духовные чада отца Александра Меня пробуют поставить его на

³⁸ «Передавал мне отец Иларий, монастырский духовник, что отец Амвросий отзывался о некрещеных младенцах так: хотя они по заслугам Господа Иисуса Христа и будут в Царствии Небесном, но останутся слепыми, то есть лишатся возможности зреть лице Господа, вследствие того, что в Таинстве Крещения с них не смыт прародительский грех» (Старец Варсонофий Оптинский. Келейные записки. М., 1991. С. 24). Ср. мнение святителя Григория Богослова о людях, которые по малолетству или не по своей воле не были крещены: «Последние не будут у Праведного Судии ни прославлены, ни наказаны; потому что хотя незапечатлены, однако же и не худы, и больше сами потерпели, нежели сделали вреда. Ибо не всякий, недостойный наказания, достоин уже и чести; равно как не всякий недостойный чести достоин уже наказания» (Святитель Григорий Богослов. Слово 40. На святое Крещение // Творения. Троице-Сергиева Лавра, 1994. С. 558).

пьедестал и сказать: «Вот она, вершина богословской мысли Православия, вот он, идеальный батюшка...». О тех его суждениях, с которыми я не могу согласиться, была у меня статья «Александр Мень: потерявшийся миссионер» в книге «Вызов экуменизма». Но если вообще отказаться от книг Меня по истории религии, то по этой теме у нас останутся только книги атеистов. Что, атеистов пойдем читать? Вот если и когда будет чем заменить книги Меня, я сразу же скажу: оставьте их в библиотеке, есть книги, которые научно более выверены, богословски более продуманны, — читайте эти книги. А пока этого нет... В конце концов, если вы можете читать книги А. Меня, значит, кажется, у вас на носу очки. И я боюсь, что ваша биография отягощена упоминанием о высшем образовании. А раз так, то извольте продемонстрировать ваше высшее образование и умение думать, а не просто слепо рабствовать любому печатному тексту.

— Каково ваше отношение к экранизациям литературных произведений?

— В литературных произведениях серьезных авторов, для того чтобы их понять, надо «жить» долго, может быть, несколько недель или месяцев, а кинематограф — это калейдоскоп, где все проносится за секунды...

Сами же экранизации бывают очень разные. Например, я убежден, что экранизация «Собачьего сердца» получилась лучше, чем одноименная книга Михаила Булгакова. Но такое бывает редко. Что касается последней многосерийной экранизации «Идиота», то, судя по тем отрывкам, которые я смотрел, это очень сильная постановка. Я сам не ожидал, что этот фильм мне понравится. Потому что Достоевский — мой любимый писатель, и я слишком «ревниво» отношусь ко всем попыткам его экранизировать.

Но если к экранизациям классики подойти с другой стороны, с точки зрения миссионера, то окажется, что все то, что сегодня учит думать, учит сложности, — это наш союзник. Физика — наш союзник, математика — наш союзник. Давным-давно один мудрец уже прописал экуменическую недискуссионность и безмыслие как рецепт против социальных волнений. «Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить драгоценных предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать предметов, побуждающих желание иметь их, то сердца народа не будут волноваться. Поэтому совершенномудрый, управляя страной, делает сердца простолюдинов пустыми, а желудки полными. Такое управление ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у людей не было знаний и страстей, а имеющие знание не смели бы действовать»³⁹.

Ну — чем не «Великий Инквизитор»? Современные «инквизиторы» от «нового мирового порядка» обеспечивают «затасканное счастье хорошо откормленного, вымытого и подвергнутого психоанализу, напичканного приятными впечатлениями и научно обоснованными оргазмами скота. Чтобы избавить человека от покаяния, ему даже могут предложить радость экстаза»⁴⁰.

Вот это и есть сегодняшний новый мировой порядок: забота о том, чтобы человек отучился думать и только жевал рекламную жвачку. В этих условиях все то, что учит человека мыслить, учит «плыть против течения», — наш союзник. Достоевский — это человек, который учит думать, а потому даже плохие экранизации по Достоевскому будут работать на нас.

— Отец Андрей, с нашумевшим «Последним искушением Христа» все понятно: Патриарх выступил по телевидению и призвал паству этот фильм не смотреть. Но ведь Его Святейшество

³⁹ Лаоцзы. Дао Дэньзин, 3.

⁴⁰ Клеман О. Вопрос о человеке // Беседа. Ленинград; Париж, 1985. № 3. С. 96.

не может уделять внимание каждой новой картине. Вот выйдет фильм, аналогичный «Последнему искушению». Патриарх осудить его не успеет, а я — уже посмотрю. Я совершу грех?

— Многое зависит не от вас, а от того, кто создавал фильм. То, что является грехом с точки зрения Православия, может не являться грехом с точки зрения той культуры, в которой фильм создавался. Память об этом важна для того, чтобы отличить — где сознательное богоборчество, а где — чей-то искренний поиск или чья-то игра, ведя которые человек считает, что действует в рамках социальных или своих религиозных приличий.

Что касается произведений второго типа, ты мы с вами прекрасно знаем: святые отцы, начиная от апостола Павла, использовали языческие тексты — и философские, и художественные — в целях православной проповеди.

Но вряд ли возможно употребить в благих намерениях сознательный антихристианский трактат... Хотя с неоплатониками, кажется, это получилось. Блаженный Августин сказал о неоплатонике Порфирии: «Ученейший из философов, хотя и величайший враг христиан»⁴¹. Но при этом несомненно знакомство отцов с трудами неоплатоников и влияние этих философов на богословие отцов⁴².

Итак, важен авторский замысел, тот «мессидж», который сам автор заложил в свое произведение. Но важна и информированность зрителя: знал ли сам зритель или читатель до просмотра или прочтения, что это произведение сознательно антихристианское или греховное?

Как правило, мы подходим к новому фильму отнюдь не в состоянии собственной «информационной невинности». Мы заранее можем представить себе, о чем картина, — по рекламе, например, или по мнениям людей, которые ее уже посмотрели. Да и потом, никто нас цепями не держит в кинотеатре. И дома мы можем в любую минуту выключить телевизор. У нас нет никаких обязательств перед теми книгами и кассетами, которые мы покупаем. И нет никакой нужды до конца досматривать или долистывать их, если видишь, что это не твое, не нравится. Вкус источника можно понять по его капельке.

— Я читал вашу полемику с разными публицистами. Вы осуждаете своих оппонентов за то, что они плохо ознакомились с вашими работами. А к произведениям искусства призываете относиться именно так — по первому впечатлению. Если оно подсказывает мне: «Фильм — антихристианский», — ни в коем случае не нужно его смотреть, чтобы проверить, верно ли это впечатление?

— Именно так. А даже если я ошибся — что, я много потеряю разве? Сегодня так много этих так называемых произведений искусства, что жизни не хватит на знакомство с ними. Если их все изучать — жить-то когда?

Другое дело — если меня спросят, что Церковь думает о конкретном фильме. Здесь, конечно, надо будет повнимательней присмотреться и найти аргументы. Потребуется серьезное погружение в материал, чтобы твои слова не показались дикими и странными для того, кто уже влюбился в это явление культуры.

— Вы писали про «Терминатора-II». Казалось бы, такой жестокий фильм, столько крови... А вы говорите, что после просмотра детьми финальной сцены, где Терминатор уничтожает себя во имя мира, вам будет гораздо проще разъяснить им, что значит жертвенность, которой учит

⁴¹ Августин Блаженный. О Граде Божиим. 19, 22.

⁴² См. например, Ситников А.В. Философия Плотина и традиция христианской патристики. СПб., 2001.

Евангелие. Чего же будет больше: пагубы от садистских сцен «Терминатора-II» (когда буквально ножи в глаза втыкают) или пользы от его заключительного эпизода?

— Вопрос в том, с кем дети будут этот фильм смотреть. Если со мной — пользу получают, если без меня — нет. И я говорю о нецерковных детях. Речь не идет о том, что я приду в воскресную школу и поставлю «Терминатора» — вместо того, чтобы говорить о житии преподобного Сергия Радонежского.

— Тем не менее своих крестников вы повели на тот же «Титаник». И сказали: мол, таким должен быть настоящий мужчина — умереть, но спасти любимую женщину.

— Ну, здесь этическая составляющая гораздо яснее прописана, чем в «Терминаторе». Интересный фильм с правильной моралью, вот и все.

— Вы говорили, «Титаник» хорош тем, что в нем есть четкая грань добра и зла. Но ведь во всех — позволю себе эпитет — тупых американских боевиках тоже присутствует эта грань. Такие фильмы учат защищать слабых, стоять за правду и справедливость. Что же, они несут положительный заряд?

— Могут нести — если окажется рядом человек, который сумеет указать именно на это. Ведь дети оценивают фильмы не по наличию в них правильной морали. Дискуссии, которые возникают в подростковой среде после просмотра кинокартины, — они совсем на другие темы.

— Точно. По себе помню: мы с друзьями обсуждали, из каких пистолетов и автоматов стреляют герои «Терминатора».

— Вот именно, а отнюдь не жертвенную этику и так далее. Я говорю не о том, что православным людям эта культура рекомендуется. А о том, что миссионер должен уметь использовать любой подручный материал, чтобы заговорить о том, ради чего он пришел к людям.

— А вообще — ваша точка зрения на современное кино?

— Боюсь, в данном случае можно стать заложником ограниченности своего кругозора... В последнее время у меня больше претензий к российскому кино, чем к американскому. Все эти бесконечные сериалы о бандитах, мафии, «кротах» и прочем... Здесь легче отождествить себя с героем, поскольку это на нашем, узнаваемом материале сделано. И впечатление создается такое, будто нет другого выхода, кроме как в бандиты идти. Дескать, нормальным путем ты не пробьешься никуда, ничего не сделаешь. В социальном плане эти фильмы опаснее. Они почти так же опасны, как всевозможные игры типа «Слабое звено». Это самая опасная передача, какая есть на телевидении.

— Почему?

— Во-первых, культ богатства. Во-вторых, богатство без работы. Вы знаете, у студентов есть такая примета — перед экзаменом зачетку выставить в форточку и сказать: «Ловись, халява!». По всем каналам идет реклама халявы. И это более чем странно: ибо идеологи «реформ» твердят, что русскому народу не хватает «протестантской деловой и трудовой этики», но при этом делают все, чтобы с помощью телевидения трудовую этику разрушить.

— А если о хорошем? Можете что-то выделить из последних фильмов?

— Мне понравился «Адвокат дьявола».

— ?! Это же явно фильм ужасов.

— Видите ли, в этой картине меня потрясла последняя сцена.

— Вспоминается начало нашего разговора. Когда я включил «Адвокат дьявола» и увидел сцену в лучших традициях голливудских «ужастиков» — тут же выключил, потому что мой внутренний голос, моя христианская совесть, как мне показалось, дала понять: «Тебе это смотреть не надо, это вредно, выключи». А теперь я думаю: если отец Андрей хвалит — зря выключил, надо было досмотреть до финала.

— Во-первых, я еще до просмотра слышал добрые отзывы об этом фильме. Во-вторых, фильм о продаже души дьяволу — и чтоб был без «ужасов»? Вот именно в этом случае он и стал бы рекламой сатанизма...

Но если вы все же решили не смотреть этот фильм до конца, то я поясню, в чем дивность последней сцены. По сюжету сатана вроде бы загнан назад в преисподнюю, и адвокат, который смог одолеть искушение, радуется своей победе. А затем, спустя несколько месяцев после этой решающей битвы, знакомый журналист окликает его: «Слушай, меня интересует твой опыт работы в Нью-Йорке, и вообще — ты такой молодец! Дашь интервью?». — «Нет». — «Я тебе обещаю: это будет гвоздь номера, твое лицо будет на обложке». После секундного раздумья адвокат соглашается: «Хорошо, позвони мне». Оператор показывает лицо журналиста: оно преображается, и мы видим сатану, с довольным видом произносящего: «Поистине, тщеславие — мое самое любимое оружие». Ну прям хоть в «Добротолубие» включай!

— Вот. Конкретный случай: наслушавшись «внутреннего голоса», я отринул хороший фильм. А вы призываете не смотреть, не читать, если совесть подсказывает: «Не надо».

— Конечно, призываю. Зачем идти против совести? Не понравилось с самого начала — плюнул и пошел дальше. Христианин, который не посмотрит даже этот фильм, честное слово, нимало не обеднеет. Да и посмотрев — не обогатится (ибо в лучшем случае найдет подтверждение тому, что и так уже знал).

— В православной публицистике встречается мнение, что искусство не греховно тогда, когда оно не мешает молиться. То есть: если мы посмотрели какой-то фильм и это не дает нам сосредоточиться во время молитвы — он греховен. Такая точка зрения верна?

— Этот критерий верен для сообщества исихастов. Но между этим сообществом и сообществом людей нет полного тождества. Как мне кажется, еще не все люди творят непрестанную молитву. И вот для тех, кто еще не на вершине Фавора, я бы предложил иной критерий: очеловечивает ли фильм. Если он обостряет твои чувства, ощущения того, как ты живешь, в каких отношениях находишься с людьми, с Богом, самим собой, если фильм заставляет человека выбиться из среды будничных мыслей и чуть-чуть более серьезно задуматься о себе, — это уже хороший эффект.

— Но все же. Я посмотрю «Титаник», у меня будет буря впечатлений, и я вечером не смогу совершить молитву перед сном — так меня потрясет кино. Это характеризует фильм с плохой, с греховной стороны?

— Может, это скорее характеризует вас, нежели фильм? Неужели не понятно, что если на воротах монастыря висит объявление: «Не входите в майках без рукавов и в коротких юбках! Не смущайте братию!» — то это характеризует именно братию, ее небоготовность и какую-то совсем немонашескую подвижность ко греху?!

— До какой степени можно увлекаться искусством, чтобы это увлечение не стало чрезмерным?

— Наверное, до тех пор, пока человек сам не становится персонажем. Смотри на чужую игру, но не играй сам.

— **Красиво, но поконкретней.**

— Не смогу. Пожалуй, это очень субъективно: человек должен сам почувствовать грань. Либо он ее чувствует, либо нет.

— **Вы упомянули «Терминатора». Это фантастический фильм. А что вообще Церковь думает об инопланетянах?**

— Если можно, я отвечу не своими словами, а словами из писем святителя Феофана Затворника, которые я сейчас читаю.

В 1863 году он написал:

«С удовольствием готов сказать Вам слово-другое в устранение Ваших недоразумений.

Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и Воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность домостроительства нашего спасения.

Что такие мысли колеблют и беспокоят Вас — это по собственной Вашей вине, а не по свойству мыслей. Эти мысли — цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, а домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли позволять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах и хотя она имеет много за себя, — но все же она не выходит из области вероятных предположений. Очень вероятно, что там есть жители — но все только вероятно. Сказать «есть» не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нету. Мореплаватель подъезжает к острову: все признаки показывают, что там есть жители, — но всходит на него, и ничего не видит. Да что о мореплывателях! Перенесите мыслью к первому времени, когда люди еще не размножились: на каждом почти шагу Вы встретили бы местность с

признаками несомненной обитаемости, а между тем жителей не было нигде. Так и относительно тел небесных много имеется намеков, будто они обитаемы. Что удивительного, если они еще ждут своих обитателей, или их совсем там не будет: кто знает, чего хочет Господь относительно их! Надо бы побывать там, посмотреть и удостовериться делом — тогда, пожалуй, смело можно говорить, что «есть», а без того нельзя больше сказать, как — «может быть». Но то, что «может быть», нельзя ставить в возражение против того, что фактически, верно «есть».

Защищать истину против придумываемых вероятностей есть то же, что бороться с призраками. Вот почему Вы ни в одной богословской солидной книге не найдете опровержения своему возражению. Богословы не считали разумным делом опровергать мечты. Вот теперь у нас польское восстание. Вы командуете отрядом, подходите к лесу, слышите шум, видите дым кое-где и людей с топорами. По всему видно, что тут мятежники. Однако ж если бы ни с того ни с сего Вы начали правильную атаку, — Вас не похвалили бы. Вы могли атаковать мирных жителей, рубящих лес. Вам надо наперед удостовериться, что там мятежники, разведать их число и положение, — и тогда уже действовать против них. Зачем вступать в борьбу, когда нет нападений действительных, а только кажущиеся?

Так и здесь: доведите до очевидности, что есть жители на телах небесных, тогда и начнем опровергать все возникающие из того возражения против святой веры нашей.

Так как существование жителей на планетах есть только вероятность, а область вероятности неизмерима, то относительно их открывается охотникам мечтать широкий простор. Вот и Вы, сами, может быть, не замечая того, пустились в мечты, лишь только дали силу предположению. Предположив, что есть разумные твари на других мирах, Вы начинаете рисовать их быт, не имея к тому никаких данных. Вам следовало остановиться на предположении о существовании, на которое есть намеки, и сказать, что далее идти нельзя по недостатку данных; а Вы пошли далее. Дух пытливый покою вам не давал и увлек вас. Но пусть и так — беды еще нет большой — помечтать, но поддаваться влиянию мечты — опасно. Следовало бы, по крайней мере, правильно вести свои мечты. Сказали бы себе, примером, так: существование разумных тварей на планетах очень вероятно, но что бы такое они были и каково им там?.. Решая это, Вам следовало придумывать разные предположения, не останавливаясь ни на одном, а считая вероятным и то, и другое, и третье, потому что нет никакого основания останавливаться на одном каком-либо. А Вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение — ну и там, мы склонны ко греху — ну и те; у нас нужно домостроительство спасения — нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться — и там уместен только этот способ спасения.

А Вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других мирах; что ж они, соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными? Вы не можете сказать ни того, ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и блаженствуют, находясь в том состоянии, какого чаем и мы по воскресении. Но Вы признали их падение несомненным и пошли далее по этой дороге. Хорошо, положим, что и там было падение; но, не зная меры их греха, можем ли мы сказать что-нибудь и о способах восстановления их и спасения? Может быть, их грех так мал, что обошелся легкою мерою исправления; а может быть, так велик, что исключает всякую возможность поправить дело. Пример мы видим на нечистых духах. Все такие случаи надлежало иметь вам в виду и все-таки не останавливаться ни на одном, так как они все лишь вероятны.

Наконец, способ восстановления у Вас один: воплощение Бога, Его крестная смерть и Воскресение. Мы веруем, что и у нас домостроительство спасения было свободным делом Божественной благодати, а не делом какой-либо вынужденной необходимости. Чрезвычайный образ восстановления у нас приспособлен к обстоятельствам нашим: но все же мы не можем сказать, чтоб он был актом необходимым. У Бога бездна премудрости. Церковь поет: *Пришел еси от Девы, не ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощься*⁴³. Стало быть, возможно было и ходатаю, и Ангелу быть спасителем. У нас угодно было Самому Господу прийти воплотиться; а там, может быть, совершил дело спасения ходатай, или Ангел, или еще кто. Если Вы потрудитесь пройти всю эту цепь мечтаний, то, конечно, не придете к вопросу: как же и там возможно спасение чрез Господа Иисуса Христа? Ужели и там Он воплощался? Если трудно решить этот вопрос, признайте там уместность другого способа восстановления падших; ведь нет никакой необходимости стоять на одном. В нашей воле остановиться мысленно на том или другом предположении. Но и при этом держитесь той мысли, что все эти предположения — мечты, в которых нет ничего несомненно верного. Следовательно, и возражение, идущее от таких мыслей против святой веры, основанной на действительных фактах, состояться никак не может. Дойдите прежде сами и затем доведите нас до верного познания о бытии и состоянии жителей других миров, тогда мы займемся с Вами и решением вопроса о их спасении; тогда, если Вы построите возражение против нас, — оно будет возражение дельное, стоящее опровержения; а до тех пор — что себя беспокоить?

Вы приняли и остановились на одном течении мыслей; а их возможно множество. Допустив населенность разумными существами других миров, Вы полагаете, что они там тоже сотворены; а может быть, не сотворены, но переводятся туда именно с Земли? Земля определена быть рассадником жизни для всех планет. Как на Земле первоначально из одного места расселились люди по всем обитаемым странам Земли, так с Земли наполняются жителями все тела небесные. *В дому Отца Моего*, сказал Господь, *обитатели многи суть* (Ин. 14, 2). Почему не признать этими обителями небесные тела? Почему не допустить, что люди по смерти живут на той или другой планете, на том или на другом солнце и по Страшном Суде водворяются там вечно со своими телами? Скажете: отчего же такая честь маленькой Земле? Для Бога в тварях нет ничего ни большого, ни маленького. Он всех тварей Своих любит и о всех них равно печется. Если Он положил, чтобы на одной какой-либо планете был рассадник жителей, то для Него все равно какую бы ни избрать для этого. И какое тело Вы ни возьмите, все останется вопрос: почему оно избрано? Ибо всякое из них, в сравнении с целым мирозданием, будет ничто. Против такого предположения, как предположения, сказать нечего.

Далее, предположив бытие жителей на других мирах, ничто не мешает предположить, что они пребыли в воле Божией, сохранили себя в святости и чистоте, не нарушали заповеди Божией и не взбунтовались против Бога, как это случилось на нашей планете. Взбунтовалась одна Земля, а прочие миры остались совершенно спокойны. Но Бог, Которому дорога всякая тварь, не бросил нас, а устроил способ нашего восстановления, который приемля благоговейною верою мы спасаемся. В притче пастырь оставляет девяносто девять овец и идет искать одну... Но нельзя допускать и ту мысль, что когда о Земле такое попечение, то другие миры забыты, и что, после сделанного у нас, там и делать ничего для них не остается. Цель творения есть слава Божия, или явление беспредельных совершенств Божества. У нас они явлены наипаче в домостроительстве спасения, а на других мирах они являются другими способами. Если предположить другой образ бытия разумных тварей и облаженствование их, то уж прямее предположить устояние их в своем чине, светлое состояние блаженных.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на Земле, подействовала

⁴³ Из канона ко Святому Причащению, ирмос песни 4. — Изд.

благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть даже Ангелы, в служение посылаемые для желающих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя. Если физически существует такой союз — то почему же не предположить нравственного? Если в физическом отношении одно тело влияет на все прочие, с какими оно состоит в связи, то отчего же не допустить того же и в отношении нравственном?

Вот все, что пришло мне в голову сказать Вам в успокоение Ваше; и однако ж не забывайте, что все это лишь предположительные мысли, без которых не только можно, но и должно обходиться. Видим убо ныне якоже зериалом в гадании; а узрим лицем к лицу тогда! (ср.: 1 Кор. 13, 12). Вышших себе не иши, говорит Премудрый: а яже ти повеленна, сия разумевай; несть бо ти потреба тайных. Многи бо прельсти мнение их, и мнение лукавно погуби мысль их (ср.: Сир. 3, 21, 22, 24)»⁴⁴.

— Что вас печалит сегодня в Церкви?

— Печаль у христиан всегда одна: граница между миром и Церковью (в том числе и во мне самом) проходит не так резко, как нам хотелось бы. И поэтому те болячки, которые возмущают нас даже в неверующих людях, мы тем не менее проносим сами в себе в Церковь. Каждый из нас контрабандист, который проносит в Церковь массу светских предрассудков.

Ну, например, мы возмущаемся невежеством наших с вами современников в вопросах религии. И в самом деле — трудно сохранить спокойствие при виде повальной моды на оккультизм, гороскопы и тому подобное. Но, с другой стороны, разве у людей церковных иное, менее равнодушное отношение к религиозному просвещению? Болезнь одна и та же. И в миру, и в Церкви люди ищут легких решений, магических, технических. Кажется, что можно просто что-то скушать и все станет хорошо. Однажды Мережковский очень точно сказал, что невежество подобно сальному пятну на газетной бумаге: оно очень быстро впитывается в бумагу, распространяется по ней и становится трудновыводимым⁴⁵.

Сегодня в церковной жизни приходится сталкиваться с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, никогда в истории Церкви не было такого числа знающих, грамотных, образованных людей. История еще не знала такого общества, которое сложилось в XX веке, — общества всеобщей грамотности.

С другой стороны, чрезвычайно дешево стоит распространять информацию и потреблять ее, то есть купить книгу или даже издать ее сегодня отнюдь не затруднительно. Книга, в том числе и церковная, никогда не стоила так дешево, как сегодня (томики Ленина, напечатанные в советский период, не в счет). Это значит, что Церковь вступает в какой-то совершенно новый период своего существования, она испытывает сейчас неустойчивость перед лицом интеллектуальных мод.

С третьей стороны, никогда не было в Церкви такой свободы слова. Сегодня в Церкви отсутствует цензура: и внешняя (общецерковная), и внутренняя.

Как работала цензура «внешняя» — по отношению к распространителю некоей книжки, — рассказывается в только что изданной в Петербурге книге Ирины Грицевской «Индексы истинных книг». Оказывается, житие Василия Нового с мытарствами Феодора на Руси XVI–XVII веков относили к апокрифам: «А Василий же Новый и Андрей Уродивы и Мефодий Патрский и странник

⁴⁴ Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 452–457.

⁴⁵ См.: Мережковский Д.С. Иисус неизвестный. М., 1996. С. 12.

подобает о сих вещаго и ведущаго вопрошати, аще истинна есть». И в XIX веке цензор профессор Московской духовной Академии П.С. Казанский боролся с подобными текстами: «Чаще издаются повести, полные самых странных чудес, одним словом, духовные романы о мытарствах, жития Андрея Юродивого, Иоанна Новгородского и тому подобное. Все эти сочинения представляются большей частью безграмотными. Сколько приходилось исправлять или останавливать книжек, направленных к распространению суеверных понятий в народе. Сколько раз ко мне приносили житие Киприана и Иустины, домогаясь пропуска. Совесть не позволяла, хотя из Четьи-Минеи выбрали. Ругатели духовной цензуры знают ли эту неустанную службу цензуры духовному образованию народа?»⁴⁶.

Сегодня же именно эти «духовные романы» (дополненные уже прямыми «интервью» с бесами) заполнили церковные лотки.

И это потому, что нет еще и внутренней цензуры. Нет цензуры традиции, то есть цензуры вкуса. Традиция — это вкус, то есть предрассудки. Предрассудки в самом буквальном смысле слова: то, что «перед рассудком», что впитано человеком прежде, чем начал работать его личный критический рассудок. Современные церковные люди — это поколение, о котором можно сказать словами Андрея Вознесенского: «Расформированное поколение, мы в одиночку к истине бредем». Внутренняя цензура — это церковная традиция, или впитанная человеком с молоком матери, или полученная в ходе нормального, очного богословского образования.

Но у большинства современных церковных издателей (как газет, так и книг) нет ни богословского образования, ни опыта роста в Православной Церкви, то есть это в основном неопиты. В итоге не приходится удивляться, что к церковным прилавкам находят свой путь настоящие монстры — книги, содержащие самые дикие суеверия. Для примера: «Одному из моих друзей, никак не хотевшему расставаться с привычными страстями, старец сказал, что ему не удастся в этой жизни отмолить свои грехи, но по милости Божией ему предстоит родиться бычком. Бычок в смирении проживает свои год-два, жуя то, что дают, и идя туда, куда ведут, пока не зарежут и тем самым не освободят к лучшей жизни. Приятель этот рано умер... Вообще, блаженный утверждал, что почти вся домашняя скотина, за исключением собак, — люди. Лошадью отработывает грехи тот, кто мало трудился, коровы тоже люди, а волком становится тот, кто мучил людей»⁴⁷. Увы, эта книга издана в православном монастыре, а не в бурятском дацане...

— Чем опасно отсутствие внутренней и внешней цензуры в эпоху грамотности и издательской дешевизны?

Понимаете, если человек вообще неграмотен, живет своим огородиком, своей семьей, обычным приходским распорядком, то с него любая идеология сходит как с гуся вода. Он недоступен глубинному воздействию модных идеологов (ср. «пролы» в романе Оруэлла «1984»).

Человек по-настоящему образованный тоже недоступен идеологической обработке: он знает, что надо десять раз проверить, прежде чем поверить какой-то сплетне.

А вот человек полуграмотный — он научился читать на свою голову, но не научился брать дистанцию от прочитанного. Он охотно верит листовкам и газеткам. А значит, он становится управляемым. Его легко превратить в часть толпы, чего-то требующей и против чего-то протестующей (что требовать и когда протестовать — укажут листовки). Именно это является новым феноменом

⁴⁶ Переписка профессора МДА П.С. Казанского с А.Н. Бахметовой // У Троицы в Академии (1814–1914 гг.). М., 1914. С. 525. Письмо от 8.02.1868. Кстати, в Преображенском соборе Дивеевского монастыря летом 2003 года висела новописанная икона святых Киприана и Иустинии откровенно апокрифического содержания. Подпись на этой иконе представляла собой заклинание, а не молитву: «Кто делал или мыслил — верни его дела и мысли назад в ад».

⁴⁷ *Иеромонах Агафон*. Повесть об Иоанне, затворнике Старо-Шаговском. Иваново, 1994. С. 20.

нашей церковной жизни.

В итоге та теневая фольклорная культура, которая всегда была в Церкви, начала выплескиваться наружу. То есть всегда, во все времена алтарники сплетничали про попов, но только сегодня начали издавать свои газеты (типа «Русь православная», «Первый и последний», «Русский вестник» и тому подобное). Во все времена калики перехожие уверяли, что они точно знают, что где-то на чужой стороне уже родился антихрист и он скоро у нас будет, но сегодня об этом начали писать книжки типа «ИНН — печать антихриста» да по радио вещать голосом Жанны Бичевской.

Собственно говоря, издания типа «Русский вестник», «Русь православная», «Жизнь вечная» и просто «Жизнь» — это лицо Русской Реформации. В Европе Реформация произошла пятьсот лет назад. У нас она припозднилась: ждала, пока не ослабнет государство. Реформация — это мирянское движение. Это бунт мирян против церковной иерархии, желание мирянских активистов «поругать» Церковь, на свой лад истолковав Писание. Реформаторы XVI века не считали себя модернистами. Лютер был убежден, что восстанавливает учение Церкви эпохи апостолов и Вселенских Соборов (он никогда не произносил лозунга «Только Писание»). Так и нынешние русские реформаторы убеждены в своей собственной традиционности и ортодоксальности. Но на деле за каждым их шагом стоит глубочайшее недоверие к церковной власти. У них альтернативное богословие, альтернативные святыньки, иконы и святые.

Если преодолеть иллюзию, будто протестанты всегда «босолицы», и представить себе их с нестриженными бородами — то станет заметно сходство психологических типов.

Когда-то такая волна мирянского активизма уже разрушила церковную жизнь: именно активность братств способствовала уходу украинского епископата в унию. Да, у нас обычно говорят, что братства Православие спасли. Но реальная их роль в становлении унии была сложнее.

Львов (тогдашнее его имя — Лемберг) был типичным европейским городом, а львовское братство — типичным бюргерским союзом. И, как это свойственно бюргерским союзам XVI века, он не избежал искушения пореформировать Церковь. Глава львовского братства князь Острожский прямо писал, что нужна реформа церковной жизни, включая «Таинства и другие человеческие изобретения»⁴⁸.

Вот описание тех событий известнейшим украинским историком (причем настроенным антикатолически).

«Братчики следили за чтением и жизнью своих членов, делали им указания... Когда братчики предложили этот новый устав на утверждение Антиохийскому патриарху Иоакиму, патриарх, насмотревшись перед тем на беспорядки в Украинской Церкви, был чрезвычайно обрадован таким высоким настроением. Он не только одобрил их намерения, но снабдил различными поручениями и правами, дотоле неслыханными: братчики должны были следить также и за духовенством, доносить о замеченных беспорядках епископу, а если бы епископ противился и не поступал по закону — то и ему они не должны повиноваться как врагу правды. Патриарх постановил также, чтобы все прочие братства повиновались Успенскому львовскому. Это были чрезвычайно широкие права, коренным образом изменявшие все церковные порядки, и пожалованы они были братству без нужды и неосмотрительно, так как неизбежно должны были повлечь за собой недоразумения и столкновения с духовенством. Но так поступил не только Иоаким, а и Константинопольский патриарх Иеремия, приехавший два года спустя (1588) и утвердивший эти распоряжения... Чрезвычайно широкие права по отношению к духовенству и епископам, сообщенные львовскому братству патриархами, были весьма опасным и ненужным подарком, так как вовлекали братство в совсем лишнюю борьбу с духовенством и много повлияли на то, что православные епископы начали искать себе защиты у

⁴⁸ Цит. по: 400 лет Брестской церковной унии: 1596–1996. Критическая переоценка. М., 1998. С. 42.

католической иерархии. Как только львовские братчики, исполняя поручение патриарха Иоакима, взялись заводить порядки среди местного духовенства, сейчас же вышла у них из-за этого ссора с владыкой Балабаном — ссора совершенно ненужная! Геден Балабан был довольно образованный владыка, с добрыми намерениями, и до сих пор поддерживал просветительные стремления братства, но не мог стерпеть, когда эти “простые хлопы” начали вмешиваться и указывать ему, что должно быть и чего не должно быть. Геден не покорился, проклял львовское братство и начал чинить ему всяческие неприятности. А когда патриарх Иеремия, приехав на Украину самолично и разобрав дело на месте, стал еще более решительно на сторону братства и освободил его из-под власти епископа, то владыка Геден был этим так огорчен, что обратился к своему недавнему врагу, архиепископу Львовскому, и просил, чтобы тот освободил украинских владык из-под власти патриархов. Так Геден стал из всех украинских владык “чиноначальником отступления от патриархов”. Это был очень горький плод необдуманных патриарших распоряжений. Но не только в этом случае оказалась несчастливой рука патриархов в их вмешательствах в дела Украинской Церкви. Патриархи не разбирались в здешних отношениях и не знали их; но когда к ним обращались в разных вопросах, они распоряжались очень решительно. Иеремия поступал резко, необдуманно, не очень разбираясь в делах; распекал владык, угрожал запрещением, проклятиями. После выезда опять посылал разные распоряжения, менял и переменял, ставил своих наблюдателей (экзархов) над епископами и снова устранял, и не всегда можно было разобрать, кого слушать, так как появилась бездна разных греческих пройдох, выманивавших деньги, называясь архиепископами, патриаршими послами и прочее»⁴⁹.

В общем, в глазах епископов — свидетелей Реформации в Германии и Польше — братства выглядели протестантским мирянским движением бюргеров⁵⁰. У восточных патриархов западнорусские епископы не нашли защиты от местного протестантизма (точно так же и в XX веке Константинопольский патриарх поддержал русских обновленцев). И тогда без давления польских властей, вопреки желанию католического епископата они приняли унию. Странно звучит? Но и в самом деле польского короля Сигизмунда III тогда не было в стране, а без его согласия не могли созываться церковные соборы. Так что и униональный Брестский собор король не признавал еще целый год. Что же касается католического епископата, то ему было ненавистно все православное, и потому католические прелаты хотели не унии (которая все же позволяла сохранить внешний распорядок православной жизни), а всецелого ополячивания и окатоличивания...

Потом, после собора, братства и в самом деле стали защитниками Православия. Но до него их роль в появлении унии была куда сложнее...

Главный урок из тех событий: и братства бывают не правы. Поэтому если вы сегодня увидите, как кто-то начинает размахивать фразой «народ — хранитель Православия», будьте осторожны: это очередной «демократ-реформатор». Он себя и своих друзей отождествил с «церковным народом» и на этом основании чувствует себя «вселенским судьей».

— Сейчас повсюду выходят различные издания, прославляющие царя Иоанна Грозного, создаются какие-то общины, братства, «опричнины» и так далее. Приходят журналы, полностью посвященные ему. Мы приводим доводы Святейшего Патриарха Алексия II о том, что невозможно прославлять святых и их убийцу. Все равно появляются иконы, публикации...

— Мироточили даже языческие статуи. Мироточат иконы в жутчайшей секте по имени

⁴⁹ Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. Киев, 1997. С. 229–234.

⁵⁰ «Недаром благочестивый воевода новгородский Скумин, услышав об уклонении епископа Гедена в унию, сказал, что в этом, без сомнения, виноват и сам патриарх Иеремия, который своими непрерывными грамотами за львовское братство против Гедена довел его до того, что он должен был броситься в такое отщепенство» (Митрополит Макарий [Булгаков]. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 368).

«Богородичный центр» (она же «Церковь державной Божией Матери»)). Поэтому само по себе крово-, слезо-, мироточение не является аргументом святости того или иного изображения, тем более персонажа.

Не желаете прислушаться к голосу Патриарха — что ж, есть еще голос церковного, литургического предания. Возьмите летнюю службу святителю Московскому Филиппу и посмотрите в каноне на утрени, что Церковь говорит о его подвиге и его оппоненте. Оказывается, святитель Филипп был умучен от «нового Ирода», «нового фараона». Вот голос литургического предания Церкви об Иване Грозном. Конечно, с точки зрения академического богословия можно сказать, что не всегда голос литургических текстов фактографически достоверен. Можно было бы на эту тему устроить дискуссию. Но чтобы ее развернуть, чтобы заглушить голос литургического предания, нужно столько эшелонов аргументов пригнать! Подлаживать литургию под свои политические вкусы нельзя. Иначе это будет откровеннейший модернизм. Я не хочу быть модернистом, поэтому я лучше поверю голосу литургического предания.

Есть еще голос церковной агиографии: в житии святителя Филиппа ясно говорится о роли царя в его смерти. Но опричные модернисты прямо говорят о том, что житие святителя Филиппа содержит «ложь»⁵¹. Для модернистов чудеса (которые, как им кажется, совершают написанные ими же «иконы» тех персонажей, в святости которых они уверены) важнее, чем праведно-назидательная жизнь самого этого персонажа. Поэтому они считают неверным «представление о том, что каждое житие должно быть назидательным для православного человека. Это не совсем так. То или иное житие может быть назидательным, а может быть и только констатацией каких-то известных фактов. По крайней мере назидательность не критерий святости»⁵². Понятно: какая уж назидательность в Иване Грозном...

Есть еще голос церковной истории. Когда царь Алексей Михайлович пожелал перенести мощи святителя Филиппа в Москву, Никон отвез на Соловки царскую грамоту: «Молю тебя, разреши согрешение прадела нашего царя Иоанна, совершенное против тебя завистию и несдержанною яростию». Это значит, что в церковном сознании XVII века в конфликте святителя Филиппа и Ивана Грозного виновной стороной считался царь.

И наконец, для меня как человека, который не является специалистом по русской средневековой истории, значим голос ведущего церковного специалиста по этому периоду — архимандрита Макария (Веретенникова). Человек всю свою жизнь занимается XVI веком — веком Ивана Грозного. Он монах, архимандрит. Его статьи об Иване Грозном в «Журнале Московский Патриархии» и газете «Радонеж» говорят о тех фактах в жизни грозного царя, которые не оставляют шансов на его прославление в лике праведников... Вновь говорю — для того чтобы оспорить выводы ведущего специалиста, церковного человека, всю жизнь посвятившего изучению этой тематики, нужно иметь очень много серьезных аргументов, а не отбрехиваться по принципу: «Ах, это ж иностранцы сказали, а они всегда врут». Несомненно, в том мифе об Иване Грозном, который сложился в европейской историографии, есть много лжи. Но и нельзя думать, что раз иностранцы солгали в одном, значит, и все остальные их сообщения — ложь. Это тоже некорректно.

Именно модернисты, из каковых некоторые открыто мечтают об «опричной революции», и видят в Грозном «посвященного эзотерика»:

«Грозный был еще и тончайшим православным эзотериком. Иоанн IV утверждает благой, в целом, характер смерти. Одна из главных задач инквизиции заключалась в том, чтобы провести грешника через некий ритуал духовного созерцания, обусловленного умерщвлением плоти. Долгие страдания постепенно делают человека невосприимчивым к физическим ощущениям, к запросам

⁵¹ Шатохин С.А. Провоцируют церковные расколы // Русский вестник. 2003. № 9.

⁵² Троицкий П. Канонизация с «черного хода» // Русский вестник. 2003, № 7.

собственного тела. Разум, свободный теперь от телесных мучений, неожиданно открывает для себя новые функции, ранее ему неизвестные. Таким образом, наступает стадия просветления разума, когда он, освободившись от материального тела, начинает свободно впитывать в себя божественные энергии высших сфер. Все это чрезвычайно легко накладывается и на опричный террор, который несомненно представлял собой одну из форм православной инквизиции. Иоанн Грозный и его верные опричники отлично осознавали свою страшную, но великую миссию — они спасали Русь от изменников, а самих изменников от вечных мук». А вот еще одна цитата — из текста, написанного иностранцем Шлихтингом, очевидцем многих тогдашних событий: «Однажды пришел к тирану некий старец, по имени Борис Титов, и застал тирана сидящим за столом... Тот вошел и приветствует тирана; он также дружески отвечает на приветствие, говоря: “Здравствуй, о премного верный раб. За твою верность я отпущу тебе неким даром. Ну, подойди поближе и сядь со мной”. Упомянутый Титов подошел поближе к тирану, который велит ему наклонить голову вниз, схватив ножик, который носил, взял несчастного старика за ухо и отрезал его. Тот тяжело вздыхает и, подавляя боль, воздает благодарность тирану... Тиран ответил: “С благодарным настроением прими этот дар, каков бы он ни был. Впоследствии я дам тебе больший”. Под этим большим даром имелась ввиду смерть, смерть от руки Царя, избавляющего от загробных мучений»⁵³. «Святой преподобный Корнилий, игумен Псково-Печерского монастыря, дерзал называть в монастырской летописи Помазанника Божьего — Царя Иоанна Васильевича Грозного — “антихристом”... Казнив игумена Корнилия, Государь Иоанн Грозный спас его для жизни вечной, не допустил полного падения его в прелесть»⁵⁴.

— В результате получается такое подпольное движение благочестия среди мирян и священников. Мол, архиереи это дело не принимают, но будем настаивать. И ссылаются на благословения покойного отца Николая Гурьянова...

— Не надо путать свою жизненную ситуацию с ситуацией отца Николая Гурьянова. Понимаете, в жизни человека такого склада, как отец Николай, осталось лишь одно чувство — любовь. Ревнители же прославления Ивана Грозного живут ненавистью, жадной мести и злобой оттого, что не у них власть в обществе и в Церкви.

Любовь же *всему верит*, по слову апостола Павла⁵⁵. Я по себе помню: когда я еще входил в церковную жизнь, лет двадцать назад, то до меня тогда тоже доходили разговоры о канонизации Царской Семьи: Царь — мученик, а Распутин оклеветан. Знаете, я с радостью на это реагировал. Ведь сама установка советского юноши, уходящего из СССР и приходящего в Православие, такова — пропаганда все врет. Только радостно было узнавать, что был еще один человек, о котором думали плохое, а он оказался замечательным подвижником. Нормальная реакция верующего сердца на такую весть может быть только радостной: «Вот здорово!».

Но оказывается, для церковного человека недостаточно просто жить по велению своего сердца, по первой эмоциональной реакции. Надо еще эти реакции проверять и смотреть: насколько исторически и богословски обоснованна дошедшая до тебя версия, к каким духовным и иным плодам поведет согласие с ней.

Так вот, у отца Николая Гурьянова, я думаю, была нормальная церковная установка на доверие и на приятие доброй информации о другом человеке. А вот возможности проверить эту информацию не было. Не было у него возможности рыться в архивах, расспрашивать историков, и поэтому получилось так, что он (и о возрасте нужно помнить) стал в этом смысле заложником людей, окружавших его и фильтровавших поступавшую к нему информацию. Начало и конец земной жизни

⁵³ Елисеев А. Опричная Царя // Царский опричник. № 20. (<http://www.nationalism.org/bratstvo/oprichnik/20/eliseev.htm>).

⁵⁴ Хвалин А. От умолчания — к искажению (http://www.rusk.ru/News/02/10/new05_10b.htm).

⁵⁵ 1 Кор. 13, 7. — Изд.

схожи. В детстве человек зависим от своего окружения и ведóm им. Но и о старости сказано: *егда же состареешися, ин тя препояшет и поведет*⁵⁶. О детстве святых сказано в «Вопросах и ответах старцев Варсануфия и Иоанна», что и святой человек может всю жизнь воспроизводить неверные стереотипы, усвоенные им в школьную пору... Но и в старости человек может стать столь же зависим от ошибок своего окружения. Так что в вопросах исторических я предпочту верить историкам, а не затворникам.

Историки же, у которых есть возможность копаться в архивах и проверять, где ложь из одного лагеря, а где ложь из другого лагеря, в итоге вырабатывают более взвешенную позицию, но все равно не в пользу Григория Распутина. В пример могу привести священника, который очень много сделал для прославления Царственных мучеников. — протоиерея Георгия Митрофанова из Санкт-Петербурга. Он лучший церковный специалист по русской истории начала XX века. Он член синодальной комиссии по канонизации святых, и именно ему было поручено разобрать все аргументы против канонизации Царственных мучеников. И он, работая в архивах, шел шаг за шагом — Ленский расстрел, Кровавое воскресенье, Григорий Распутин, разбирая, что и как там было. Его выводы по этой теме как раз достаточно определены. Да, мы можем понять, извинить и простить отношение Государя и особенно Государыни к этому человеку, от которого зависела жизнь их сына. Но доброе отношение не стоит принимать за индульгенцию. Увы, есть слишком много свидетельств о мраке, который все-таки был в глубине этой личности.

Второй человек, который тоже немало способствовал канонизации Царственной Семьи, — протоиерей Александр Шаргунов, считает, что атака на Царскую Семью с использованием имени Григория Распутина ведется уже второй раз. В первый раз это было при жизни Царя, когда попробовали связать в единый узел Государя и Григория Распутина и удар по Григорию Распутину был ударом по Государю. Второй раз их пробуют связать воедино сегодня. Отец Александр считает это продолжением старой провокации: связав воедино в общественном мнении Царскую Семью и Григория Распутина, потом обратиться к реальным фактам из архивов, нанести удар по Григорию Распутину, но тем самым уже и по всей Церкви: «Видите, Церковь ни в чем не разбирается и она всякого проходимца в лице святых прославляет». Чтобы не рисковать слишком многим, необходима осмотрительность. Естественно, эта осмотрительность не исключает дискуссии⁵⁷.

Наконец, я не могу забыть рассказ, поведанный мне в марте 1999 года в Стокгольме баронессой Людмилой Александровной Ляндезин-Трубецкой. В канун октябрьского переворота ее отец увез свою семью из опасного Петрограда на дачу — под Выборг. Поскольку затем эта территория отошла к Финляндии, они оказались в безопасности. Со временем постоянным гостем их дома стал Воейков — человек из ближнего государева окружения. Подросшие барышни расспрашивали гостя о придворной жизни и, конечно, о Распутине. Воейков подтвердил, что Распутин обладал целебным даром и не раз спасал наследнику жизнь. Проблема была в том, что порой Распутин бывал настолько пьян, что его нельзя было везти во дворец, а помощь была необходима срочно. Тогда к нему подтаскивали телефон, и Распутин, по телефону беседуя с Царевичем, останавливал кровотечение... Поскольку мне неизвестны православные святые, которые в пьяном виде творили бы чудеса, приходится признать, что Распутин к их числу не принадлежал. Мне кажется, что Распутин — это просто экстрасенс, Кашпировский начала XX века.

— Один священник выходит на проповедь и говорит, что вот, Царскую Семью мы прославили своим народным благочестием, мы прославим и Григория Распутина, надо только

⁵⁶ Ин. 21, 18. — Изд.

⁵⁷ См.: *Протоиерей Александр Шаргунов*. Распутин: опасность разделения в Церкви. Выступление на радио «Радонеж» 21.01.03 (<http://www.radrad.ru/new/radio/efir.asp?radioID=40>).

молиться, уповать на Бога и двигаться вперед. Это наша сила. Архиереи — такой тормоз церковный, не позволяет народному благочестию все это исполнить, а мы будем заводить себе иконки, размножать их и так далее. Как тут быть?

— Батюшка в данном случае совершенно прав. Архиереи — это тормоз. Только слово «тормоз» — хорошее слово. Надо тормозить, не торопиться, потому что иногда, когда все сползает в какую-то пропасть, имеет смысл притормозить. А вообще-то если проповеди этого батюшки действительно таковы, то в них очень чувствуется вполне большевистский и протестантский пафос: мы — народ, мы сейчас всей колхозной массой поднимемся на борьбу, всех одолеем, хотя темные силы с панагиями нас злобно гнетут... Это все тот же приступ обновленчества.

— Были ли в истории еще подобные деструктивные явления, как истерики вокруг ИНН?

— Думаю, что не было и не могло быть по той причине, что в предыдущие столетия все-таки была симфония Церкви и власти, была цензура и с той, и с другой стороны. А поэтому и архиереи, и обер-прокурор Синода тормозили фольклорные страхи, и благодаря этому Церковь могла спокойно жить. Наша ситуация больше похожа на доцензурную эпоху истории Церкви — II–III века. Одна за другой тогда рождались ереси и говорили о себе то же, что современные «ревнителю»: «Мы (гностики) особо духовны, а эти чинуши-архиереи ничего не понимают, мы особо просвещенные, у нас свои откровения, свои пророки, и мы по ним будем жить». Это многих людей смущало, потому что и в Церкви еще не было ясных центров консолидации и контроля, не было и государственного стержня, который мог бы объединить. Все как сейчас...

— В Церкви и обществе сегодня присутствует такое эсхатологическое ожидание трагического конца мира. Вот появился штрих-код с «числом зверя», вот идет перепись населения...

— Эти рассуждения по-своему логичны. Ведь любой наш шаг — это шаг к могиле. Но из этого еще не следует, что единственное разрешенное рукоделие — это вышивание савана. Жизнь идет к концу, но еще не кончилась.

А насчет скорого конца света... Верить этому или нет — зависит от настроения человека. Можно коллекционировать факты, убеждающие тебя в том, что настали последние времена. Это, кстати, любимое занятие сект. Вам наверняка знакомы «свидетели Иеговы» — сектанты, которые разносят по квартирам журналы «Сторожевая башня» и «Пробудись!». В конце журнала каждый раз идет речь о катастрофах, нагнетается ощущение, что всё-всё не так.

Ну, а если оторваться от журнала и поднять архивы? Катастроф сегодня много? Много. Больше, чем раньше? А вот это не совсем так. Самые значительные природные катастрофы случились на заре XX века. Почему же нам кажется, что становится хуже?

Первая причина этой иллюзии: растет плотность населения земного шара людьми. Раньше при каком-нибудь наводнении, цунами или извержении вулкана гибло меньшее число людей, сейчас же в более населенных регионах и гибнет больше.

Второе: средства коммуникации другие. Одно дело — тысячу лет назад. Тогда человек жил в своей деревеньке и не знал, что происходит дальше радиуса в пятьдесят километров. Сегодня же телевидение, газеты, Интернет объединяют нас со всей планетой. И поэтому катастрофа, произошедшая где-нибудь в Южной Африке, тут же становится известной нам. Число природных катастроф не возрастает, но растет информационный вал, потому и кажется, будто все идет не так, все плохо.

Мы бессильны перед этим страшным миражом потому, что мы не любим Христа. Люди не умеют жить ради Христа и, видя эту свою немощь, мечтают о том, чтобы хотя бы умереть ради Него. Хотя ощущать себя жертвами (психология жертвы — это пассивная психология, это психология неумехи). И видеть всюду какие-то страшные угрозы.

Жизнь таких людей прекрасно описана Толкиеном в «Сильмариллионе». «Темный лорд» Моргот пленил доблестного воина Хурина. Но не убил. «Горька была доля Хурина, ибо все, что узнавал Моргот об исполнении своих лиходейских замыслов, становилось известным и Хурину: только ложь была перемешана с правдой, и все, что ни было доброго, скрывалось либо искажалось... И тогда молвила Мелиан: “О Хурин, Моргот оплел тебя чарами, ибо тот, кто взирает на мир глазами врага, желая или не желая того, видит все искаженным”».

Так и в мире современных «эсхатоложников» и «иннэнистов». Они видят только зло — а потому и сами живут в страхе и сеять умеют только страхи и вражду. Скажите, вы много знаете храмов, где можно купить книгу о Христе? Про антихриста — запросто. По десять книг на каждом церковном лотке, а про Христа — ни одной. Это уже диагноз нашей болезни.

Кстати, важно помнить прошлые не только природные, но и церковные катастрофы. Есть один опасный стереотип в нашем церковном мышлении. Человек, когда входит в Церковь, знакомится с житиями святых, с семинарскими версиями истории Церкви. И возникает иллюзия, что вот раньше-то — что ни монах, то преподобный, что ни епископ, то святитель. А сегодня? *Оскуде преподобный*⁵⁸. Конец света настал. Чтобы таких иллюзий было поменьше — стоит помнить не только о светлых страницах церковной истории. Например — как святитель Василий Великий в IV веке описывал современную ему церковную жизнь: «Ты спрашиваешь меня, как обстоят дела в Церкви. Я отвечаю: в Церкви все обстоит так же, как и с моим телом, — все болит и никакой надежды»⁵⁹.

Есть известный принцип: чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться. Хочешь остаться в Церкви? Умей любить ее и в непогоду.

— Но ведь вроде бы уже начали восстанавливать храм в Иерусалиме...

— Не надо верить слухам. Да, летом 2002 года была попытка заложить камень в фундамент третьего храма. И новость эта сразу пронеслась по православным интернет-страничкам и газетам. Но это только половина правды. Полная правда такова. Камень был положен не на месте старого храма, а на объездной дороге вокруг стен старого Иерусалима. Акция эта была предпринята не государственной израильской структурой, а группой экстремистов. Государство Израиль им запретило проводить такое мероприятие. Поэтому уже через полчаса на место событий приехала полиция, задержала организаторов, а сам камень увезла на свалку. Опасная вещь — полуправда.

Да, вот последняя новость на тему о том, как государство Израиль стреножит своих иудеев: «На Храмовой горе арестованы два израильтянина-еврея, намеревавшиеся совершить молитву. Как уже сообщалось, совершение религиозных обрядов иудеями запрещено условиями доступа на Храмовую гору, оговоренными с руководством мусульманского совета ВАКФ»⁶⁰.

Еще один подобный пример. В листовках по поводу ИНН постоянно твердят про то, что в Брюсселе находится главный компьютер Европы и зовется он «Зверь». Действительно, в Брюсселе в 1973 году было открыто тринадцатизэтажное здание с компьютером внутри под названием «Зверь».

⁵⁸ Пс. 11, 2. — *Изд.*

⁵⁹ Подробнее об этом — в главе «В поисках золотого века» в моей книге «О нашем поражении. Христианство на пределе истории» (М., 2003).

⁶⁰ См.: <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=13458&cf=>. Сообщение от 18 сентября 2003 года.

Это факт. Но есть другой факт. Это здание было взорвано в 1991 году⁶¹. По той причине, что оно было построено в 60-х годах по технологии с высоким применением асбеста, что запрещено современным экологическим законодательством. И только в наших листовках оно до сих пор существует и управляет всей Европой.

А ведь сегодня надо быть очень осторожным и не давать ход недостоверным слухам — уж слишком много желающих подловить нас на неосторожном слове. «Многие православные христиане не любят мобильные телефоны и считают, что они от дьявола, — заявил Евгений Ициксон, генеральный директор аналитической фирмы “Сотовик”. — С точки зрения нормального человека эту меру трудно понять»⁶². Вообще-то «с точки зрения нормального человека» трудно представить — как можно приписывать такую глупость народу той страны, где ты живешь... Но ведь не сам Ициксон придумал эту сплетню — где-то он ее все же услышал.

— Интернет и всеобщая глобализация — опасны ли они духовно с точки зрения Православия? Это от Бога или от...?

— От Гейтса. Не совсем правильно делать мир дуальным, делить его по радикальному черно-белому принципу... Есть то, что входит в наш мир от Бога; есть то, что провоцируется сатаной. А есть то, что творит сам человек — и в добром, и в плохом.

А если насчет опасности — опасен не один отдельно стоящий компьютер. Опасна повальная компьютеризация. Она создает новые возможности тотального контроля — я имею в виду электронные карты, ИНН и так далее. Но все же надо различать социальную опасность от опасности духовной. Я как христианин не обязан «уходить от слежки». Скорее наоборот: постоянные разговоры о ней и память о ней способны в конце концов растравить душу. В советские времена мы все были «под колпаком у Мюллера», но это не мешало нам верить, что на самом деле мы — под покровом Божией Матери. Не будь в нас этой нашей веры — и из-под «колпака» мы бы вышли не Церковью, а вывалились как стая испуганных и озлобленных крыс (ибо в подполье можно встретить только крыс).

— Сейчас очень распространен акафист Царю-мученику, и в связи с ним возникло много недоумений, ведь Святейший Патриарх не благословил этот акафист?

— Да, я не раз слышал об этом от Патриарха на епархиальных собраниях московского духовенства. Есть акафист Царственным мученикам, изданный Патриархией, но есть и очень много самиздата.

Богословие для того и существует, чтобы анализировать благочестивые тезисы, потому что любая ересь начинается с благочестивого утверждения. Если бы оно было неблагочестивым, кощунственным с самого начала, оно бы никого не прельстило, его бы отторгли. Легко сказать, что «Христос — Бог, человеческая природа в Нем растворилась, она была преображена в Божестве, как океан поглощает капельку воды». Красиво, благочестиво. Но когда начинаешь это логически продумывать дальше, тут выясняется, что из этого красивого тезиса следуют выводы, потрясающие сами основы нашей веры. Поэтому и была отвергнута эта вроде бы благочестивая ересь монофизитов.

Точно так же, я думаю, и с отношением к подвигу Царской Семьи. То, что выражается в этих бесцензурных акафистах, ставит ряд вопросов о самой сути христианства. Скажем, если мы называем Царя «искупителем», пусть даже грехов русского народа, то это означает, что на Голгофе Господь принес Себя в жертву во искупление грехов всего мира, за исключением русского народа.

⁶¹ См.: Евробюлетень. Інформаційний бюлетень Представництва Європейської Комісії в Україні. 2001. Октябрь. С. 5.

⁶² См.: http://newsru.com/russia/22ju12003/play_.html.

Семинаристам я обычно так поясню, в чем излишность такого рода воззрений: из Европы идут сведения, что католики готовятся принять новый догмат, в этом догмате они собираются объявить Божию Матерь соспасительницей. Конечно, православные семинаристы взрываются: «Какие нехорошие католики, до чего они дошли, у нас же один Спаситель — Христос». И далее остается спросить: а как же тогда относиться к нашей доморощенной догме о «Царе-искупителе»?.. Приходится с грустью констатировать, что принцип «свои носки не пахнут» порой действует и в богословии.

— **А в чем причины такого положения: желание выделиться?**

— Думаю, что причина в нашей собственной болезни. Мы же неправославны. Греческое слово «орто-доксия» имеет два смысла: правоверие и право-прославление. Можно быть правоверным и неправославным. Быть православным — это значит стяжать умение правильно славить Господа, жить молитвой, радоваться молитве. А если я стою в храме и при этом посматриваю на часы, высчитываю, сколько осталось до конца всенощной, то это плохой духовный диагноз. Почему все время разбегаются «мои мысли — мои скакуны»? Я при случае их отлавливаю, возвращаю назад и при этом покаянно вздыхаю: «Прости, Господи, опять отвлекся, размечтался». Но со временем и это надоедает, и человек начинает искать оправдания для своей немолитвенности. И так — на всех уровнях. Стоит бабушка, сама себя назначившая старшей дежурной по третьему подсвечнику справа, и всю службу играет в бесконечный пасьянс со свечками. Понимаете, она нашла дело, которым она сублимирует свою немолитвенность. А в алтаре можно вести какую-нибудь бесконечную чистку кадила или неотложный разговор со старостой или с регентом хора. «Отмазки» можно любые найти, но все это будут попытки подменить дело тем, что святой Феофан Затворник называл «приделком». Дело одно, а приделков много.

И вот когда у человека молитва или исчезает, или еще не сформировалась, тогда он начинает придумывать для себя какие-то сублимирующие приделки, какие-то поводы для своего активизма. И это может быть все, что угодно. Человек может, например, вдариться в административно-хозяйственную деятельность, стать церковным прорабом. Такой труд в Церкви нужен, но если он заменяет молитву, то это уже духовная болезнь. Человек может удариться в богословие, читать и даже писать книжки. И богословие может быть болезнью, когда речь о Боге заменяет речь к Богу. И, наконец, самое излюбленное сегодня искушение — спасти Православие. Вместо того, чтобы самому жить православно.

— **Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Если показать ему эту красоту церковную, глубину...**

— Я считаю, что церковная глубина и красота состоят, в частности, в том, что в Церкви есть пространство для разномыслия и дискуссий. Человеку со стороны кажется, что Церковь — это сплошная казарма. Либеральная пресса так и пишет: «Вместо коммунистов пришли попы». И, соответственно, люди боятся попасть во «вторую КПСС». Поэтому миссионерски важно показать, что пространство Церкви — это пространство мысли, пространство дискуссии, что мы признаем за человеком право на ошибку. Если человек ошибся, то за этим не последуют оргвыводы, запреты, анафема. Есть, конечно, вещи, в которых мы безусловно должны быть едины, а есть пространство разнообразия. Как-то я встретился с одним юношей-старообрядцем, который сам еще не до конца осознал свое «староверие», присматривался. И вот он решил малость на меня «наехать». Я же ему говорю: «Ты действительно хочешь, чтобы церковная жизнь строилась по заветам древних святых отцов?». — «Да, конечно, поэтому-то я — старовер». — «Но посмотри на вот эту заповедь одного из тех девяти святых отцов, которых Вселенские Соборы называют нормой Православия, а именно блаженного Августина: “В главном — единство, во второстепенном — разнообразие, и во всем —

любовь». Теперь скажи мне, в чем староверы разрешают разнообразие?».

Он задумался и сказал: «Я подумаю, потом приду». Но так больше и не пришел...

В ваших же словах о показе красоты содержится церковной ответ на столь важный для многих семей вопрос: как сделать, чтобы сын или дочь, муж или жена пришли в храм. Верьте так, живите сами так, чтобы ваши родные неверы вам завидовали. Чтобы на вашем примере видели, что вера — это крылья, повод для полета, а не горб за спиной, который давит к земле.

Представляете, у церковной бабушки вырос неверующий внук. И вот в воскресный полдень этот оболтус еле-еле — после трудовой дискотечной ночи — вытаскивает себя из постели. У него все плохо: и сил нет, и голову мутит, и воспоминания о вчерашнем нерадостные, а мысли о недалеком понедельнике вообще самые мрачные... И тут вдруг распахивается дверь — и в дом влетает *радостная* бабушка, вернувшаяся с литургии. Представляете его реакцию: «Слушай, ба, а куда это ты с утра пораньше смоталась? И вообще, что такая радостная ходишь?».

В общем — «нельзя верить, стиснув зубы: это очень ненадежно и это оскорбление Господу... Великий подвиг сейчас — сохранить веру, и не угрюмую, точно загнанную в какой-то подвижнический тупик, а веру-любовь, любящую веру, веселящуюся о своем Христе»⁶³.

И напротив — еще с апостольских времен известно, что «молитва печального человека не имеет силы восходить к престолу Божию»⁶⁴.

— А что вы скажете о миссионерстве через песню: Жанна Бичевская, Игорь Тальков...

— Умная, КСП-шная песня — наш союзник. Именно потому, что она дает работу уму и обжигает сердце.

А вот Жанну Бичевскую погубило то, что она всерьез мнит себя пророчицей, учит всех и вся. На церковном языке это называется словом «прелесть»: человек слишком серьезно начинает относиться к себе самому, слишком доверяет своим откровениям, интуиции, впечатлениям и мнениям. Она выступает в новом жанре — концертов-проповедей. Когда музыка — нечто десятичное, а главное — сказать свое слово, жестко обличая всех и вся, хоть президента, хоть Патриарха.

«Тут же прозвучало “Россия будет вновь свободной, и мир падет к ее ногам!”. Затем еще конкретнее: “Русские плюют на власть Америк и Европ!”. И после этой фразы Жанна в приступе священного гнева прокричала: “Чтоб они сдохли все!”⁶⁵. Гнев Бичевской направлен не только на «Запад», но и на церковную иерархию, отказывающуюся перенести титул «Искупителя» с Христа на царя Николая II: «Наверное, Господь меня сюда прислал. Я служу Богу и Царю. Ад уже полон! И не только мирскими — монахами и священниками, даже архиереями полон ад!»⁶⁶.

Позиция Бичевской ясна: и Патриарх, мол, не то делает, и попы меня не понимают. А я вот, пророчица, спасаю Россию и Церковь вопреки пассивности духовенства.

По сути Бичевская уже в секте. Она сама дала ей имя — «царская православная церковь»⁶⁷. Там вместо Христа «Царь-Искупитель», газетно истолкованный Апокалипсис и кругом враги, которых она мечтает «порвать на клочья, Господа хваля».

Ну, в самом деле, не в Московской же Патриархии ей быть, если она питает свою душу мутными

⁶³ Фудель С.И. Причастие вечной жизни // Собрание сочинений. М., 2003. Т. 2. С. 251, 282.

⁶⁴ Ерм. Пастырь. Заповедь 5, 10.

⁶⁵ Марголис М. Концерт-проповедь — новый жанр Жанны Бичевской // Московские новости. 2002. Декабрь. № 49. — Изд.

⁶⁶ Молодежь Эстонии (Таллин). 3.04.2000.

⁶⁷ Бичевская Ж. Русь огромна и талантлива // Русский Север (Вологда). 28.09.2001.

пророчествами некоей «блаженной Пелагии Рязанской»⁶⁸. Вот пример Пелагиинных советов: «Скажи мне, а что, если убить колдуна?!». Она сразу мне ответила: «За колдуна — золотой венец от Господа!». Причем кандидата на убийство можно определить самому по такому, например, критерию: «Если кто-то сам ворожит или приколдовывает, то сам же первым делом и будет непременно отрицать существование магии и колдовства. И это — первый признак!»⁶⁹. О том бреде, который новоявленная секта «пелагиан» тиражирует по стране (теперь и через Бичевскую), мне приходилось писать в книге «Оккультизм в Православии» (М., 1998). Церковное отношение к Бичевской было выражено в резолюции Рождественских чтений 2003 года: «В последние годы ряд изданий, объявляющих себя борцами за Православие, в том числе... радиопрограмма Жанны Бичевской “От сердца к сердцу”, осуществляют пропагандистские кампании, которые, несомненно, способны привести к расколу в Церкви. Не предлагая читателям никакого положительного, спасительного для души опыта церковной жизни, эти издания подтасовывают факты церковной истории, искажают основы православной веры и в конечном итоге формируют сектантское сознание»⁷⁰.

Отчасти, я думаю, это проблема ненайденного духовника или, точнее, неправильно найденного духовника.

Люди такого типа («самоценны» — ценящие себя) ищут чего-то необычного. Жанна Бичевская — необычный, талантливый человек, кстати, это тот человек, которого Булат Окуджава считал своим преемником. И ей казалось, что ее духовным советчиком тоже должен быть кто-то необычный.

Я помню, когда читал книгу Вересаева «Пушкин в жизни», где собраны воспоминания современников Пушкина, больше всего меня поразила в этой книге смерть поэта. Жуковский пишет, что когда все поняли, что это конец, он предложил Пушкину «исполнить долг христианина». Это речевой штамп, в XIX веке означавший предсмертную исповедь и Причастие. К некоторому моему изумлению, пишет Жуковский, Пушкин с легкостью и радостью согласился. (Удивление было еще и потому, что умирающие люди часто не верят в то, что они умирают. Отсюда и их суеверие относительно соборования: если пособоруешься, то точно умрешь. До сих пор некоторые боятся собороваться. На деле же — «соборование по намерениям Церкви есть врачевательное Таинство, возвращающее здравие, а не приготовление к смерти»⁷¹.)

Когда же Пушкин с радостью согласился, его спросили, за кем из батюшек послать, Пушкин ответил: «Это не важно, просто батюшку из соседнего храма». Он мог бы потребовать митрополита или святого. А он — первого попавшегося батюшку. Вот такое умение открыться простому приходскому священнику, не искать особо одаренных, особо гениальных — признак хорошей церковности человека. А у нас сегодня как? Даже грехи мои особые, нестандартные, поэтому и открыть я их могу только особо одаренному священнику. Вот встретится мне какой-нибудь суперюродивый, суперпрозорливый, ему я, так и быть, исповедуюсь, окажу честь. А обычному «отцу Василию» — ни в жисть!

Мне кажется, что Бичевская тоже искала каких-то особых старцев. А кто ищет, тот найдет. И она, очевидно, нашла нечто такое «духовно-прозорливое» и самоуверенное со всеми вытекающими последствиями.

— Но ее выступления-проповеди имеют поддержку. Ее песен и выступлений ждут, кассеты Бичевской продаются в сотнях православных храмов. Если бы у людей не было желания ее

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Воспоминания о Пелагии Рязанской // Жизнь вечная. 1997. № 36–37.

⁷⁰ Церковный вестник. 2003. № 3.

⁷¹ Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 296.

слушать, вряд ли она стала бы это делать.

— Наверное. Но если вы приходите на исповедь в храм, то первое, что вы слышите, — честные слова священника перед исповедью о тех, кто собрался вокруг него, и о нем самом: «Пришел еси во врачевницу, да не исцелен отыдеши». То есть Церковь сама себя считает больницей. Больницей, в которой лечатся не переломы рук, а переломы души. Давайте честно скажем, что церковная жизнь делается людьми зачастую весьма и весьма нездоровыми: болезнь одного, бывает, заражает других, реверберирует⁷², отражается, переходит на других. Да, действительно, нездоровость Жанны Бичевской востребована определенным процентом духовно нездоровых церковных людей.

— Вы читали акафист Игорю Талькову?

— Не читал, а просматривал. Простите, на церковном языке «читать» значит молиться. Нет, я не молился, конечно, я видел его и пролистывал. Стыдно... Я же помню его книгу «Монолог»: «Я изучал астрофизику и психологию, увлекаюсь философией, поэтому для начала поделюсь тем, что меня глубоко заинтересовало и взволновало. Вот несколько выдержек из расшифровки трансцендентальных, летящих на Землю из космоса сообщений в вольном переводе человека-биопсихоприемника, экстрасенсора в четвертой ступени: “Дела земные плачевны. В момент скатывания Земли в предыдущий неузловой микроярус столетней цикличности произошло событие непредвиденное и роковое — были повреждены защитные, установленные высшими силами, инфернобарьеры и психополя, в результате чего над территорией России в предохраняющем слое образовалась дыра, связующая земной мир с миром потусторонним... Пространство отпустило бесконечно малый срок — десятилетие. Сверхпространственный туннель не закрыт, дыра расширяется”». Оккультизм, однако...

У него были дивные песни, но любовь к России — еще не повод к канонизации...

— Нормальное церковное мировоззрение — это два цвета?

— Два цвета понадобятся вам только на суде человеческом, когда вас приведут к суду, требуя отречься от Христа. Вот тогда ваш ответ будет: да — да, нет — нет, *все остальное от лукавого*⁷³. А в реальной жизни оттенков очень много. Ну как в двух цветах объяснить отношение апостола Павла к идоложертвенному — можно есть или нельзя? Как-то в Ноябрьске пробовал пояснить позицию апостола, а один молодой человек все вскакивал и кричал (уж не знаю — харизмат, протестант или так просто болящий): «Что вы все так усложняете? Можно сказать — “да — да”, “нет — нет”?». Сказать-то можно. Но это уже будет авторским «простецким богословием», а не Павловым.

Жизнь не сводится к простоте. Прост ли ответ на вопрос о конце Ветхого Завета? Когда прекратился ток благодати через еврейский храм? Когда синагоги стали, скорее, сборищем сатанинским, нежели собранием благоверных людей? С точки зрения богословия — с момента распятия Христа: пала завеса в Иерусалимском храме. Но церковная история усложняет эту схему: апостолы и по Воскресении Христа ходили в Иерусалимский храм, приносили жертву по закону. И хотя закон уже умер во Христе, апостолы исполняли закон. Как это согласовать? Это не сводится к какой-то простенькой формуле. Так что богословских вопросов очень много. И они сложны. Людям же зачастую хочется легких, простых решений. Но самая простая вещь на свете — это вообще атеизм: «Бога нет. Христа не надо, мы на кочке проживем!». Вот уж предельная простота!

⁷² Reverbero (лат.) — отбивать, отбрасывать, отскакивать. — Изд.

⁷³ Ср.: Мф. 5, 37. — Изд.

— Можно ли заниматься боевыми искусствами?

— Пока это физкультура — занимайся, но как только запахло философией — оставь. Если тебя учат бить правой пяткой по левому уху — это нормально, а вот как только начинают говорить, что перед началом тренировки надо поклониться духу этого зала, здесь надо уметь уйти. Если начались уроки медитации, концентрации энергии, стоит подумать о самообороне.

Один монах из Троице-Сергиевой Лавры рассказывал мне, как именно через спорт он пришел к Богу. Во время учебы в университете он серьезно занимался карате. После очередной победы на турнире тренер сказал ему: «Ты знаешь, Саша, тебе настала пора принимать решение. Если хочешь идти в нашем спорте дальше, то учти, что на следующем уровне скорость боя будет такова, что думать будет просто некогда. Твоя реакция должна стать автоматической. А для этого тебе нужно учиться не думать, а уметь отключать свое сознание. Тебе теперь необходимо овладеть такой техникой медитации, которая привела бы к твоему самоустранению, позволила бы стереть твою личность». Теорию йоги и буддизма тогдашний Саша уже знал. Теперь настала пора практики. И он подумал: «А не слишком ли это большая цена за успех в спорте?» К этому времени он уже понимал, что мир религии — что-то достаточно серьезное. И занялся поисками такой религии, которая бы не стирала, а, напротив, сохраняла личность человека для вечности. В итоге пришел в христианство. А поскольку и университетская математика, и спорт приучали его к последовательности, он пошел и дальше — в монашество.

— Имеет ли курение какой-то мистический смысл? Или это просто страсть?

— Я имел возможность наблюдать в действии рекламный слоган «Курить — бесам кадить». Дело было в Китае. Меня завели в один даосский монастырь. И там была часовня с некоей «черной бабушкой». Никто толком не смог сказать мне, что за миф с ней связан. Просто женская фигура, вырезанная из черного дерева. Возле нее столик-жертвенник, на который кладут пожертвования: бутылки водки, апельсины, яблоки и так далее. Как у нас панихидный столик (только у нас водку не кладут). Я вот иногда думаю — какая хорошая у меня была бы жизнь и карьера в Китае! Там сейчас модно перед каждым супермаркетом, гостиницей и тому подобным ставить статую божка богатства, а перед ним вот такой жертвенник. Бог богатства, конечно, должен обладать заметным животиком. И вот я думаю, что если бы я (с точки зрения китайцев — образцовый русский: если тот иероглиф, которым китайцы обозначают нас, разложить по смысловым компонентам, то получится «большие северные волосатики») там остался и начал подрабатывать таким вот сидением в позе лотоса перед входом в магазин, то мне бы подавали немало... Ну, да что мечтать попусту! А вот в том даосском монастыре в Шэнь-яне перед идолом была коробка с песком. Это обычно на Востоке: в этот песок втыкают палочки, называемые благовонными (а эти ароматные палочки делаются из коровьего навоза). Но в данном случае роль этих «вонючек» выполняли зажженные сигареты. Их закуривали и втыкали в песок фильтром вниз, и так они догорали. Это было буквально: курить — бесам кадить.

Но из того, что кто-то использует табак или сигарету в черном культе, не следует, что любой курящий человек участвует в этом культе. И язычники возжигали ладан перед своими статуями, но это не мешает нам приносить ладан своему Господу. Или то же золото, деньги. Сатанисты их жертвуют на свои черные дела, а мы те же самые купюры и монеты приносим на нужды нашего храма. Так что я не думаю, что в курении есть какая-то мистика. Ясно, что ничего хорошего в этом нет. Но и «демонизировать» все сразу не стоит. За пределами церкви не сразу начинается сатанизм. Есть какое-то просто человеческое пространство: человеческих заблуждений, поиска, ошибок, немощей или, напротив, добродетелей чисто человеческих.

Были святые, которые курили. Например — святитель Николай Японский. В его дневниках есть замечательная запись: «Вечером скучно было и хотелось курить, а, между тем, бросил с воскресенья

— более чем двадцатилетнюю привычку не легко бросить»⁷⁴. Значит, большую часть своей жизни святитель курил. Что не мешало ему быть истинным Христовым апостолом. Ну, а уж отношение последнего русского императора к курению всем известно.

Со своей стороны могу заметить, что предметом моей острой профессиональной зависти является статус профессоров Московской Духовной Академии XIX века. В день полочки они расписывались в нескольких ведомостях: кроме зарплаты, они получали деньги на оплату квартиры, на приобретение книг, и отдельная графа была — на табак (завидую я не последнему, а предыдущим пунктам).

Действительно, русское духовенство XIX века не чуждалось табака, и это приводило к определенному курьезу. Знаменитый психолог Бехтерев отмечал, что в ту пору некоторые кликуши боялись запаха табака (кликушество — это когда баба начинает кричать, что она испорченная, и выкликает имена тех, кто якобы на нее порчу навел). Кликуши боятся всякой святыни. И соответственно, у них бывает кричащая реакция, реакция сопротивления на появление православного батюшки, на запах ладана, на мощи, на святую воду. И вот в этом же ряду такую же реакцию вызывал у них запах табака⁷⁵.

Кто может объяснить, почему кликуши в России XIX века боялись не только запаха ладана, но и запаха табака? Для ответа нужно поставить другой вопрос: а от кого не пахло табаком в ту пору? Атеистов в стране не было. А вот религиозные люди делились на православных и неправославных. Не курили как раз сектанты — староверы и штундисты (баптисты). «Господа, не нюхающие табаку» — как называл их Василий Розанов. Соответственно, запах табака в России XIX века — это был запах человека, принадлежащего к православной вере, и бесы на это реагировали.

Естественно, я не в защиту табака это говорю. Просто не люблю примитивно-листовочных решений. Вроде того, что оттуда, где лежит сигарета, благодать точно уходит.

Скорее всего, по мысли Феофана Затворника, курение — это не грех, это греховное пристрастие⁷⁶. Некое издевательство над самим собой. И свидетельство несвободы. Ведь самый главный тиран — во мне самом. И самая страшная несвобода — от себя самого. Курение в каком-то смысле полезно — как обнажение моей марионеточности. Ведь самое важное для христианина — узнать правду о себе самом. «Господи, даруй мне зрети моя прегрешения»⁷⁷. Мы себе кажемся замечательными, свободными, «белыми и пушистыми». Но попробуй бросить курить, и посмотрим, как тебя будет корезить, надолго ли твоей хваленой свободы хватит. Для вдумчивого человека борьба с курением может показать правду о себе самом. Знание правды — это всегда хорошо. В отличие от курения.

А вот чего не стоит делать — не надо сводить свою христианскую веру к борьбе с подобными мелочами. Это как некая старая кожа, она сама собою отпадает. Если идет нормальное духовное взросление, это становится неинтересно, невкусно.

⁷⁴ *Святитель Николай Японский*. Запись в дневнике 1.04.1880 // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям. СПб., 1996. Ч. I. С. 241.

⁷⁵ См.: *Бехтерев В.* Предисловие // *Краинский Н.В.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900. С. III.

⁷⁶ «Курить или не курить есть дело безразличное, по крайней мере наша и общая совесть считает это таким. Но когда некурение связывается обещанием, тогда оно вступает в нравственный порядок и становится делом совести, неисполнение которого не может не мутить ее. На что вязать ее обетом? Говорить надо “Постой, дай-ка попробую бросить, Бог даст, слажу”. Встречали ли вы у старцев совет: не вязать себя обетом? Вот таких именно дел это касается» (*Святитель Феофан Затворник*. Собрание писем. М., 1898. Вып. 2. С. 240).

⁷⁷ Слова из молитвы преподобного Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...», читаемой Великим постом. — *Изд.*

— Что делать девушке, если юноша признался ей в любви, видит ее как будущую жену, а она относится к нему как к брату?

— Так, может быть, самая прочная семья и получится. Сегодня считается, что лишь обоюдная страстная влюбленность должна соединять семью. Не знаю: хорошо это или плохо. Но традиционная православная семья никакой влюбленности как условия своего создания и существования не подразумевала. Конечно, мне не верится, что наши благочестивые предки в период брачного поиска были озадачены идеей своего спасения: «А женюсь-ка я ради спасения души на Марфутке!». Но и сумасшедшая голливудская влюбленность вряд ли была нормой. В большинстве случаев основой брака был здравый расчет (прежде всего родителей).

...Сейчас идут дискуссии о том, как относиться ко дню святого Валентина. Я как-то высказал идею о том, что если что-то плохо лежит, то это надо брать. Надо просто воцерковлять, приватизировать этот праздник, говорить: это наш праздник, наш святой, а потому давайте все в этот день молиться святому Валентину об умножении любви... В ответ же один батюшка мне так мудро отвечает: «Отец Андрей! Вы путаете понятия: любовь — это одно, а влюбленность — другое. Святой Валентин — покровитель влюбленных». Ну, полагаю, что если я эти состояния путаю, то скорее всего вместе со всей молодежью (а значит, уж с нею-то мы в таком случае говорим на одном языке). Во-вторых, проповедь священника в этот день к пришедшим в храм «влюбленным» могла бы говорить как раз о любви...

Но с точки зрения аскетики, древней церковной книжности, и в самом деле трудно было бы сказать хоть что-то доброе о влюбленности. У отцов (вспомните среди них хоть одного семейного и многодетного священника и при этом не мученика!) вообще трудно найти советы о семейной жизни, а уж тем более о времени брачного ухаживания. Отцы Церкви о влюбленности молчали, а пары тем не менее составлялись. И получали благословение Церкви.

В церковной среде как только заговоришь о покровителе влюбленных, сразу слышишь: «А у нас есть Петр и Феврония». Я сам когда-то имел неосторожность эту идею выдвинуть, пока не прочитал всерьез их житие. Да какая же там влюбленность?! Они вместе спасаются, акафисты читают. Об их супружеской любви друг ко другу в житии просто нет ни слова! Они «любили чистоту и целомудрие», но не друг друга. Подчеркнутое житийное напоминание о том, что и в браке они жили целомудренно, отсутствие каких бы то ни было упоминаний об их детях склоняет к мысли, что брак их был «белым»... Есть еще фольклорная повесть о Петре и Февронии — там побольше влюбленности, но все равно мало.

Конечно, влюблялись православные люди и во II веке, и в X, и в XVI. Но это оставалось где-то за гранью церковного учения и контроля. И поэтому я не могу предложить вам готовую цитату: «Святитель Иоанн Златоуст о влюбленности сказал, что влюбленный юноша должен признаваться девушке в своих чувствах вот так, а девушка, согласно Типикону, должна ему отвечать следующее». Нет такого в Типиконе.

В контексте вашего вопроса это означает прежде всего, что отношение девушки к любящему ее юноше как к брату не является каноническим препятствием к их браку.

— Многих нецерковных молодых людей интересует причина невозможности в Православной Церкви женского священства. Расскажите об этом.

— Я могу об этом рассказать на богословском языке, но будет ли это понятно нецерковным людям? На богословском языке все очень просто: священник на литургии — это литургическая икона Христа, и алтарь — это комната Тайной вечери. На этой вечери именно Христос взял чашу и сказал:

пейте, это Кровь Моя⁷⁸. А не дева Мария взяла чашу и сказала: «Пейте, это Кровь Моего Сына». Мы причащаемся Крови Христа, которую дал Он Сам, именно поэтому священник должен быть литургической иконой Христа. А не Девы Марии. Поэтому священнический архетип (первообраз) — мужской, а не женский.

Если же говорить на небогословском языке, то мои возражения против женского священства еще проще и очевиднее. Ну, хорошо, допустим, что женское священство появилось. Чем это обернется? У нас уже есть общественный институт, куда пустили женщин. Я о школе говорю. Чем это кончилось? Мужчины там водиться перестали, школа стала чисто женским институтом. Хорошо ли это? Я в этом сильно сомневаюсь.

А женское христианство довольно своеобразно. Есть такая странная церковная алхимия. Берем два компонента: первый — Православие, второй — женщина. Каждый из этих компонентов сам по себе теплый, пушистый, хороший. Теперь сливаем их в одну колбочку. Что получаем? Православие + женщина = приходская ведьма. Не всегда, конечно, но все же довольно часто — чтобы этого не замечать. Удивительно, но факт: почему-то женская религиозность более жестока, нежели религиозность мужская. Девчонки, вас когда-нибудь выгоняли из храма за неуставную форму одежды? И не нужно спрашивать, кто выгонял: свои же товарищи по полу.

А если мы обратимся к Библии, там на первых же страницах видим: Ева беседует со змием в Эдемском саду, и змий спрашивает, что же Бог запретил людям. Ева отвечает: нам к древу познания добра и зла нельзя прикасаться. Но заповедь-то была другая: не вкушай плода древа познания добра и зла. Ева же вместо «не вкушай» говорит даже «не прикасайся», вместо плода теперь уже запретно все древо. Ева ужесточает заповедь. Это говорящая деталь. Женская религиозность слишком часто ищет запреты: нельзя то, нельзя это.

Так что если появится женское священство, то это будет верный шаг на пути превращения Православия в тоталитарную секту. Задатки к этому у нас и так есть (особенно в современном монашестве). Но добавление женского фактора еще более это усилит.

— Какое положение в древней Церкви занимал институт диаконисс?

— Во-первых, это был географически локальный институт. Он был распространен только на Востоке. Западная Церковь такого не знала. И связано это было с тем, что женщины на востоке Римской империи были лишены той свободы, которую имели женщины на западе. Они не покидали своих домов, и соответственно, чтобы их крестить, особенно замужних женщин, нужно было проникнуть в гинекон — женскую половину дома. И, конечно же, право доступа сюда имели только евнухи и женщины. Поэтому на Востоке и появляются диакониссы, которые совершали Крещение женщин в домах. Но сегодня нет никакой необходимости в этом институте.

— Можете ли вы обосновать обязательное ношение длинных юбок и платков православными женщинами?

— В Посланиях апостола Павла сказано, что у жены должна быть покрыта голова как знак власти мужа над нею⁷⁹. Что за этим стоит? В каждой культуре есть свой язык жестов и символов. Даже жесты приветствия разные. Мы с вами кланяемся или целуемся, у светских людей больше принято руки пожимать, в Шумере было принято при приветствии потирать нос. Так вот в культуре Ближнего Востока во времена апостолов плат на голове женщины был знаком ее замужнего статуса: не девица

⁷⁸ Ср.: Мф. 26, 27–28. — Изд.

⁷⁹ См.: 1 Кор. 11, 3–10. — Изд.

носила платок, а замужняя женщина (поэтому, кстати, неверно требовать ношения платка от девочек). Сегодня ни в церковном мире, ни в народной культуре платок уже никак не указывает на семейный и социальный статус. Это фарисейство, когда требуют исполнить обряд, не понимая его смысла, не понимая, говоря языком святых отцов, «в каком разуме» сказал это апостол. Так получается своего рода глоссолалия: слово или действие, не имеющее значения для тех, кто стоит рядом с нами. Апостол же Павел в своих наставлениях на тему женского платка сказал: Рассудите сами⁸⁰.

Если же мы «рассудили» и уразумели смысл апостольского совета, то следующий вопрос — вопрос о том, в какой форме его лучше донести до современного человека. В сегодняшней культуре тот же самый смысл несет другой обряд, другой внешний символ. Если бы апостол Павел сегодня писал свои Послания, то на языке современной культуры он написал бы «Жены, носите обручальные кольца, даже когда едете в Сочи».

Речь у апостола идет о покрывале, которое прикрывает собой не только волосы на голове, но и все тело. Да, в апостольском тексте речь идет совсем не о платочке или шляпке. Речь идет о чадре. Там все время употребляется слово «покрывается» — *katakaliptete*, которое имеет оттенок «закутываться». И в Византии женщины носили именно чадру. У женщины, покинувшей стены своего дома, не должно быть открытых участков тела, которые могли бы провоцировать в мужчинах мысль о «доступности» этой женщины. Как это ни странно, женщина в чадре социально защищена — она всем своим видом показывает, что у нее есть защитник, что она не ищет «приключений». Так что чадра — это одна из мер защиты от сексуальной агрессии. Так разговор о платках вполне естественно переходит в разговор о длинных юбках. Женщина в безрукавке, но в платке — все равно одета небезопасно.

А еще, когда блаженный Феофилакт объясняет, почему мужчина не должен покрывать свою голову или носить длинные волосы, он говорит удивительную вещь: «Тот, кто от Бога создан свободным и самовластным, но сам унижает себя как подчиненного, постыжает Христа, Который есть глава его»⁸¹. Удивительные слова. Вот только находятся они, увы, в вопиющем противоречии с нашими церковно-государственными привычками: пресмыкательство перед властями, поставление себя в заведомо унижительную позу перед вышестоящим — это неотъемлемая и неизживаемая черта византизма. Слова блаженного Феофилакта великолепно вписались бы в культуру западноевропейского рыцарства; но в восточном христианстве «честь», ее защита и хранение никогда не числились в перечне добродетелей. Во всяком случае, никогда на исповеди не задавались людям вопросы: «Не лебезил ли перед начальством? Не льстил ли ему? Не становился ли на колени перед каким-нибудь властным лицом?». Это грехом не считалось и не считается. У нас совет на все времена: «Поцалуй у злодея ручку»⁸². В одной из украинских семинарий был составлен «Катехизис», в котором меня поразило изъяснение слова «лицемерие»: «Лицемер наружные дела благочестия употребляет для приобретения уважения народа». То, что гораздо чаще лицемерят «для приобретения уважения начальства» (буквальное значение греческого слова *ipokrisis*, переведенного как «лицемер», — под-судный), осталось за скобками...

⁸⁰ *Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытой головою? Не сама ли природа учит нас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него; но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала? А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии (1 Кор. 11, 13–16). — Изд.*

⁸¹ Толкования на Новый Завет блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. СПб., б. г. С. 463.

⁸² «Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Цалуй руку, цалуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцалуй у злод... (тьфу!) поцалуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!». Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии. Жители начали присягать. Они подходили один за другим, цалюя распятие и потом кланяясь самозванцу» (Пушкин А.С. Капитанская дочка). Русский мужик Савельич не видит проблемы в этом поцелуе; а вот воспитанный по европейски-джентльменским правилам офицер не может заставить себя согнуться.

И еще, конечно, нельзя не заметить, что из строго симметричного текста апостола Павла (в нем запреты даются как женщинам, так и — в зеркально перевернутом виде — мужчинам) Православие давно уже сделало исключение для мужчин. Мужчинам разрешено уже носить женские длинные волосы и молиться с покрытой головой (монахи и священнослужители). Зная об этом и будучи сам обладателем довольно длинной косы, я как-то не решаюсь строго требовать от женщин буквального исполнения того совета апостола Павла, который сам нарушаю...

— Христианство утверждает, что главой Церкви является Сам Христос. Он присутствует в Церкви и руководит ею. Откуда такая уверенность и может ли Церковь это доказать?

— Лучшим доказательством является то, что Церковь до сих пор жива. В «Декамероне» Боккаччо есть это доказательство (на русскую культурную почву оно было пересажено в известной работе Николая Бердяева «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан»). Сюжет, напомню, там следующий.

Некий француз-христианин дружил с евреем. У них были добрые человеческие отношения, но при этом христианин никак не мог примириться с тем, что его друг не принимает Евангелия, и он провел с ним много вечеров в дискуссиях на религиозные темы. В конце концов иудей поддался его проповеди и выразил желание креститься, но прежде Крещения пожелал посетить Рим, чтобы посмотреть на римского папу.

Француз прекрасно представлял себе, что такое Рим эпохи Возрождения, и всячески противился отъезду туда своего друга, но тот тем не менее поехал. Француз встречал его безо всякой надежды, понимая, что ни один здравомыслящий человек, увидев Рим эпохи Возрождения, не пожелает стать христианином.

Но, встретившись со своим другом, еврей сам вдруг завел разговор о том, что ему надо поскорее креститься. Француз не поверил своим ушам и спросил у него: «Ты был в Риме?». — «Да, был». — отвечает еврей. «Папу видел?» — «Видел». — «Ты видел, как живут папа и кардиналы?». — «Конечно, видел». — «И после этого ты хочешь креститься?» — спрашивает еще больше удивленный француз. «Да. — отвечает еврей. — вот как раз после всего увиденного я и хочу креститься. Ведь эти люди делают все от них зависящее, чтобы разрушить Церковь, но если тем не менее она живет, получается, что Церковь все-таки не от людей, она от Бога».

Вообще, знаете, каждый христианин может рассказать, как Господь управляет его жизнью. Каждый из нас может привести массу примеров того, как незримо Бог ведет его по этой жизни, а уж тем более это очевидно в управлении жизнью Церкви. Впрочем, здесь мы подходим уже к проблеме Промысла Божиего. На эту тему существует хорошее художественное произведение, называется оно — «Властелин колец». Это произведение рассказывает о том, как незримый Господь (конечно, Он находится за рамками сюжета) весь ход событий выстраивает так, что они оборачиваются к торжеству добра и поражению Саурона, олицетворяющего зло. Сам Толкиен это четко прописывал в комментариях к книге.

— В Церкви существует огромное количество обрядов, правил, традиций, о которых Христос в Евангелии ничего не говорил (иконопочитание, почитание святых и их мощей, молитвы за умерших и так далее). Более того, многие из традиций и обрядов, по-видимому, даже прямо противоречат словам Христа, например, Он запретил называть отцом кого-либо, кроме Отца Небесного, а мы называем так всех священников. Но тем не менее Православная Церковь утверждает свое преемство от Христа и Его апостолов. Нет ли здесь противоречия?

— Я думаю, что никакого противоречия в этом нет, потому что в Евангелии есть главный призыв — расти. Церковь апостольского времени — это желудь, а современная Церковь — дуб, выросший из него. Между дубом и желудем с виду ничего общего, но есть общность самого главного — генетического материала. Вот это непосредственное генетическое преемство современной Православной Церкви от Церкви апостолов — несомненный исторический факт и во внешних проявлениях, и в духовной идентичности.

Проверяется это просто: прочитайте нашим обычным бабушкам-прихожанкам труды христианских подвижников различных столетий, и бабушки не отличат эти тексты один от другого. Это не осуждение бабушек, а достоинство текстов. Для верующего сердца они едины, передают тот же самый опыт жизни во Христе. Поэтому для неспециалиста неотличимы поучения Серафима Саровского от поучений Антония Великого, который жил за тысячу пятьсот лет до преподобного Серафима. Обычный человек без специального образования не отличит труды Иоанна Златоуста (IV век) от трудов Феофана Затворника (XIX век). За этой неразличимостью текстов стоит тождество духовного опыта.

Кажется, О. Мандельштам сказал: «У каждой истинной книги нет титульного листа». В духовной литературе Церкви это очень хорошо заметно. Конечно, ученый-богослов должен уметь очень четко различать святоотеческие тексты. Он по мелочам может сказать, какой это текст, имя автора, назовет эпоху и культурное окружение, но самое главное, то есть духовное содержание текста, понятно и без этого. Наверно, немалое число наших бабушек-прихожанок совершенно искренне считают Иоанна Златоуста русским батюшкой XIX века и очень удивятся, если сказать им, что он жил в середине IV — начале V века и был архиепископом Константинополя. А и в самом деле — где границы «Святой Руси»? Разве Иерусалим или Царьград могут быть для нее «зарубеьем»?

— Не считаете ли вы, что форма православного богослужения, использование архаичного старославянского отталкивает от Церкви молодежь?

— А «старёжь» это не отталкивает? Молодому-то легче понять старославянский язык, чем пожилому. Мышление у молодых более гибкое. Но старики в храм ходят и не жалуются на «непонятность».

Отчего это язык, который был понятен неграмотным крестьянам XVIII века, вдруг стал непонятен кандидатам наук XXI века? В церковнославянском языке всего лишь десяток корней, которых нет в современном русском языке. За последние десять лет мы с вами выучились словам типа «ваучер» и «фьючерс», «сайт» и «провайдер», «хоббит» и «квиддич». Неужели трудно понять, что означают слова «живот», «присно», «выну» и так далее? Для образованного человека, я думаю, проблемы это никакой не составляет. А необразованной молодежи в храмах сейчас просто нет.

Бабушкам в храме не скучно и не непонятно. И если происходящее в храме непонятно человеку с высшим образованием (особенно с гуманитарным) — значит, человек просто не желает приложить усилий к пониманию. А без воли к пониманию никакое постижение невозможно. Значит, дело не в трудности и неразрешимости задачи, а в нежелании приступить к ее разрешению. Как справедливо заметил архимандрит Софроний (Сахаров), «неуместны доводы якобы непонятности для многих современных людей старого церковного языка; людей поголовно грамотных и даже образованных. Для таковых овладеть совсем небольшим количеством неупотребительных в обыденной жизни слов — дело нескольких часов. Все без исключения затрачивают огромные усилия для усвоения сложных терминологий различных областей научного или технического знания; политических, юридических и социальных наук; языка философского или поэтического. Почему бы понуждать Церковь к утере языка, необходимого для выражения свойственных высших форм богословия или духовных

опытов?»⁸³.

А потом, напрасно вы думаете, что если в храме служить на русском языке, то там будет больше молодежи. Появятся другие отговорки: посты длинные, службы долгие, скамейки жесткие, пол холодный и вообще с пивом мы вчера перебрали... Вот была бы на этом мраморном полу дискотека — вот тогда мы пришли бы...

Есть люди, которые ищут самооправдания своей нецерковности. Они верят, но живут мимо Церкви. Сейчас практически нет людей, которые были бы сознательными атеистами. Их кредо — «что-то есть», и «мы православные, потому что мы русские». И как же им объяснить самим себе и друзьям свою нелогичность, сочетание своей полуверы со своей полной нецерковностью?

И тогда он находит как будто «рациональный» довод: «А у вас попы пьяные, и мне вообще непонятно, о чем вы там молитесь». Нет, не язык разделяет эти два мира: Церковь и молодежь. Я не поддаюсь обаянию формулы, гласящей, что если бы, мол, мы перешли на русский язык, то люди пошли бы в храм. Да не пошли бы! Человек решает, идти или не идти в храм совсем не ради того, чтобы нечто «понять», «расслышать». А хочется ли ему понимать? Да и вообще за пониманием ли он в храм зашел? Ведь молитва — это не сводка теленовостей. Тут понятность не самое главное. Будь оно иначе — православные Интернет-странички стали бы конкурентами храмов...

И с нашей стороны главная трудность — не в языке богослужения, а в языке общения людей. Если бы оптинские старцы молились на китайском языке, люди все равно бы к ним шли, потому что старцы говорили на языке любви. Этому языку люди ждут, этот язык они чувствуют. И поэтому, когда начинаются дискуссии о том, на каком языке вести службу, то, по-моему, это попытка уйти от главного. Почему в наших храмах мало любви? Вот главный вопрос. Остальное потом.

Вот заходит в храм человек, не прихожанин, а заходянин. Заходит в такую минуту, когда службы нет. Служба только что кончилась, и батюшка еще не успел из храма убежать. Человек заходит и видит: справа свечной ящик, там бабушка свечки продает; а слева батюшка стоит, ничем не занят. Вопрос: к кому обратится зашедший?.. Вот и вы дружно отвечаете, что к бабушке... Но тогда второй вопрос: ну почему нас, попов, так боятся? Если священники будут радоваться людям (не сбору, а людям!), то и люди будут радоваться священникам.

Но слишком часто священнику или епископу нечего сказать людям. И это видно, когда он пробует выдать из себя проповедь или интервью. Видно, что нет у него никакого интереса к людям. В последнее время даже появился такой тип священника, у которого нет даже экономического интереса к людям. Потому что у него есть парочка богатых спонсоров, и этого ему хватает и на ремонт храма, и на строительство дачи. Так что ему даже с точки зрения экономики неинтересно, чтобы у него больше прихожан было. У него и так все хорошо.

Один российский архиерей лет пять назад приказал во всех храмах своей епархии пробить выход из алтаря прямо на улицу, чтобы он мог сразу после службы сесть в «Волгу» и, избегая общения с паствой, уехать. Вот пока у нас будут такие тайные лазы, отчужденность людей от Церкви будет оставаться.

Нет, я не встал в позу обличителя, тыкающего пальчиком в чужие грехи и немощи. Сказанное мною — лишь часть нашего общего серьезнейшего недуга. Имя этому недугу — неправославие. Неправославие не в смысле ереси и отступления от догм. Неправославие в смысле неверной молитвы. Это и мой личный недуг. Богослужение очень часто отбирает у меня силы, а не дает. Почему, причастившись Тела и Крови Христа, я чувствую себя уставшим? Мне прилечь хочется, вместо того чтобы, «с миром изыдя о имени Господнем», горы с места сдвигать, ибо **все могу о укрепляющем меня**

⁸³ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. Ставропигиальный монастырь святого Иоанна Предтечи в Эссексе, 1985. С. 230.

Господе Иисусе (ср.: Флп. 4, 13)... Эта послелитургическая немощь есть признак духовной болезни. Знаю, что бывает иначе, что порой именно после службы летишь как на крыльях. Но почему же так редко? Почему так в прошлом?..

Наконец, говоря о «понятности», стоит помнить, что понятность — это вещь отнюдь не лингвистическая. Есть непонятность, порождаемая различием личного опыта. Есть непонятность, порождаемая расстоянием между культурами. Богослужение родом из византийской культуры, и это уже предполагает, что его язык до некоторой степени иностранен. Даже если его перевели на русский.

Вы встречали издания «Канон Андрея Критского» с переводом на русский язык? И что, понятно? Да ничего не понятно! Чтобы его понять, надо на «отлично» знать Ветхий Завет.

Ну, переведете вы с церковнославянского на русский язык «ниневитяны, душе, слышала еси кающихся Богу»⁸⁴. Но что это скажет душе, которая как раз никогда и не слышала про «ниневи́тян» и про их покаяние? Бесполезно говорить «будь как Жанна д'Арк» тому, кто никогда не слышал о ее жизни и подвигах. Бесполезно говорить «кайся, как ниневи́тяне» тому, кто и знать не знает, что такое Ниневия, где она находилась и что там произошло...

Или — из чина исповеди: «Боже, Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду от своих согрешений оставление даровавший». Перевели на русский: «Боже, Который через своего пророка Нафана даровал оставление грехов покаявшемуся Давиду». Ну и что? Для того чтобы понять эту фразу, надо знать не церковнославянский язык, а то, кто такие Давид и Нафан, что произошло между ними (см.: 2 Цар. 12) и в чем был грех Давида...

Другой же и очень серьезный вопрос — вопрос о мере нашего созвучия уже не Библии, а византийской литературе. Меняются вкусы. То, что казалось прекрасным византийским литераторам, кажется пошлым современному человеку. Позолоченный предмет в бытовом обиходе — что это: изысканность или дурновкусие? Раскрываю один из акафистов Божией Матери и встречаю там выражение: «о Ручка позлащенная». Может, византийцев это и приводило в благоговейный трепет. Если же это на русский перевести, то будет: «о, позолоченная Ручка!». Чем лучше-то стало? Только еще больше обнажится дистанция, отделяющая нас от византийской культуры и ее штампов. Это уже не вполне наш язык, не во всем наша культура. И опять — нужны пояснения: Божия Матерь потому Ручка, что Ее Сын говорил: **Я есмь дверь** (Ин. 10, 7).

А если пояснять все — так и молиться не будет времени... Чукотский писатель Рытхэу рассказывает, что впервые с поэзией Пушкина он познакомился в переводе, который его школьный учитель сделал для своих учеников. Стремясь объяснить все непонятное, он получил такой перевод: «У берега, очертания которого похожи на изгиб лука, стоит зеленое дерево, из которого делают копылья для нарт. На этом дереве висит цепь из денежного металла, из того самого, из чего два зуба у нашего директора школы. И днем, и ночью вокруг этого дерева ходит животное, похожее на собаку, но помельче и очень ловкое. Это животное ученое, говорящее...».

Так что вопрос не в языке, а в посещаемости церковно-приходских школ, в том, насколько мы знаем эти библейские события и соотносим их со своей жизнью. Я убежден, что не форму богослужения надо менять, а церковную жизнь за пределами богослужения надо разнообразить. Если в храме или вне его, до службы или после будет возможность для общения людей, для встреч, дискуссий, тогда и вопрос языка богослужения будет просто неинтересен. Не устраивая в храме евроремонта, нужно просто расширить дорогу, ведущую в него.

И нельзя не учитывать здесь еще одно обстоятельство, хотя оно не решающее: у разных текстов разное назначение. Одни существуют для того, чтобы донести до людей некую информацию, другие

⁸⁴ Великий покаянный канон святого Андрея Критского, песнь 8. Читается во вторник первой седмицы Великого поста. — Изд.

— чтобы совершить некий сдвиг в душе человека. Мы читаем утренние молитвы не с той же целью, с какой читаем утренние газеты. Поэтому критерий понятности здесь все же не главный. Очень многие религиозные традиции мира сохраняют это странное двуязычие: мусульмане всего мира молятся на арабском языке, независимо от того, какой у них родной; буддисты всего мира молятся на пали или на тибетском языке (а не на калмыцком или бурятском); индуисты молятся на санскрите, хотя он очень не похож на современные языки Индии.

Это не означает, что я считаю церковнославянский язык в его нынешнем виде неприкосновенным. Церковнославянский язык всегда был языком храма, то есть он никогда не был языком улицы. Это изначально искусственный язык, на нем никто никогда друг с другом не разговаривал. Это эсперанто⁸⁵. И в этом его огромное преимущество, связанное с тем, что церковнославянский язык легко поддается реформам. Поскольку это искусственный язык, то при наличии воли его легко реформировать, осовременивать. То, что, собственно, и происходило на протяжении столетий. Каждый переписчик делал это отчасти вольно, отчасти невольно. А вот с появлением типографий этот процесс удалось взять под контроль. И, конечно, современный церковнославянский язык — это не вполне язык Кирилла и Мефодия: между ними немало различий, появившихся в результате постепенной русификации церковнославянского языка. Ранее эти изменения копились стихийно, но затем этот процесс был взят под контроль. Этот путь не закрыт и сегодня. По меньшей мере два раза за последние сто лет это происходило: в начале XX столетия вышло заново отредактированное издание круга богослужебных книг (издание вышло под руководством тогдашнего архиепископа, а позднее Патриарха Сергия), а в 70–80-е годы был новый пересмотр, изданный под руководством митрополита Питирима.

О такого рода пересмотрах мечтал святитель Феофан Затворник: «Ушинский пишет⁸⁶, что в числе побуждений к отпадению к штунду⁸⁷ совратившиеся выставляют между прочим то, что у нас в церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому, что само читаемое — темно. Он пишет, что поставлен был в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не мог сказать: очень темно. Из Питера писали мне две барыни то же об этом: у Пашкова⁸⁸ все понятно, а у нас — ничего. Ничего — много; а что много непонятного — справедливо. Преподержавшей власти следует об этом позаботиться и уяснить богослужебные книги, оставляя, однако, язык славянский. Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат, сидя в алтаре. Заставить бы их прочитать службы хоть бы на Богоявление!!!.. Богослужебные книги надо вновь перевести, чтоб все было понятно. Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется, сидя в алтаре. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это по причине отжившего век перевода... Большая часть из сих песнопений непонятны совсем»⁸⁹. «И церковные молитвословия могут быть изменяемы; но не всяким самочинно, а церковною властью. Неизменны только словеса, Таинства совершающие. Прочие все тропари, стихиры, каноны — текучи суть в Церкви. И власть церковная может их — одна отменить, а другая вводить. В печатных церковных службах перевод уже устарел, много темного и излишнего. Начала чувствоваться потребность обновления»⁹⁰.

И все же слухи о том, что «в церкви все непонятно», есть изрядная неправда. Неправда прежде всего — в словечке «всё». Как бы ни были непонятны действия священнослужителя или обороты церковнославянского языка, самая главная церковная молитва — «Господи, помилуй!» — прекрасно понятна, даже несмотря на то, что слово «Господи» стоит в звательном падеже, который отсутствует

⁸⁵ Эсперанто — язык, изобретенный в конце XIX века польским врачом Л.М. Заменгофом.

⁸⁶ См.: Ушинский А. Д. Вероучение малорусских штундистов. Казань, 1886.

⁸⁷ Штунда — секта протестантского типа; ближе всего к баптизму.

⁸⁸ Один из основателей баптистского движения в России.

⁸⁹ Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. М., 1994. Вып. 7. С. 155, 158; Вып. 2. С. 143.

⁹⁰ Он же. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 210.

в русском языке.

Еще одна неправда формулы «в церкви все непонятно» в том, что эта «непонятность» имеет очень даже понятное и благое миссионерское последствие. Люди устали жить в искусственном мире, где все создано их головами и руками (а по-настоящему «понятно» только то, что технологично, причем эта технология знакома «понимающему»). Человек ищет опоры в том, что не является артефактом, что не имеет слишком уж броской и наглой этикетки «made in современность». Очевидная инаковость строя церковной жизни, мысли, инаковость даже языка и календаря, имен и этикета привлекает многих людей, которые не желают превращаться в «читателей газет — глотателей пустот» (выражение М. Цветаевой). Как раз это и есть признак истинной Церкви — непонятность, несводимость к нашим объяснительным штампам и привычкам. Это признак нерукотворного, признак *чуда*. Чудо не может вместить себя в символы, до конца понятные и вполне адекватно переведенные на секулярный язык. И поэтому язык Церкви (речь идет не только о языке богослужения, но и о языке церковной мысли и веры) никогда не может быть до конца «родным», своим для людей, воспитанных во внецерковном, а сегодня, пожалуй, и в антицерковном мире. Может, в Церковь, где все понятно, легче прийти. Но не стоит забывать, что из Церкви, где все понятно, также значительно легче уйти.

Еще одна неправда уверения, будто «все непонятно», в предположении, что Церковь только для того и существует, чтобы с максимальным комфортом встретить автора этого «крика души», подвести его к церковному порогу и максимально «тактично», «понятно» и «культурно» расширить его кругозор. Но ведь Церковь существует не только ради осуществления миссионерских проектов. Люди сегодня так часто забывают, что формы православного богослужения были созданы не для обращения вчерашних атеистов, а для помощи уже верующим людям в их духовном труде. Привести человека к порогу христианства не так уж трудно. Но надо жить дальше. И Церкви есть что сказать не только своим неопитам. Если же вся речь Церкви понятна начинающему — значит, в дальнейшем нет пути для возрастания. Если человеку, еще далекому от христианства, в храме «все понятно» — значит, в этом храме пусто. Если бы пятиклассник взял учебник пятого курса и ему там вдруг все стало бы понятно — это означало бы, что дистанция в десять лет учебы между пятым классом и пятым курсом оказалась излишней, пустой. Пятикурснику не сообщается ничего такого, что не мог бы быстро понять и усвоить ребенок. Церковная же речь предполагает приобретение человеком такого опыта, которого у него не было прежде. В этом смысле она эзотерична. Профан же требует, чтобы ему «сделали понятно» еще до того, как он прошел путь инициации. У Церкви нет никаких секретов. Просто у нее есть такой опыт, который рождается и поддерживается в душах церковных людей. Им питается обряд, и ради его сохранения обряд и сложился.

В общем, никогда в храме не может быть понятно «все» или даже главное без того, чтобы человек сам прилагал усилия к росту. Непонятность должна быть вызовом, побуждением к росту и к изменению самого недоумевающего, а не поводом к тому, чтобы церковная жизнь стала всецело понятна секулярному мышлению. Не понимать Евангелие — стыдно. Если душа бежит от «непонятной» православной службы — значит, душа нездорова. «Непонятно» — это приговор, выносимый Евангелием современной цивилизации, а не констатация «болезни» и «отсталости» Церкви.

Требование «обновления» Церкви в большинстве случаев не более чем средство психической самозащиты. Человек пытается объяснить сам себе (и отчасти окружающим), почему все-таки он не позволяет себе слышать евангельский зов. Некоей глубиной своего сердца чувствуя истинность евангельских ценностей, он старается заглушить голос совести.

В церковной жизни и молитве «все непонятно» людям, живущим вдалеке от Церкви, но при этом почему-то желающим реформировать не свою, а чужую среду обитания.

— А что такое говорение на языках?

— У меня до сих пор нет ясного ответа на этот вопрос. Это вне-словесная, аномальная, экстатическая религиозность. У нас сегодня все чинно-типиконно. Но память о молитве без слов, сверхсловесной молитве осталась в Пасхальном каноне: «Пасху празднуем веселыми ногами».

При серьезном разговоре на эту тему надо учитывать различие темперамента. У белорусов и русских один темперамент, достаточно спокойный. У молдаван или грузин — другой. Это тоже православные народы, но национальный характер у них другой. Русских паломников всегда шокирует в Иерусалиме поведение православных арабов, особенно в Великую субботу. Они скачут, кричат, орут. Меня же их поведение радует. Я рад, что они умеют радоваться в такой полноте, когда не только сокровенные тайники сердца, но и тело участвует в радости о Христе воскресшем. У христиан до IV века были ритуальные танцы. В Эфиопской Церкви они сохраняются до сих пор. Возможно, в этом ряду могла существовать глоссолалия как экстатическая форма выражения своей радости и благоговения перед лицом Бога.

Но надо заметить, что апостол Павел не делает акцента на говорении языками⁹¹. Перечисляя дары духа Святого, он не упоминает такого дара. Дары духа Святого: *любовь, радость, мир, долготерпение*⁹², а не глоссолалии. Поэтому именно эти дары, а не глоссолалию надо в себе возгревать. И Христос не говорит: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете лаять на непонятном языке». Признаком ученичества Он выставляет любовь⁹³.

То, что сегодня творится на собраниях неопятидесятников-харизматов, напоминает не об апостольской Церкви, а о шаманских камланиях. Нам всем известны бабки-целительницы, которые сидят под православными иконами, читают православные молитвы, но при этом по сути колдуют. Христианский антураж и лексикон не гарантируют христианского внутреннего настроения. Вот так и у харизматов. Проповеди и гимны у них христианские, а вот мистический опыт родственен скорее нью-эйджевским технологиям транса, нежели православной молитве.

В 1998 году я был в Ханты-Мансийске, и работники местного дома культуры были очень обрадованы тем, что в их стенах наконец-то зазвучала православная проповедь. А то всё харизматы да баптисты, американцы да корейцы... На радостях они поведали мне такую историю.

Истекло время аренды зала харизматами. Пора расходиться — а у них самый экстаз. Глоссолалия уже позади, теперь они уже покруче «изменяют» состояние своих сознаний. «Техничка» тем не менее начала уборку. И вот проходит она со своей шваброй под сценой (то есть между сценой и залом), а пастор в это время делает пассы в зал: «Примите духа Святого! Примите мир в духе Святом!». Сектанты один за другим валятся без сознания (такое состояние называется у них «покой в Духе»). Уборщица оказывается как раз между пастором и залом, не смотрит ни на того, ни на другой, а лишь на подметаемый ею пол. И тут вдруг после очередного «пасса» — она и сама падает без сознания. Зал в восторге: «Вот оно, свидетельство истины нашей веры! Напрасно неверы говорят, будто у нас тут самовнушение! Вы же видите — человек не слышал наших проповедей, не молился с нами, а тем не менее оказался доступен действию Духа!». Восторг длился минут пять. А затем уборщица пришла в себя и молвила: «А что, разве у нас сегодня снова Кашпировский?». Просто в прошлый раз в такое же трансное состояние вводил ее именно сей персонаж...

⁹¹ *Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками* (1 Кор. 14, 39). — Изд.

⁹² Гал. 5, 22. — Изд.

⁹³ См.: Ин. 13, 35. — Изд.

— Спасение предназначено или у человека есть право выбора?

— Есть, есть у человека право выбора. А вот чего у нас нет — так это теоретической схемы, позволяющей совместить Божественное всезнание с нашей свободой. Мы не сможем такую теорию создать. Ты никогда не составишь истинное представление о своем доме, если однажды не выйдешь из него и не помотришь на него со стороны. Вот и мы пойдем наш дом, только когда выйдем из нашего космоса, в котором настоящее и будущее существуют порознь.

Но на уровне практики ответ есть. Его сформулировал Фома Аквинский: мы должны молиться так, как если бы все зависело только от Бога, а работать мы должны так, как если бы все зависело только от нас. Христианин должен уметь работать с противоречиями.

Надо заметить, что это не признак идиотизма. Замеченное и осознанное противоречие — это признак высокой культуры мышления. Я знаю, что верно это; знаю же, что верно другое; и знаю, что первое и второе противоречат друг другу. Но еще я знаю, что другой модели, которая помогла бы сохранить все многообразие известных фактов и непротиворечиво их все (все — без цензуры!) объяснить, пока еще нет. Что в такой ситуации делать? Хотелось бы жить в трехэтажном особняке, но раз это невозможно, то надо поддерживать в порядке и свою обычную блочно-панельную малометражку.

В современной физике тоже есть совершенно четкие противоречия, о которых знает каждый физик. Например, теория корпускулярно-волнового дуализма. Верно и то, что свет есть волна, и то, что свет состоит из частиц. Как это совместить? Надо признать и то и другое. Так и христианство действует по той же логической модели. Оно состоит из противоречий, которые соединены благодатью. Надо уметь принять их во всей полноте. Нельзя сказать, что я на 80% свободен, а на 20% зависю от Бога. Ничего подобного: я на 100% свободен и я на 100% завишу от Бога. И Христос на 100% Бог и на 100% Человек, а не так — частичка того, частичка другого.

— Как вообще вы относитесь к людям некрещеным, неправославным и, более того, с противоречащим православным канонам мировоззрением?

— Нет общего отношения. Что за человек? Почему он такой? Иногда я могу испытывать к такому человеку чувство моей собственной вины — когда я слышу, что этот человек пробовал войти в церковь, но вспоминает, какими словами его встретили, куда послали... Это наша вина, что мы не нашли с ним общего языка.

Очень разные бывают мотивы неверия. Есть такой атеизм, к которому я отношусь с уважением и состраданием. Это атеизм Сартра или Камю, атеизм неудачного поиска. Человек хотел бы видеть небо живым и зрячим, но не смог. Его неверие — заноза, которую он сам ощущает в своей душе: «Ты чувствуешь сквозняк оттого, что это место свободно» (Борис Гребенщиков).

Но бывает, что неверие есть порождение некоего откровенного самоуверенного хамства — и в таких случаях я вспоминаю слова Иосифа Бродского: «Есть мистика, есть вера, есть Господь, есть разница меж них и есть единство. Одним вредит, других спасает плоть. Неверье — слепота, но чаще — свинство».

Так вот, я очень редко встречал людей, которые четко отдавали бы себе отчет в своем свинстве. Есть очень небольшое число людей, которые честно отдают себе отчет, почему они не в храме. Лишь пару раз я слышал честные признания. Однажды у меня на философском факультете был один паренек. И когда мы с ним на философском уровне уже все выяснили, он сказал, что креститься все-таки не будет. «Ну, почему же не будешь?». Он честно ответил: «Я женщин слишком люблю». Парень он был чрезвычайной красоты и пользовался огромным успехом среди студенток. Но он осознал и признал,

что именно мешает ему принять Крещение. Когда он же он подросток, поступил в аспирантуру, женился, вот тогда он и вправду крестился.

— В чем смысл миссионерства вообще и вашего в частности?

— Первый смысл миссионерства — это нарушить покой человека. Бросить камень в трясины, чтобы ряска хоть чуть-чуть разошлась. Обеспокоить, чтобы душа зашевелилась. Знак вопроса чтоб нарисовался хотя бы.

Второе — разрушить карикатурные представления о Православии.

Эти карикатуры, эти мифы о Православии могут быть и церковного происхождения... Пару лет назад архиепископ Херсонский Ионафан рассказывал мне одну историю. Сидим мы вечером, беседуем, чай пьем, и он говорит: «Я знаю, что молодые монахи порой мечтают о епископстве... Но если бы они знали, чем только не приходится заниматься епископу!». Достает папочку: «Смотри. На днях получил донос: прихожане жалуются на своего настоятеля, обвиняют батюшку в самом жутком грехе, какой только может быть... Пишут, что их батюшка душу в рай не пустил». Создали комиссию, послали разбираться. Выяснилось, что на этом приходе до той поры служил священник с Западной Украины и с довольно ремесленным отношением к своему делу. При нем там сформировалась такая традиция: после отпевания покойника выносят из храма, ставят в церковном дворе, запирают ворота, ведущие с территории храма на улицу, выносят стакан с водкой, и батюшка должен эту водку выпить, а затем бросить стакан в железные ворота со словами: «Эх, понеслась душа в рай!». После этого ворота распахиваются и гроб уносят на кладбище. А новый батюшка, молодой, после семинарии, шибко грамотный оказался — и не стал это делать. Прихожане обиделись и написали донос...

А есть мифы о Православии производства масонско-атеистической пропаганды. Скажем, миф (в частности, рериховский), о том, что якобы когда-то где-то был собор, на котором всерьез обсуждался вопрос, есть ли у женщины душа или нет, и большинством только в один голос святые отцы все же приняли решение, что женщина — тоже человек. Миф поразительной устойчивости. Он был уже у Блаватской (то есть в XIX веке). Его повторяла атеистическая литература в советские времена. Современным оккультистам эта погрешность также дорога. Но ни в церковной, ни в исторической, ни в научной литературе нет ни малейших упоминаний о подобном соборе. Более того: я утверждаю, что его и быть не могло. По одной простой причине: соборы в древности были только у православных и католиков. Но и те и другие слишком почитают Божию Матерь, деву Марию, и поэтому сама постановка вопроса о том, женщина — человек или нет, оборачивалась мгновенной хулой на Ту, Кого сама Церковь возвеличивает как «Честнейшую Херувим»...

Работу миссионера я бы вот с чем сравнил. Стоит человек на дорожке. Дорога ведет к храму: он даже виден вдали. Но этот человек в храм не идет. Я к нему подхожу, говорю: «Слушай, ты почему не идешь?». Он говорит: «Как я пойду? Все равно не дойду». Я говорю: «Почему не дойдешь? Вот дорога, пошли». — «Да нет, ты что, дороги уже давно нет. Здесь же буря пронеслась, здесь такие бревна, завалы, засеки...». Я говорю: «Не вижу я никаких засек». А он: «Да нет же, вот, смотри, видишь — бревно лежит, огромное — не переступишь. Написано на нем: “Дарвинизм”. Дарвин доказал, что мы от обезьяны произошли...». Я говорю: «Пойдем, милый мой, что ты испугался? Подойдем к этому бревну поближе». Подходим. Я его только коснулся — бревно развалилось. «Идем дальше?». — «Нет, не пойду». — «Почему не пойдешь?». — «А вот там еще бревно... Там Глеб Якунин написал, что вы все гэбисты». — «Давай подойдем ближе, посмотрим... Видишь, бревнышко стало короче». Спокойно обошли его, пошли дальше. Через пару шагов опять «тпру!». «Нет, не пойду дальше!». — «Почему?». — «А вот “Московский комсомолец” пишет, что вы все гомосексуалисты». — «Слушай, ну что про всех говорить? У нас, между прочим, восемьдесят пять процентов духовенства — семейные, женатые люди...».

Вот так, бревнышко за бревнышком, разбирать и идти вперед — в этом задача миссионера. Его задача — оставить человека один на один с его совестью. Без подсказок из-за левого плеча. Сказать ему: «Пойми: не твой разум, не твои дипломы мешают тебе пойти в Церковь, а что-то совсем другое. Подумай сам: может быть, ты в Церковь не идешь просто потому, что боишься жить по совести? Может быть, ты не хочешь жить в чистоте? Может быть, ты заповедей наших боишься? Не догм — а заповедей?..». Помочь человеку познать правду о себе — тоже задача миссионера.

А вот дальше — я уже бессилён. Дальше — это уже тайна совести человека и тайна Божьего Промысла. Мое дело — дать человеку некоторое представление о Православии. А когда его душа откликнется — может, не сейчас, может, через двадцать лет, может, когда он полезет в петлю, — то лишь тогда вспомнит: «Подожди, ведь была же возможность жить иначе, открывалась дверка, туда, в мир Церкви, а я не вошел. А может быть, все-таки попробовать? Отложить эту петлю до завтра, а сейчас — в храм идти?».

Дело миссионера — бросить семя. А когда оно взойдет — дело *Господина жатвы*⁹⁴.

— Зачем нужно креститься?

— Чтобы умереть. Я считаю, что креститься взрослый человек может только тогда, когда он смертельно надоел самому себе. Крещение — это вопль к Богу: «Господи, ну можно я стану другим, я устал от себя самого. Дай мне возможность быть другим». Крещение — это смерть во Христе и воскресение в Нем. У язычников есть идея переселения душ, когда душа переселяется в разные тела. В Православии наоборот — в одном и том же теле может жить много душ. У Николая Гумилева есть замечательные строки:

Только змеи сбрасывают кожу,

Мы меняем души, не тела.

Крещение — это покаянное обновление, покаянный кризис, когда человек износил свою прежнюю душу и мечтает о том, чтобы Господь даровал ему обновленную совесть. В церковнославянском переводе Послания апостола Петра так говорится: «Крещение же есть испрошение у Бога *совести благи*⁹⁵». Заметьте, не *обещание Богу доброй совести*⁹⁶, а испрошение у Бога совести благи. С точки зрения протестантов — это я Богу обещаю: «Я перед лицом своих товарищей обещаю и клянусь жить, учиться и бороться, как завещал великий» Христос (клятва юного христианина). А в церковнославянском переводе и в греческом оригинале смысл другой — это я прошу у Бога, чтобы Он дал мне новую совесть. Но человек, который еще не начал тяготиться самим собой, которому и со своей старой совестью хорошо, никогда не поймет, от чего спасает Евангелие.

— Если младенец был крещен в православной вере, а в юношеском возрасте его перекрестили в протестанты, — какое крещение будет действительным?

— Православное крещение не смывается. Если этот человек разберется в себе и когда-нибудь придет в Православие, перекрещивать его не будут.

⁹⁴ Мф. 9, 38. — Изд.

⁹⁵ ...Крещение, не плотския отложение скверны, но совести благи вопрошение у Бога, воскресением Иисус Христовым... (1 Пет. 3, 21). — Изд.

⁹⁶ То же место в русском синодальном переводе: ...Крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа... — Изд.

— Как относиться к католикам?

— Православная Церковь признаёт Таинства католиков, даже священство. Если католический священник переходит в Православие, то он прямо становится православным священником. Здесь есть некое противоречие в церковной жизни, противоречие между богословием и церковными канонами. С точки зрения догм — очевидно: одна Церковь, одно Таинство, одно Крещение. Потому что Церковь — Тело Христа, оно может быть только одно, едино и единственно. Единство тела определяется единством кровообращения. Отсюда проблема — где граница моего тела? Волосы — мое тело или нет? Трудно сказать, потому что по большому счету — это отходы моей жизнедеятельности. Кровь здесь не течет, и если я теряю волосы, постригаю их, мне от этого никакого убытка. То есть там, где нет крови, — это все-таки не совсем часть моего организма. А зубы, особенно так называемые «мертвые зубы» с удаленными нервами, но все еще работающие в моем рту? Мертвый-то он мертвый, а попробуй его вырвать без «заморозки» — мало не покажется! Итак, даже биологически не совсем понятно, где граница моего живого организма. И все же мой палец — несомненно часть моего тела. А отрезанный ноготь — мусор, и не более того.

Палец отрезали. И по большому счету, не важно, мой отрезанный палец находится на расстоянии одного миллиметра от моего тела или на расстоянии десяти километров. Кровь туда не поступает и не возвращается назад. Значит, отрезанный палец уже не мой.

Вот так и человек, если он отпал от единства литургической жизни, от единой чаши с Кровью и Телом Христа (не важно по каким мотивам: в грехе, в расколе или в ереси), он не член Церкви, он не омовается Кровью Христа. Таков голос догматического богословия.

А голос церковной истории и церковных канонов говорит, что «расстояние» имеет значение. И поэтому в зависимости от меры «расцерковленности» отпавших принимаются они разными «чинами». Кого-то перекрещивают, а кого-то принимают просто через покаяние, «в сущем сане». Русская Церковь за всю свою тысячелетнюю историю католиков не перекрещивала (кроме двадцатилетнего периода в XVII веке). Униатские и католические священники при переходе к нам принимались «в сущем сане». Значит, Таинства (Крещения, Рукоположения, а значит, и Евхаристии) у католиков все же совершаются. Так говорят церковная история и каноника — вопреки догматике.

Как эти два голоса соединить в едином хоре? Пока не знаю. Знаю лишь одно: надо уметь слышать оба этих голоса⁹⁷. Иначе получится дурь и ересь.

— Как складываются сейчас отношения Русской Церкви с Ватиканом?

— Католичество очень активно в своей внешней деятельности. И Православие в этом смысле, кажется, проигрывает, но при этом оно сохраняет некую глубину.

Разделение Православия и католичества в чем-то похоже на распад Советского Союза. Обе истории ставят один и тот же вопрос: как и на каких условиях могут сосуществовать в едином государстве (или единой Церкви) народы со столь изначально разными культурами — прибалтийские, азиатские, кавказские. Скорее, чудом было то, что мы в СССР какое-то время были вместе. Этому надо удивляться, а не тому, что мы в конце концов разошлись. Вот и в Римской империи были очень разные народы, которые в конце концов свои различия стали ценить больше, чем плюсы тогдашней глобализации.

В послевоенные годы — с Иоанна XXIII и до конца 80-х годов — католики проводили достаточно дружелюбную политику — пока между нами был «железный занавес». Их не пускали — а они

⁹⁷ Подробнее см. главу «Мнимый модернизм. Еще раз к вопросу о границах Церкви» в моей книге «Вызов экуменизма» (М., 2003).

говорили: «Ну и не надо, мы вас и так любим!». Но как только у католиков появилась политическая возможность действовать в России — былые клятвы в дружбе забылись. Так что при разговорах о том, как же могут мирно сосуществовать разные религии, я все чаще вспоминают немецкую поговорку: «Чем выше забор — тем крепче дружба».

В России Православие спокойно сосуществовало и сосуществует и с исламом, и с буддизмом. Русский народ терпим. У нас только одно условие: нас не трогайте. Храните ваши национальные традиции, но и нашу веру не разрушайте. В русских сказках наше сосуществование выразилось в таких словах: «В одном городе жили два купца: один русский, а другой татарин. Русский купец пошел к своему приятелю татарину и просит у него займы. Татарин говорит: “Давай поручителя”. — “Вот тебе порука — на церкви крест животворящий!”. — “Хорошо, друг, — говорит татарин. — Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, что наша”»⁹⁸.

Но католический взгляд на Россию не таков. Я все же надеюсь, что нынешний конфликт недолговечен — до появления следующего папы. Один итальянский кардинал еще десять лет назад мне в частной беседе говорил: «Поверьте, отец Андрей, если бы папа римский был итальянцем, а не поляком, проблем с Русской Церковью у нас бы не было. Войтыла просто хочет взять реванш за поражение Польши в XVII веке».

Сегодняшние трения православного мира и Ватикана порождены Ватиканом. И в конце концов, это проблема католиков, а не православных. Это католики хотят прийти в Россию, и это их проблема, как их активизм будет воспринят православными и русским государством.

— Почему папа римский так рвется в Россию и почему Русская Православная Церковь против такого визита?

— У римского епископа есть совершенно законное право посетить свою паству, будь она в России, Белоруссии или на Украине. Римский папа может приехать в любую страну. Но католики, которые тяготятся тем, что слишком часто в истории их имя было синонимом агрессии и насилия, сегодня сами говорят, что папские визиты должны быть визитами примирения. И это значит, что папа может приехать только туда, где его *желают* видеть. Причем желают видеть все — не только католики, но и светское общество и, главное, — община религиозного большинства данной страны. То есть если эта страна не католическая, то папа откликается не на приглашение местной католической епархии, а на приглашение общины большинства (даже мусульманского большинства — как было, например, в Ираке или Иране). И тогда папа едет как посланец мира и не вносит раскола в общество.

А вот на Украине это правило почему-то было нарушено. Церковь большинства, Русская Православная Церковь, не желала видеть папу на территории Украины. Тем не менее он приехал.

Почему Церковь не хотела его видеть? Потому что на Западной Украине на рубеже 80–90-х годов с поддержкой местных властей началась волна не просто возрождения униатства, а настоящего разгрома Православия. Боевики на автобусах приезжали в православные села и вышвыривали православных священников, захватывали храмы. Детей православных священников избивали на улицах, лилась настоящая кровь, были погромы.

Тогда была создана комиссия из представителей Московского Патриархата, Киевской митрополии, униатов и представителей Ватикана. Эта комиссия в 1989 году приняла мудрое решение — в каждом приходе на Западной Украине провести локальный референдум. Если большинство прихожан желает, чтобы храм стал православным, он остается таковым. Если большинство желает перейти в унию — храм становится униатским. Но при условии: победившее большинство в обоих

⁹⁸ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. М., 1985. Т. 3. С. 182.

случаях помогает меньшинству построить второй храм. На бумаге все казалось просто замечательным, но ничего этого сделано не было, и все храмы захватили униаты. Тогда мы обратились в Ватикан, а нам ответили: «К сожалению, они нас не слушают». Это удивительно, потому что вся суть унии состоит в том, что униаты слушают папу, сохраняя православные обряды. А тут вдруг такая непослушность! Но главное не это.

Понятно, что Западная Украина — очень проблемная зона, и все мы люди, и, возможно, в аналогичной ситуации православные повели бы себя не лучше: толпа есть толпа. Но римский папа есть римский папа. Мы пятнадцать лет ждем от него одного: нравственной оценки погромов на Западной Украине. Он этого не сделал, не сказал простых слов: «Это грех, так нельзя». Когда он приехал в Киев в 2002 году, то и там он сказал только общую формулу: ну, мол, простите нас за все, чем мы согрешили за тысячелетие разрыва. Журналисты в восторге! Но подумайте, если на исповедь придет женщина и скажет: «Батюшка, во всем согрешила!». Что, мол, в мелочах копать, оптом отпущение подавай... Это — псевдоисповедь. Один мой знакомый священник в таких случаях спрашивает: «Во всем грешна? А мотоциклы по ночам угоняла?».

Вот так и римский папа — якобы «во всем грешен». Это не покаяние, а пиар.

Почему слова папы, которых мы никак не дождемся, нам так важны? Дело в том, что и Православная, и Католическая Церкви — это институты с традиционалистским мышлением, прецедентным правом. Если событие, которое однажды произошло в нашей истории, не было потом осуждено, то оно становится прецедентным. Поступок такого-то патриарха в такой-то ситуации может стать примером для подражания, даже если патриарх не святой. Если его преемники гласно не осудили этот его поступок. Представляете, проходит сто лет, и «национально сведомым» гражданам Украины в конце XXI века захотелось еще кому-нибудь намылить шею. И они начинают вспоминать, можно или нет мылить шею инаковерующим. И вспоминают: «А наши-то святые предки, мученики, которые выжили в советские годы, москалям-то шеи еще как мылили, и римский папа их за это не осудил. Так, значит, это путь ко спасению». И, вдохновленные этим примером, идут еще кого-то изгонять со своей земли... Чтобы этого не было, Ватикану необходимо сейчас, на памяти этого поколения, дать нравственную оценку погромам. Он этого не делает.

Если папа официально приедет в Москву — это значит, что с ним надо будет целоваться. Но это будет жест лжи, это будет предательством реальных людей, которые еще живы, которые были вынуждены бежать с Западной Украины. Через их боль целоваться перед телекамерами? Это лицемерие. Так что ключи от Москвы в Ватикане. Папе нужно сказать только одну фразу, и его с радостью здесь примут.

А еще надо понять, что в Белоруссии, Украине и России католики занимаются прозелитизмом от отчаяния. Не от избытка сил, а из последних сил. Пару лет назад, когда я ездил по городам Западной Белоруссии, меня удивило, как много там католических семинарий. Им же не нужно сейчас столько священников в Белоруссии. Я начал спрашивать. И выяснилось, что это на экспорт. То есть они привлекают и перевоспитывают белорусских мальчишек, чтобы потом их отправить на служение священниками в Западную Европу. Потому что там нет священнических призваний. Они потеряли свою паству.

Помню, в одном немецком городе я зашел в местную католическую семинарию, и меня порадовала и удивила карта, которая висела в коридоре. Это была карта той федеральной земли, на ней было несколько флажков. Оказалось, так отмечены приходы, чьи ребята учатся в семинарии. Такая память о каждом ученике меня, конечно, порадовала. А рядом я увидел другую карту-график, отражающую число учащихся этой семинарии и число людей, принявших сан после семинарии за весь XX век. По карте видно постепенное падение обоих показателей до середины 30-х годов. Затем абсолютный ноль — с конца 30-х и в 40-е годы (нацистские гонения на Католическую Церковь).

Послевоенные годы — резкий всплеск, затем идет плавный спад в конце 50-х годов и резкий обвал начиная с конца 60-х годов: после Второго Ватиканского собора и реформ.

Как ни странно, хотя Католическая Церковь стала на путь реформ, они не очень-то ей помогли. Это надо помнить. А то сегодня очень часто говорят: реформы, реформы — это панацея от всего. Скорее, наоборот.

Так вот, у католиков в Европе катастрофически не хватает священников. Они пробовали этот дефицит восполнить в 70–80-е годы — за счет эмигрантов из стран третьего мира. Это было очень политкорректно, телегенично и симпатично: вьетнамец или негр, исповедующий немцев. Вот преодоление нацизма. Но все равно культурно-расовая граница остается. Соответственно, уже в 80-е и 90-е годы эту нишу заполнили поляками. Но поляки довольно быстро успели Европе надоесть. Приезжайте в любую непольскую католическую епархию, и там вам расскажут анекдот о том, что произойдет в Ватикане на следующий день после кончины Иоанна Павла II. Ответ такой: «Поляки полетят к себе на родину из Ватикана быстрее собственного визга».

Но нашелся еще один выход — другие славянские народы (белорусы, украинцы, русские), потрясающе религиозно одаренные, с огромным потенциалом, жадной служения. Вот если здешних мальчиков удастся перевербовать и затем отправить служить в Европу, то это на многие десятилетия поможет решить проблему и пережить кризис. Так что Восточная Европа нужна Ватикану не как очередная провинция. А как шанс.

— Борются ли с сектами католики?

— Не борются. Всякий раз, когда я бываю в Западной Европе, я ищу католические книги антисектантской направленности. Их нет. Там другая концепция — теория кругов. В самом центре — Католическая Церковь, более широкий круг — Православная, еще более широкий (а потому и более удаленный от центра истины) круг — это все христиане, затем монотеисты, затем — язычники и, наконец, неверующие «люди доброй воли». Борьтся ни с кем уже не надо, надо искать общее.

Однажды во Львове была такая история. Меня пригласили в униатскую академию. Я вел себя с ними вежливо, сектантами и еретиками не обзывал, просто рассказывал им о Православии... По окончании моего монолога студенты и преподаватели стали говорить о том, что они совершенно со мной согласны и верят именно так, как я рассказал, а потому, мол, нам давно пора соединиться. Я отвечаю, что соединиться все же рано, ибо между нами есть серьезные разногласия. Униаты удивляются: «Какие разногласия?». — «Ну, например, проблема филиокве». — «Да что вы, это чисто филологическая проблема, ничего серьезного за ней не стоит!». Тогда я в течение получаса рассказываю униатам о том, какие философские и богословские проблемы порождает принятие этого католического догмата⁹⁹. На этот раз они не спорят. Но начинают зудить, что «искать надо то, что нас объединяет, а не то, что разделяет». Просто подушками душат. И так достали, что я им говорю: «Вы хотите, чтобы наша встреча какой-то плод принесла?». — «Да, конечно, именно этого мы и хотим, поэтому давайте искать то, что нас объединяет!». — «Дорогие мои, — отвечаю я, — как вы думаете, если муж и жена будут все время искать только то, что у них общего, у них плод будет или нет?».

В логике есть закон обратного соотношения объема и содержания понятия. Объем понятия — это те предметы, на которые можно повесить соответствующую бирочку, а содержание понятия — это его смысл. Так вот: чем богаче содержание, тем меньше объем. Я произношу слово «мебель». Это понятие объемлет собой парты, стулья, столы, рамы, двери, даже некоторых студентов, сидящих в аудитории. Теперь я уточняю: «деревянная мебель». Значит, пластиковые стулья сюда уже не входят.

⁹⁹ См. главу «Филиокве: лишний догмат» в моей книге «Вызов экуменизма» (М., 2003).

Смысл стал богаче, объем сузился. Говорю: «Деревянная мебель, предназначенная для сидения». Значит, деревянные столы сюда уже не входят. Говорю: «Деревянная мебель румынского производства». Уже финские стулья сюда не входят. «Деревянная мебель румынского производства, предназначенная для сидения, обитая зеленой кожей, с надписью, выцарапанной на левом валике: “Здесь сидел Вася”». Я дал предельно богатое смысловое описание, но такой предмет один во вселенной. И обратно: если же мы ищем такое смысловое содержание, которое объяло бы собою как можно больше реальных предметов, то мы должны искать понятие как можно менее конкретное, как можно более пустое, абстрактное. Так же и в мире религии: если мы ищем общее, то это путь к пустоте. Это не творческий путь, не интересный.

В 1991 году лидеры религиозных конфессий СССР решили выступить с обращением к своим прихожанам с призывом сохранить СССР. В Патриархии была заготовлена «рыба». Лидеры разных конфессий приехали, прочитали заготовку, согласились. И когда уже все приготовили ручки, чтобы подписать этот текст, встает лидер баптистов и говорит: «Братья и сестры, вы знаете; я не могу подписать этот документ, потому что здесь нет ни одной цитаты из Евангелия. Мы, евангельские христиане-баптисты, когда обращаемся к нашей пастве, должны привести ссылку на Священное Писание. Давайте мы вставим слова *блаженны миротворцы*¹⁰⁰». Патриарх говорит: «Ну, давайте». Католический архиепископ согласен, старообрядческий митрополит согласен, пятидесятники и адвентисты согласны. И тут Шаевич, главный раввин, встает и говорит: «Ну, братья, как я могу процитировать Евангелие, обращаясь к своей пастве?! Меня не поймут. Давайте в Ветхом Завете найдем соответствующий призыв. Например, *перекуем мечи на орала*¹⁰¹. И для вас авторитетен Ветхий Завет, и для нас». Патриарх говорит: «Прекрасная идея». Баптисты согласны, католики согласны. Тут встает муфтий и говорит: «Простите, но у нас в Коране нет этой фразы. Однако это не проблема, потому что в Коране есть такие аяты, которые имеют аналоги в стихах Ветхого Завета. Давайте напишем: “Творец создал нас для жизни”». Патриарх: «Очень хорошо». Раввин согласен, католики согласны. И тут главный буддист встает: «Братья, но в буддизме нет понятия Бога Творца!». В итоге пришлось оставить без всякой конкретики, без цитат.

Поэтому важно помнить, что путь экуменизма, поиска чего-то общего — это на самом деле путь к обеднению.

— Считаете ли вы возможным в ближайшее время объединение православных церквей Украины в единую Православную Поместную Церковь? Если да, то кого вы видите во главе такого объединения? Незалежного патриарха Филарета или же связанного с Москвой митрополита Владимира?

— Сердца человеческие — в руке Божией, поэтому я не могу за Бога решать, есть такая возможность или нет.

Кроме того, само словосочетание «объединение православных церквей в Украине» мне, честно говоря, режет слух. Потому что и самоощущение канонической Украинской Православной Церкви, и мое ощущение — Церковь здесь только та, которая возглавляется митрополитом Владимиром и находится в единстве с Московским Патриархатом.

Мне очень тяжело слова эти говорить — тяжелее, чем кому бы то ни было из сидящих в этом зале. И вот почему: потому что я неоднократно и искренне лобызал длань митрополита Филарета. Я помню дни, когда в Сергиеву Лавру на заседания Синода приезжал Киевский митрополит, первый человек в Церкви после Патриарха Московского, бывший ректор нашей Московской духовной

¹⁰⁰ Мф. 5, 9. — Изд.

¹⁰¹ Ср.: Ис. 2, 4. — Изд.

Академии, и я считал за честь, если была возможность, взять благословение у этого первенствующего архипастыря. И у меня до сих пор живет такое благоговение в отношении к нему, что мне очень трудно через это преступить и понять, что он уже не митрополит...

Я думаю, вы уже поняли, что я человек бездуховный... то есть всяким сном, видениям, голосам, ощущениям не придаю особого значения. Я сухарь книжный, и тем более для меня было очень неожиданным одно ощущение... Единственный раз в моей жизни было у меня ощущение, что рядом со мной стоит сатана. Который хочет в меня войти... Это было года полтора назад, в Киеве, в Михайловском соборе. Дивный ведь храм, потрясающей красоты. Мне он нравится даже больше, чем храм Христа Спасителя в Москве. Он был разрушен в былые годы, недавно восстановлен — и отдан Филарету... Снаружи он прекрасен, но когда я вошел внутрь — мне стало плохо в самом буквальном смысле. Стены там покрыты новодельными фресками. У Филарета нет монастырей; украинское монашество за ним не пошло. Соответственно, собор этот расписывали люди с тем духовным багажом, который и не замедлил себя проявить в их работе. У персонажей, которые на этих фресках почему-то выдаются за святых, откровенно наркотические глаза... Я несколько минут постоял в этом новоделанном храме человеческом, и у меня возникло ощущение ужаса. Задыхаясь, я выбежал на улицу, в город, чтобы там отдышаться...

Конечно, это не более чем ощущение. У одних — такие ощущения, у других — другие. Поэтому я попробую сказать объективистски — со стороны.

Филарет — удивительно талантливый человек. Администратор великолепный. Политик прекрасный. Богослов не последнего уровня. Проповедник. Публицист. Умница. За этим человеком стоит мощная государственная власть. В России, скажем, нет Совета по делам религий, на Украине — есть. И в течение, по крайней мере, большей части 90-х годов, пожалуй даже до сих пор, этот государственный аппарат работает в поддержку Филарета. Киевская пресса, без всякого сомнения, работает на него. Симпатии немалой части населения Украины, особенно Западной Украины, тоже на его стороне. Церковная казна — у него. Связи — во всех политических кругах, элитах. Огромный политический опыт. Словом — все козыри у него в руках. И вот тем не менее после десяти лет его свободного плавания — или полета — или падения — удивительный факт, который никак не объяснить происками Москвы: у Филарета нет монахов. У него на бумажке — полтора десятка монастырей по всей Украине. Но даже на бумажке в каждом из этих монастырей — по полтора монаха. Которые сидят и ожидают, что на них панагию повесят. И это очень серьезно... Это означает, что филаретовская версия Православия не может зажигать в людях желания жертвенного служения Христу. Чтобы стать монахом (а это поступок!), для этого надо сделать очень широкий шаг — через пропасть. Пожертвовать собой. И вот очевидно, что-то видение Православия, которое проповедуется в филаретовских семинариях и храмах, на страницах его газет и из его уст, — не порождает такой решимости. И это означает духовную мертворожденность этой религиозной организации.

Знаете, была такая изощренная казнь в Персии: осужденного на смерть привязывали к трупу и бросали в яму. И труп, привязанный к живому здоровому человеку, своим ядом разлагал тело живого человека, и тот умирал тоже. Так будет, если мы объединимся с Филаретом.

— Можно ли считать изображение Христа на Туринской плащанице иконой?

— Думаю, что нет. Потому что икона — это не фотография и не картина. Икона не столько воспоминание о прошлом, сколько напоминание о грядущей славе, о преображенном космосе. Икона являет нам Христа и Его святых как уже причастных Царствию Божию.

Поэтому у церковно мыслящих людей есть определенное недовольство официальной иконой блаженной Матроны Московской: она там изображена слепой, с закрытыми глазами. В жизни она и в

самом деле была слепа, но икона-то являет нам человека в спасенном состоянии, в том Царстве, где всякая слеза стерта с лица человека.

Я помню, как был смущен, когда в конце 80-х годов Грузинская Церковь канонизировала Илью Чавчавадзе — и он был изображен на иконе в очках. Я понимаю, что в жизни он носил очки. Но вижу здесь противоречие двух канонов: с одной стороны, в Царстве Божиим ни костыли, ни вставные челюсти, ни очки неуместны. С другой стороны — лик святого на иконе должен быть узнаваем, и если очки входят в часть узнаваемого образа, то как обойтись без них?

Впрочем, противоречие это не ново. Считается ли лысина физическим недостатком? — Да. Будут ли физические недостатки в Царстве будущего века? — Нет... Но Иоанн Златоуст на иконе представлен с характерной залысиной...

И все же Туринская плащаница ставит еще более сложную проблему. Ведь она являет нам Христа невоскресшего, и в этом богословская невозможность почитания такого изображения. Заметьте, в православной иконографии даже Христос распятый — Победитель смерти. На католических распятиях тело Христа тяжело провисает, а на православном — Он летит. Поэтому как исторический документ плащаницу можно принимать, хранить и с почетом относиться (тем более что Туринская плащаница — это наша православная святыня, украденная крестоносцами). Но вот в иконостас — даже домашний — я бы ее не ставил.

— **Начинается новое тысячелетие. Какими вам видятся перспективы отношений Церкви и государства?**

— Принятие Социальной концепции на Архиерейском Соборе 2000 года означает, что нынешняя модель отношений Церкви и государства сохранится надолго. Это модель нейтралитета в диапазоне от благожелательного до холодно-враждебного, но тем не менее без открытых гонений. То, что называется свободой совести. Для Православия это впервые: Церковь, существующая в светском обществе. Только в этих условиях возможен диалог. Ведь когда Церковь и государство составляли единое целое, тогда не было места для диалога. Между левой и правой рукой никакого диалога быть не может. Сегодня мы разделены. А значит, должны узнать друг друга. Социальная концепция и есть наш откровенный рассказ светскому обществу о том, какими мы хотим видеть наши отношения.

— **Сейчас Церковь принимает все большее участие в делах государства. Какие положительные стороны этого процесса вы видите?**

— Тем, кто говорит о сращивании Церкви с государством, хочу напомнить, что Церковь просто не участвует в жизни государства. Церковь не занимается назначением чиновников и контролем за ними, Церковь не цензурирует законы, Церковь не занимается формированием и распределением бюджета, не контролирует награды и наказания, раздаваемые государством, не формирует внешнюю и внутреннюю политику государства. Кстати, все эти «не» верны и относительно влияния государства на внутреннюю жизнь самой Церкви.

С другой стороны, есть несколько сфер жизни общества, которые всецело контролируются государством, и именно по этой причине присутствие Церкви в этих сферах необходимо. Это государственное образование, государственная медицина, государственные интернаты (для малых и старых), система исправительных учреждений и государственные средства массовой информации. Здесь человек слишком зависит от государства, и потому нельзя его оставлять с нашим государством один на один.

В эти государственные гетто Церковь желает войти вовсе не для того, чтобы привлечь в свои

ряды новых членов, а для того, чтобы откликнуться на потребность в ее присутствии, которая уже есть у людей, в этих гетто находящихся. Проповедники новых сект идут в эти пространства, чтобы создать там спрос на свою идеологию. Традиционные религии в этом не нуждаются: люди их и так ждут.

— А чему научилась Церковь в XX веке?

— Боюсь, что ничему. Просто потому, что даже вопрос такой не ставится. Или вам знакомы публикации в официальной церковной прессе с таким вопросом? Есть страшные слова у пророка Исаии. Господь ему говорит: «В какое место мне еще бить тебя, народ непокорный?»¹⁰². В славянском языке слово «наказание» происходит от слова «наказ» (урок, вразумление). Более страшного урока, чем в XX веке, Православная Церковь не получала никогда. Это означает, что гонения — это не приступ сатанинской ярости, но обжигающий огонь Божественной любви, Божественного неравнодушия к нам, к судьбам нашего народа и нашей Церкви. Если Господь избрал средство столь радикальное (таких гонений не было даже в Римской империи), значит, и мера наших болячек, нашей духовной тупости в дореволюционные годы была такова, что эти болезни не могли бы излечиться средствами менее радикальными, нежели прижигание. А теперь подумайте: какие болячки в нашей церковной жизни были сто лет назад, но Господь прикоснулся к ним каленым железом гонений, и сейчас они исчезли... Если сможете ответить на этот вопрос — то это и будет ответом на вопрос о том, «чему мы научились».

Некоторые из тех болячек действительно исчезли. Скажем, сейчас нет такой бумажной канители, когда каждую проповедь надо было согласовывать, в двух экземплярах, заранее у благочинного. С Церкви сняты полицейские функции: выискивать сектантов, разбираться в причинах развода, устанавливать вину: кто изменил первым и тому подобное.

Эта консисторская обыденность ушла, но то, что пришло на смену, тоже не всегда вызывает восторг. Например — кошмарный обвал уровня богословской культуры и образования даже в духовенстве и монашестве...

Но это частности, конечно. Более серьезно то, что сегодня со страниц церковной печати нередко раздаются призывы «принять меры» против каких-то человеческих действий или убеждений, расходящихся с православным верованием. Дело в том, что когда человек, только что сам вышедший из тюрьмы, требует посадить всех остальных, это означает, что заключение он пережил не по-христиански. Страдание не обострило его совесть.

— Каково нынче духовное состояние общества?

— В стране, где десятилетиями разрушалась высокая духовная культура, религиозный инстинкт начал пробуждаться в совершенно варварских формах. Экстрасенсы, шаманы, колдуны, целители — не что иное, как рецидив примитивного, языческого мышления. На этом фоне Православие оказывается элитарной религией. В московских храмах, к примеру, мало рабочих, офицеров, чиновников, работников сферы обслуживания: либо люди с минимумом образования — традиционные бабушки, либо с максимумом — те, у кого есть вкус к высокой культуре, серьезной мысли, к сложности, а не примитиву, который предлагают всевозможные секты¹⁰³.

¹⁰² См.: Ис. 1, 5. — *Изд.*

¹⁰³ Подробнее — в главе «Попытка быть оптимистом» в моей книге «О нашем поражении. Христианство на пределе истории» (М., 2003).

— Но разве не возникает конфликта между обрядоверием бабушек и религиозной философией интеллигенции?

— Напротив, именно человек с развитым гуманитарным вкусом в состоянии понять символику обрядов. Он привык, что в культуре, истории не бывает бессмысленных мелочей, умеет ценить детали. Поэтому в храме такие люди оказываются в естественной для себя атмосфере, в которой все полно этого смысла. И что интересно: именно церковная молодежь настаивает сегодня на том, чтобы форма жизни Церкви была максимально архаична и консервативна.

— Тем не менее, согласитесь, внутри самой Церкви сосуществуют обрядоверие и философия, обновленчество и традиционализм, славянофильство и западничество...

— Сосуществуют, и все же я убежден, что будущее — за молодыми консерваторами. Молодежь ищет защиты против духа модернизма и реформаторства. Она бунтует против психологии потребительства, против идеалов, которые недостойны человека, против тотальной макдональдизации. Есть несколько видов бунта. Самый созидательный, по-моему, это бунт против современной пошлости во имя вечности и во имя традиции.

Это прекрасно выражено в стихотворении Марины Цветаевой «Отцам»:

*В мире, ревущем:
«— Слава грядущим!»,
Что во мне шепчет:
«— Слава прошедшим!»?*

— Далеко ли от консерватизма до национализма?

— Очень далеко. Ведь консерватизм христианский — это консерватизм имперского чувства, а империя — как раз и есть исконное противоядие против национализма, потому что может существовать только в том случае, если народ, создающий ее, не навязывает себя по мелочам всем остальным народам.

— Значит, вы не шовинист?

— Что вы, конечно же шовинист! Позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы обратить внимание читателей на то, что в интеллектуальных книжных магазинах Москвы появилась книга современного французского историка Пюимежа «Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма». Толстенная, страниц четыреста большого формата. Очень интересное исследование. Оказывается, слово «шовинизм» происходит от имени литературного персонажа Шовена. Это не исторический деятель, это литературно-сценический персонаж французских театров второй половины XIX века. Так вот, в пьесах разных авторов была одинаковая трактовка образа Шовена: это солдат, ветеран наполеоновских войн. В рассказе Альфонса Доде, рассказывающем о Парижской коммуне, описывается его смерть. Баррикады перегородили Париж. Коммунары и стоящие напротив солдаты императорской армии уже готовы стрелять друг в друга. И в эту минуту между ними выбегает Шовен, этот старик, инвалид, и падает, сраженный залпами с обеих сторон. Доде кончает свой рассказ краткой эпитафией: «То был последний француз». В общем — «в солдате-землепашце Шовене как раз и воплощается мечта о национальном примирении, о слиянии всех французов, к какому бы классу и к какой бы партии они ни принадлежали, во всеобщей любви на земле, к воинской доблести и к нации... Такова высшая функция мифа, та, которой все подчинено и которую превосходно передает гравюра Шарле, где старый служака разнимает двух молодых солдат, готовых схватиться друг с другом. “Мы французы, Шовен, дело можно уладить”, — поучает он новобранца. Этот призыв к “национальному

согласию” и по сей день лежит в основе речей французских политиков»¹⁰⁴.

Так вот, в этом смысле, я считаю, мы должны быть шовинистами. Русские должны радоваться друг другу, а не отворачиваться с угрюмым равнодушием, встречаясь на улицах чужих городов.

Но здесь сталкиваются две позиции. Одна говорит устами Честертона: «Хорошие люди любят другие народы. Плохие — забывают собственный». Другая озвучивает себя устами Карла Крауса: «Самое неприятное в шовинистах — это не столько их неприязнь к другим нациям, сколько любовь к своей собственной».

— А что значит быть русским?

— Я хотел бы обратить внимание на дивную особенность русского языка. Это то, что в нашем языке наше национальное имя формулируется в грамматической форме имени прилагательного, а не существительного. О всех других народах мы говорим: немец, француз, грек, еврей, татарин, то есть мы употребляем имена существительные. А когда говорим о себе самих, мы говорим: русский, то есть характеризуем себя именем прилагательным. А раз оно прилагательное, значит, должно к чему-то прилагаться. Тем стержнем, к которому прилагается слово «русский», в нашей традиционной культуре было слово «христианин» — крестьянин. То есть главное — это вера, твоя душа, а твой язык, твоя культура — это то, что держится на этом стержне.

Сегодня же быть русским — это значит плыть против течения, быть участником Русского Сопротивления. Я говорю о сопротивлении не как о вооруженном повстанческом движении, а как о дисциплине мысли и чувства. Скажем, так: хочешь быть патриотом — выключи телевизор. То есть защити свое сознание от промывки мозгов, научись думать самостоятельно, не голосуй вместе с толпой на всех референдумах. Будь человеком, а не ходячей телеприставкой.

— Не раз приходилось слышать, что Церковь не вмешивается в жизнь общества, у нее достаточно своих проблем. Тем не менее все, что происходит в обществе, воздействует на саму Церковь. Ее пробуют растаскивать по национальным и политическим квартирам.

— Да, пробуют. Но если на Западе общественное мнение желает видеть Церковь социально активной, желает, чтобы она участвовала в политике, боролась за чьи-то права, то в России, напротив, авторитет у Церкви есть именно потому, что она в политику не вмешивается. Люди хотят, чтобы в жизни оставались островки, где можно было бы быть человеком, а не членом какой-то партии. И критерии, по которым оценивается епископ в католичестве и Православии, очень разные. На Западе, если католический священник не будет активно участвовать в общественной жизни, политике, это будет очень странно. А в Православии, если епископ начинает делать политические заявления, то у людей появляется недоумение: что это он в политику полез? Ему что — молиться надоело?

— А священнику легко удержаться от соблазна стать еще и политическим лидером?

— Если это настоящий священник, то легко. Потому что он обращается к той глубине человека, которая не затрагивается политической идеологией. Имя этой глубине — образ Божий, а не образ политического лидера.

Эта не-партийность хорошо передана в стихотворении Владимира Соколова, написанном в самую страстно-политическую и перестроечную пору — в 1989 году:

¹⁰⁴ *Пюимеж Ж. де.* Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма. М., 1999. С. 387.

*...Так звездочет, звездой влекомый,
Оказывается ни с чем,
Когда его любой знакомый
Хватает за рукав: ты с кем?*

*Ему, когда он глаз не сводит
С отрады будущей земной,
И в голову-то не приходит
Спросить, озлясь: а кто со мной?*

*С ним никого, с ним только вечность.
...Ни крыши нет, ни потолка,
Ни стен... Он брошен в бесконечность,
А там не смотрят свысока.*

*Он в апогее, он в зените,
Он в перигее звездных стуж...
А что он ест? Повремените!
Вы не кормильцы этих душ.*

*Он долго ищет свет в подъезде,
Но Вифлеемская звезда
Среди нависнувших созвездий
Ему мерцает иногда.*

— Вы часто бываете за границей, расскажите о наших православных соотечественниках за рубежом...

— В жизни русского зарубежья, к счастью, испаряется дух диссидентства. После гражданской войны русские люди, оказавшись по ту сторону железного занавеса, смотрели на Россию с болью — все рушится, все плохо, новости только трагичные. Послевоенная эмиграция состояла из россиян, которым тоже не было пути назад. Они знали, что встреча с Родиной для них будет встречей со смертью.

А в 90-е годы люди уезжали по экономическим, семейным причинам, но главное — без страха и без ненависти. И потому меняется настрой в эмигрантских приходах. Теперь люди хотят ощущать свое единство с Русской Церковью. Радостно ведь, находясь в Новой Зеландии, Африке или на Кипре, вознести молитву о Патриархе Московском и всея Руси и ощутить, что Русь Святая простирается до дальних пределов мира.

Чем отличаются приходы зарубежья от приходов в России, так это малолюдством. Здесь есть свои плюсы и минусы. Приятно, когда все друг друга знают, когда отношения теплые, сердечные. Хорошо, что после службы предлагается совместное чаепитие, общение. Это заимствование у инославных, но ведь доброе и человеческое есть и у неправославных христиан.

Нет, нет, не спешите обвинять меня в экуменизме. Я всего лишь повторяю то, о чем мечтал еще святитель Феофан Затворник: «Отчет я читал. Там нет ничего неправославного. Хвалит штундистов не как правоверующих, а что как кто станет штундистом, так начинает добре жить. Цель у него —

завесть православную штунду¹⁰⁵. Ведь штунда, собственно, есть собрание для бесед благочестивых не в богослужебные часы. Тут поют духовные стихи, читают Евангелие, книги, беседы ведут. Я рекомендовал ему этот отчет представить владыке с той целью, чтобы возбудить его заводить везде православную штунду, внецерковные собрания и беседы»¹⁰⁶.

Этого нам в России и по сию пору не хватает. Помните, как точно сказал святой Ириней Лионский о грехе первых людей: «Не став еще людьми, они хотели стать богами». Прежде чем обожиться, надо очеловечиться. То есть надо научиться радоваться друг о друге, а потом нести радость о Господе. Элементарные вещи: улыбка, внимательное доброе слово, приветливый взгляд — как все это важно в жизни прихода. На малом приходе священник помнит всех и знает обстоятельства жизни каждого...

Но иногда хочется побыть наедине с Богом, хочется прийти туда, где тебя не знают, затеряться в многолюдстве. Вот это чувство одиночества пред Богом в толпе необретаемо в малолюдных зарубежных приходах.

— Как вы относитесь к идее «Москва — третий Рим»?

— Хорошо отношусь. Москва и в самом деле была третьим Римом. Это отнюдь не русская идея, а классическая средневековая и общеевропейская: идея translation Imperiei, перехода империи. По официальной византийской концепции, Рим перешел на берега Босфора, в Константинополь (Царьград). А спустя тысячелетие падение Восточной Римской империи (1453) совпало с освобождением Московского царства от татарской зависимости (1480). То есть те же самые агаряне (мусульмане), которые захватили Константинополь, они же оставили Москву в одном и том же XV столетии.

Это совпадение, конечно, потрясло не только русских. Идея, что Москва — третий Рим, принадлежит вовсе не старцу Филофею: на самом деле эту идею в течение многих десятилетий приносили на Русь странники-монахи, дипломаты из Валахии, Румынии, Болгарии, Сербии и так далее. Что эта идея означает? Там, где государство осознаёт себя служащим идеалам Православия, слугою Христа, и при этом осознает себя ответственным за судьбы Церкви не только в своих пределах, но и во всей ойкумене, — вот такая страна и оказывается третьим Римом. И как единственна была Римская империя, так и в средневековой культуре, считавшей себя преемницей культуры античной, империя тоже могла быть только одна. Москва оказалась единственным независимым, самодержавным государством православного мира в XVI столетии. Самодержавное — не в смысле монархическое, а в смысле самоуправляющееся (самодержец — автократор). Государство, которое не является ничьей колонией, вот это самодержавное государство. И «Москва — третий Рим» означало, что на Москве теперь лежит ответственность за судьбы Православия во всем мире. Соответственно, Россия обязана была своей политикой, финансами, армией, дипломатией и так далее поддерживать православные общины, Православную Церковь во всем мире, вплоть до Африки. Так что в этой части я с этой формулой согласен.

Но я не могу согласиться с ее продолжением — «четвертому не бывать». Это слишком дерзновенное пророчество. А ведь «закон и пророки до Иоанна Крестителя»¹⁰⁷. В новозаветные времена нужды в пророчествах нет. Так что не стоит за Бога решать — куда и как Он еще раз повернет колесо истории.

Сегодня Москва уже не является третьим Римом. Ведь власть ее не является православной. Речь

¹⁰⁵ Название — от немецкого studieren — «изучать».

¹⁰⁶ Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 161.

¹⁰⁷ См.: Мф. 11, 13. — Изд.

не о том, ходит президент в церковь или нет. Речь о том: он себя судит Евангелием или нет? Видят ли законы России свою высшую цель, источник и оправдание в Православии? Является ли высшей целью внешней политики России поддержка Православия во всем мире? Этого в сегодняшней России нет. Москва уже не третий Рим. Место «Рима» вакантно.

Но если однажды в Минске (Тбилиси, Киеве, Кишиневе...) появится правительство, которое именно так будет осознавать цель своего служения, то Минск (Сухуми, Тирасполь, Санкт-Петербург...) и станет четвертым Римом.

Кстати, для того, чтобы быть «четвертым Римом», вовсе не обязательно быть сверхдержавой и ведущим игроком геополитики. Когда Москва приняла на себя служение «третьего Рима», она не была даже «региональной сверхдержавой». Польша, Литва, Крымское ханство были для нее смертельными угрозами (или уж по меньшей мере равными соперниками). В 1571 году крымский хан сжег «третий Рим», Москву, из которой третьеримский император — Иван Грозный — предпочел убежать до подхода врага... Сверхдержавами тогда были Испания, Португалия, Англия... Важно, чтобы государство считало себя защитником Православия. Будут еще такие государства или нет в истории нашей планеты — я не знаю.

И еще очень важно помнить, что лозунг «Москва — третий Рим» — это вовсе не всплеск националистической гордыни. Во-первых, сама идея империи — антинационалистическая, ибо наднациональная. Москва ощутила себя империей для всех православных народов. Причем — временно, до освобождения Константинополя. Когда царь Алексей Михайлович и патриарх Никон мечтали о том, что после присоединения Украины они двинутся дальше на Константинополь, то речь шла о том, что столица будет перенесена из Москвы в Константинополь. И именно поэтому патриарх Никон начал реформу богослужения, подлаживаясь под греков.

Удивительная идея! Если бы англичане планировали завоевать какой-нибудь народ, они бы при этом предполагали, что свою школу, свою Церковь и культуру навяжут этому покоренному народу. А вот русский империализм совершенно особый: мы должны подладиться под тех, кого завоюем, чтобы им проще было с нами сослужить.

Эта черта русского империализма, кстати, очень хорошо видна на топографической карте Российской империи. Европейцы, придя в Новый Свет, переменили почти всю топонимику. Всюду новые Йорки и новые Орлеаны. А у нас даже имя нашей столицы — Москва — своим откровенно финно-угорским паспортом напоминает о том, что русские здесь пришельцы (по известной формуле: коренное население — это предпоследний завоеватель).

— Насколько, вы полагаете, нынешний глава государства — человек православный, верующий? Насколько он хочет дистанцироваться от тех людей, о которых мы говорили раньше?

— У меня нет информации, которая могла бы подтвердить или опровергнуть такое предположение. У меня есть впечатления от других людей, рангом пониже. Ну вот, Полтавченко (представитель президента в Центральном федеральном округе) — это, несомненно, православный человек, для которого мнение Церкви и его личная вера много значат. Есть ли православная мотивация в действиях Путина, я не знаю.

Главный ведь вопрос не в том, ходит ли он в храм или нет, а в том — есть ли для него духовная православная составляющая при принятии решений.

Второй вопрос — отстаивает ли он интересы Церкви, когда решаются, например, вопросы российско-украинских отношений или отношений России и Прибалтики. Мне неизвестны случаи,

когда президенты России, нынешний или прошлый, вопрос, к примеру, газовых долгов Украины связывали со статусом русского языка на Украине или будущего храмов Московской Патриархии.

Верующий человек всегда помнит о Боге и о Церкви. Его глаза могут смотреть в любую сторону, он может решать какие угодно проблемы, но частичкой своего сознания он всегда помнит, что он не *весь здесь*, в этой шахматной клеточке, он не ее пленник, есть еще и другая реальность. Я не могу сказать, наблюдая за словами и делами Путина, что он производит впечатление человека, у которого уже есть вот это боковое зрение.

— Не кажется ли вам, что многие обращаются к Православию, потому что это модно? У нас в городе стало принято приглашать батюшек на освящение и футбольных ворот, и новых магазинов...

— Я спокойно отношусь к таким вещам. Во-первых, потому что считаю, что любой повод лишний раз вытащить батюшку из храма — это уже хорошо. Во-вторых, всякое доброе дело должно быть освящено.

Плохо, если люди думают, будто жизнь священника и сводится к такого рода «презентациям». Появилась модная «отмазка» — говорить о моде на Православие. Есть мода говорить, что Православие модно. А реальная общественная мода сегодня существует на эзотерику, оккультизм, всякого рода мистику. Зайдите в любой книжный магазин, и вы увидите, что это так.

Человеку свойственно защищать свое болото. Если признать для себя Православие, нужно многое менять в своей жизни, и начать с соблюдения заповедей Христа. Поскольку этого ой как не хочется — то человек и несет турусы на колесах, рисует для себя карикатуры на церковную жизнь.

Ну о какой моде может идти речь, если вся пресса просто озверела при появлении только возможности изучения в школах основ православной культуры?!

В ноябре 2002 года было письмо министра образования, разрешающее (минутку! Все расслышали? — *разрешающее*, а не *приказывающее!!!*) ввести в школах уроки по «Основам православной культуры».

Но журналисты и чиновники так дружно огрызнулись против православной культуры, что даже в день Москвы при вручении мне премии я должен был нарушить протокол: получив премию из рук Патриарха и мэра, вместо дежурных слов благодарности я обратил к Лужкову достаточно критическую речь. Дело в том, что накануне глава департамента образования Москвы Любовь Кезина пообещала, что не допустит уроков по основам православной культуры. Так что мне пришлось задать риторический вопрос: «Что сказали бы великие наши князья Даниил Московский и Александр Невский — имена этих князей Юрий Михайлович упоминал неоднократно в своей речи, — если бы узнали, что в школах Москвы запрещают изучать православную культуру? Они, наверно, сказали бы: “Какое новое иго распростерлось над нашей страной, какие новые варвары захватили нашу столицу”...».

— А что об этом говорит закон?

— А разве закон может запретить знакомство детей с родной культурой? Дискуссия, развернувшаяся вокруг «Основ православной культуры», — очень хороший пример черного пиара. Письмо министра просто давало школе право на выбор своей культурной ориентации — а либеральная пресса подала это как обязательку. Письмо министра говорит о том, что «Основы православной культуры» — культурологический предмет, а в прессе делают вид, будто речь идет о «Законе Божиим».

— А в чем различие?

— В отсутствии императивности. Здесь не будет призывов: «Дети, помолились!», «Дети, начали поститься!». Не будет и обязательно-навязчивой доказательности. Культуролог старается понять внутреннюю логику изучаемого им мира, а не навязать ему свою оценку или свою логику. Это разные интеллектуальные процедуры: доказать и объяснить. Можно объяснить логику греческого мифа, но не превращать этот урок в проповедь олимпийской веры.

Несет ли новый урок с собою религиозную проповедь или чисто культурологическую работу, можно уяснить с помощью простого проверочного вопроса: «Считаете ли вы возможным ведение уроков ОПК неверующим преподавателем?». Мой ответ: «Да». Я могу не верить в египетских или греческих богов, но у меня как у дипломированного религиоведа есть право прочитать лекцию о религии древнего Египта и о том, как эти мифы отражались в культуре, в литературе, поэзии, философии. Вот так же и с «Основами православной культуры». Если обе стороны — и церковные авторы программ, и светские руководители системы образования — будут наконец-то честны, то тогда, я думаю, такого рода предмет, скорее, уменьшит возможности межрелигиозных конфликтов, нежели их увеличит.

Ибо это шанс государству взять под свой контроль знакомство детей с религиями, шанс предложить детям не-экстремистское изложение вероучений. Свои ваххабиты есть в каждой религии. Но введение «Основ религиозной культуры» (как православной, так и исламской) может стать превентивным образовательным ударом против экстремизма.

Если учебники по этому предмету будут проходить двойную цензуру и со стороны государства, и со стороны Церкви, если будет опять же двойной контроль над этими уроками — то, надеюсь, не будет больше сцен, подобных той, которую я подслушал в одной подмосковной православной гимназии. В ожидании нужного мне педагога я сидел в учительской и слышал, как за стенкой шел урок у первоклашек, то есть слышал я, собственно, только голос учительницы: «Саша, не вертись! Саша, сядь спокойно! Саша, сколько раз тебе говорить, перестань вертеться! Дети, посмотрели на Сашу: в Сашу бес вселился!».

Так что «Основы православной культуры», с одной стороны, дадут детям ключ ко всей европейской культуре, а с другой — защитят тех же детей от неумелых приходских экспериментаторов.

Потому вновь и вновь я обращаюсь к чиновникам из Минобраза: давайте же сядем с вами за нормальный круглый стол и, глядя друг другу в глаза, а не в заочной полемике выясним, какие у нас есть взаимные недопонимания. И если в честном диалоге мы решим: «Да, мы хотим, чтобы школы имели право вводить такой предмет», то в ту же минуту мы все срочно «пьем снотворное» и «засыпаем» лет на пять. К согласованной нами цели надо будет идти, а не прыгать. Если мы считаем, что такой предмет нужен, тогда давайте выделим несколько экспериментальных школ, объявим конкурс учебников, откроем новую специальность в пединститутах, подготовим новых педагогов и переподготовим старых. И только через пять-шесть лет можно будет с этим опытом — опытом ошибок и удач — идти к детям.

— Хорошо, пусть предмет культурологический. Но ведь и культуры в нашей Федерации есть разные...

— Сегодня школьная программа состоит на семьдесят процентов из «федерального стандарта», в остальном — из так называемого регионального компонента и компонента «на выбор школы».

Так может ли школа в качестве своего, и только своего, компонента избрать не дополнительные

уроки тенниса или компьютерного дела, а именно православной культуры? Это может быть одна школа из двадцати — но чтобы родители могли выбирать, сам выбор-то уже должен быть!

Свобода родителей в этом случае определяется тем, что, отдавая ребенка в ту или иную школу, они заранее знают: вот эта школа с углубленным изучением итальянской культуры, а вот эта школа — с углубленным изучением русской культуры.

Решила школа ввести у себя такой предмет — и объявляет: «Через год в восьмом классе начнутся уроки “Основ православной культуры”» (соответственно, через два года — в восьмом и девятом классах и так далее). Родители, которым это неинтересно, постепенно будут переводить детей в соседние школы. Но те семьи, у которых нет аллергии к культуре Православия, напротив, будут знать, в какую школу переводить своих детей.

Мое детство прошло на пустыре в Москве, и по углам этого пустыря стояли четыре спецшколы — французская, английская, математическая и спортивная. Вопрос: а можно ли рядом с ними открыть еще и русскую школу, то есть школу традиционной русской духовной культуры?

Если да, то в такой школе уроки православной культуры должны быть обязательными для всех ее учеников. И не обязательными для всей округи. Таков принцип университетского факультатива: ты можешь на него не записываться, но если записался, будь добр регулярно его посещать и сдать зачет.

На этих уроках речь шла бы не только о сюжетах икон. Понять культуру какой-то эпохи — значит понять логику людей, живущих в ней. Ну почему Татьяна Ларина отказала Евгению Онегину? Современная девушка поступила бы иначе: наверное, брала бы деньги у официального мужа, а любовь крутила на стороне с Женей. Но для Татьяны ее клятва нелюбимому человеку была дороже, чем волнение ее сердца. Почему? Вот тут уместно поговорить о христианской аскетике. О том, что радость может быть горькой. И рождаться она может оттого, что ты сдержал себя, не переступил черту.

Но проект такого школьного разговора о православной культуре почти провалился. Антицерковные, я бы даже сказал, антирусские силы в Москве все это затормозили.

— В чем для наших соотечественников насущная необходимость предмета «Основы православной культуры»?

— Тот, кто готовит ребенка к эмиграции, может отдать его в турецкий лицей (в Москве их уже, кажется, больше десятка) либо в английскую спецшколу. Тот, для кого важнее всего здоровье его ребенка. — может определить его в спортивную школу. А если ты заботаешься о том, чтобы тебе не было страшно стареть в окружении детей, которых ты воспитал, — может быть, тогда стоит отдать любимое чадо в школу, в программе которой есть христианская составляющая...

— Как вы относитесь к тому, что Церковь активно занимается бизнесом?

— Есть священники совершенно разных складов — более традиционные, для которых, кроме их прихода и службы, ничего нет. Но о таких сразу начинают говорить, что они не от мира сего и безнадежно отстали от жизни и современной цивилизации. С другой стороны, когда встречается священник, способный жить и работать в современном мире и обеспечивать финансовое выживание прихода, его сразу начинают обвинять в том, что он не батюшка, а бизнесмен. Ну отчего буквально все превращается в повод для осуждения?

Несколько лет назад приезжаю в Якутию, и там мне говорят: «Вы знаете, наш батюшка выпить любит, поэтому мы в храм не ходим».

Через несколько лет я вновь приехал в этот город. Спрашиваю: «Священник поменялся, и теперь-

то вы в храм, наверное, ходите?». А мне отвечают: «Новый батюшка весь такой молитвенник, ну как ему понять нас, светских людей! Поэтому мы к нему не ходим...».

В общем — «пуля дырочку найдет».

Кстати, и первый батюшка отнюдь не был пьяницей. Он просто в поисках спонсоров для строительства храма ходил на презентации и приемы. С людьми общался. Но, как мы все знаем, наше русское общение почти невыносимо, если на столе только квас. Люди же сказали: «Значит, он как мы, а раз как мы, то и нечего его слушать, он не имеет права нас учить».

Если же батюшка будет «не как мы» — то о нем молва скажет: «Ну, он не от мира сего, он небожитель, он в нашей жизни ничего не понимает, поэтому его слушать тоже не надо». С разных сторон можно прийти к одному и тому же выводу. Не случайно говорится, что у сатаны две руки. И одно и то же пойло он может подать и из-за левого плеча, и из-за правого. Подойдет слева: «На-ка, выпей», а я скажу: «Нет, мне сестрица Аленушка сказала, что из-за левого плеча брать нельзя». А податель пошла спокойно отреагирует: «Ну что за предрассудки!» — и тут же из-за правого плеча то же пойло подаст.

— А насколько строг финансовый контроль в Православной Церкви? Нет ли у вас своей контрразведки? У адвентистов, насколько я знаю, контроль очень жесткий.

— Все-таки работа священника строится на доверии. Честность зависит не от внешней жизни священника, а от его внутренней мотивации. Кто-то и обычное пожертвование за крестины положит себе в карман, а кто-то доход от церковного заводика использует на благо прихода. Я знаю немало священников, которые активно сотрудничают с бизнес-элитой, но при этом деньги к их рукам не прилипают — все уходит на храм и людям.

Бывает, что священник связан с человеком, который жертвует на храм, а потом оказывается, что деньги добыты несправедливым, порой преступным путем. Увы, в Церкви нет своей контрразведки.

Финансовая проверка приходов есть. Но полной «прозрачности» тут не может быть в принципе: на пожертвования ни чеки, ни накладные не выписываются. Ревизия тут бессильна. Это дело совести.

— Как вы относитесь к награждению нецерковных людей, бизнесменов и политиков церковными орденами?

— Есть притча Христа о неверном управителе, который растратил доверенное ему имение. Когда же господин, узнав об этом, призвал расточителя к ответу, домоуправ, понимая, что причиненного ущерба он уже никак не возместит, проявил «смекалку»: созвал должников (не своих, а своего господина) и предложил им переписать долговые расписки в сторону уменьшения суммы их долга. Наверно, в надежде, что, будучи изгнанным со своей работы, он затем вернется к своим новым друзьям, которые отплатят ему добром за то, какое добро он сделал им при уходе со своей должности домоправителя... Как ни странно, Христос похвалил догадливость этого воришки. Притча кончается советом: **приобретайте себе друзей богатством неправедным** (Лк. 16, 9).

Как нам применять эту заповедь? У каждого есть не нами созданное богатство, которое дано нам в распоряжение. Это время моей жизни. В принципе все, что мне дано Богом, я должен был бы Ему же и вернуть. Но Господь понимает, что этого не будет. И поэтому просит у меня отдать хотя бы десятину, хотя бы эти полдня в воскресенье. И вот я должен бы быть в воскресенье в храме. А я вместо того, чтобы в этот день пойти в церковь, посвятить его Богу, пойду навещу больного друга. В известном смысле я украд это время у Бога. Но если на Страшном Суде возникнет вопрос, как я потратил этот талант, то я отвечу: «Я взял этот талант у Тебя, Господи, но я отдал его своим друзьям.

Я не утаил его при себе. Да, я не был в то воскресенье в храме. Но я провел время не перед телевизором. Я был в больнице». Как ни странно, это будет оправданием.

Вот и в случае с орденами Церковь проявляет не-сектантскую «мудрость века сего». Церковные ордена в некотором смысле богатство несправедливое. Богатства как такового нет. Любое богатство — это часть и порождение чьей-то «матрицы». Человек, и только человек, назначает цену всему. Предмет, который для кого-то является венцом мечтаний, может быть совершенно ненужным для другого человека (мне, например, не нужен трехколесный велосипед, а кто-то мечтает о нем со слезами на глазах). Вот и орден — богатство не для всех. Есть люди, равнодушные к таким наградам. Они молятся, служат, помогают не ради значка. Но есть люди, которые эти значки наделяют важным для себя смыслом. Первые, мне кажется, праведнее вторых. Во вторых есть некий «самоцен», гордынька. Они еще ловят свое отражение в других глазах, а значит, живут в виртуальном мире фантомов. И виртуальность эта не очень-то праведна. Ведь орден значит что-то только в глазах честолюбца.

Мы не в силах переменить всех людей, привить всем «духовную нищету». Что ж — надо принимать людей, какие они есть. И если он еще не совершенен, то это не значит, что мы должны чураться сотрудничества с ним.

Здесь другая логика: сначала начать сотрудничество, а потом через контракты и договоры подвести человека к вере и духовной жизни. Если жертвователю будет знать, что его копеечка есть в храме, то он и храм будет ценить, будет заходить в него. Сначала — чтобы принести жертву собственному тщеславию. Но потом есть надежда, что он услышит голос молитвы и Евангелия и начнет сам молиться, а не только позировать и озираться. Он начнет искать и ценить небесную, пока еще незримую награду. Но пока он еще не дорос до этого — что ж, вполне уместно поощрить его первый шаг, дав ему награду уже символическую, но еще видимую.

Награждение орденами людей нецерковных — это своего рода церковная торговля. Изготовление церковных орденов — это как бы свой монетный двор, который чеканит свою валюту. В Иерусалиме, помните, были специальные храмовые деньги, имевшие хождение только внутри храмового двора. Менялы продавали эти деньги прямо в притворе храма. Нечто подобное сегодня с этими орденами. Государства меняют бумажные ассигнации на реальные богатства. Церковь меняет эмалево-жестяные крестики на реальную помощь. Между чиновниками и бизнесменами рождается новая конкуренция — у кого какие церковные награды. Они сами ищут повод их получить — а в итоге от них и через Церковь реальную помощь получают вполне реальные люди. Виртуальное движение честолюбивого помысла позволяет воздвигнуть вполне реальные храмы, накормить вполне реальных семинаристов и монахинь. Вот, может быть, и за ваш молодежный лагерь и за возможность нашей с вами встречи епархия расплатится со спонсором орденом...

Проблему я вижу только в том, что у нас, церковных людей, слишком длинная память. Я же помню, что слово *орден* имело когда-то совсем иной смысл, чем сегодня. То, что сегодня называется орденом, точнее называть «знак ордена». Орден — это братство, это некий коллектив (вспомним монашеские ордена). А то, что вешается на мундир, — это знаки твоей принадлежности к этому братству. Получается, что все, кто носит орден апостола Андрея Первозванного, составляют некое сообщество. И награждение орденом — это мое принятие в некую партию. Так вот, с этой точки зрения сегодня весьма неуютно получать ордена — хоть государственные, хоть церковные. Ибо ты вступаешь в весьма сомнительное сообщество. Сегодня даже сектантов награждают орденами «за заслуги перед Отечеством»! А уж какие только проходимцы не оказывались в числе награжденных церковными орденами! И оккультисты, и воры, и «олигархи»... Но вновь скажу: у Церкви нет своей контрразведки.

— Да, подчас отношения Церкви не только с бизнесменами, но и с властью бывают сложными. С одной стороны — Церковь ищет у власти помощи в житейских делах, с другой — должна печаловаться о нуждах народа, паствы и обличать несправедные поступки вождей. Люди видят по телевизору, как Патриарх обнимается и целуется с президентом. Бабушке, получающей пенсию в семьсот рублей, это говорит только о том, что Святейший Патриарх как бы легитимизирует существующую социальную несправедливость...

— Да, все сложно. Но в этой сложности я хотел бы сначала обратить внимание на небольшую деталь. Ельцин наградил Патриарха Алексия всеми высшими орденами России, а Патриарх Ельцина за все два его срока не наградил ни одним церковным орденом. Я думаю, что это значимый жест. Отсутствие действия тоже бывает серьезным действием. Я думаю, это показывает подлинное отношение Патриарха и Церкви к политике, которую проводил предыдущий президент России.

В случае с Ельциным ситуация усугублялась еще тем, что «Ельцин» есть величина переменная и зависимая. Ельцин, который общался с Патриархом, — это был один человек. Но Ельцин, который выслушивал советы Чубайса, был совершенно другим человеком. Ельцин, при всей силе его характера, чрезвычайно управляемый человек. То есть тот, кто имел доступ к его уху, мог разворачивать его мнение на сто восемьдесят градусов. Даже мне это удавалось. Поэтому я прекрасно понимаю, что когда Патриарх общался с Ельциным и касался вопросов социальной защиты, заботы о бедных, Борис Николаевич наверняка поддакивал: «Да, конечно, будем помогать». Потом приходил Чубайс и предлагал секвестрировать бюджет за счет социальных расходов. И Ельцин опять соглашался...

— Муфтии утверждают, что террористы, взрывающие мирных людей, ничего общего с исламом не имеют. Но неужели десятки шахидов идут на смерть против своей веры? А мне кажется, что ислам глубинно, в фундаменте своем просто ни в грош не ставит человеческую жизнь. Что вы по этому поводу думаете?

— Слова муфтиев и «политкорректных» журналистов о том, что террористы-шахиды не имеют отношения к исламу, — из разряда тех благоглупостей, когда говорят, что у террористов нет национальности. Но они же не инопланетяне, в конце концов! В культурах и религиях могут быть импульсы, подталкивающие к жестокости или к терроризму. Например, в послевоенные годы часто ставился вопрос: почему в культурнейшей стране Европы, в Германии, зародился фашизм? Не означает ли это, что зубы дракона росли через века христианской европейской традиции? Не было ли в христианстве чего-то такого, что учило людей относиться бессострадательно к боли еврейского народа? Этими вопросами и ныне полна европейская пресса. Даже несмотря на то, что во времена фашистской Германии Церковь подвергалась гонениям, а гитлеровская верхушка была откровенно языческой, — вопрос о христианских корнях антисемитизма считается вполне академическим.

Но отчего-то аналогичный вопрос об исламских корнях терроризма считается невежливым.

Как-то один высокопоставленный муфтий подарил мне книгу «О свободе научных исследований в Коране». Меня заинтриговало название этой книги, потому что оно трудно соотносилось с моим представлением об исламе. Книжка оказалась пропагандистской. Свобода исследований признавалась, но — только в рамках исследования Корана. Свобода дискуссий доказывалась там таким примером. В решающей битве арабов с персами тысячи персов были захвачены в плен. На военном совете решался вопрос, что с ними делать. Одни предлагали пленных казнить. Другие — продать в рабство или потребовать у их родных выкуп. Победила точка зрения, что их надо продать. Через пару дней один из генералов (Омар) увидел пророка Магомета плачущим. На вопрос, почему он плачет, пророк ответил: «Всевышний ниспослал откровение: “Ни одному пророку не годилось иметь пленных, пока он не производил избиения [неверных] на земле”» (Коран 8, 67). Так что пленных надо было казнить.

Далее автор брошюры комментирует этот эпизод: мол, раз пророк Магомет не наказал того генерала, который принял неправильное решение, то свобода дискуссий возможна... Отчего-то этот пример меня убедил скорее в обратном.

— **Вы не очень жалуете прессу, а между тем сами предпочитаете называть себя не богословом, не профессором и так далее, а церковным журналистом.**

— Тут действительно есть некоторое расхождение между официальным титулом и внутренним самоощущением. Ну какой я в самом деле «профессор богословия»? В дореволюционную Духовную Академию меня и студентом бы не приняли, не то что профессором! Я бы прежде всего на языках завалился... Но уж если есть сегодня богословские высшие учебные заведения — кто-то должен быть в них и профессором. «Какое время на дворе — таков мессия».

Я действительно — церковный журналист. И так как изнутри вижу, как делается журналистика, у меня есть ряд уже порядком укоренившихся претензий к современной светской прессе. Есть такой старый еврейский анекдот. Еврей сидит и плачет на пепелище своего дома. Подходит к нему сосед и спрашивает: «Как дела, Изя?». — «Да сам видишь — дом сгорел, жена сгорела, дети сгорели. Все сгорело!». — «Да, печально... А что еще новенького?». Этот анекдот у меня прочно ассоциирован с журналистикой...

А еще, конечно, в мире журналигов и чиновников мне обидна устоявшаяся неприязнь, нелюбопытство к миру русской мысли, к миру философии, богословия. Почему у нас русской культурой считаются только «ложечники» и «матрешечники»? Почему событием в культурной жизни считается концерт Бори Моисеева, а не лекция богослова? Обидно, что в мире журналистики царит потрясающая безграмотность, нелюбопытство, предвзятость. Откуда это желание современных папарацци все изгадить, изъезть, обо всем написать с ехидцей? Прошли торжества в Дивеево (столетие прославления преподобного Серафима) — а либерально-диссидентствующий интернет-сайт начинает репортаж с фразы: «Паломники разъехались, оставив после себя груды мусора...». А ведь даже детские стишки высмеивали такой репортерский стиль: «Где ты была сегодня, киска? — У королевы у английской. — А что видала при дворе? — Видала мышку на ковре».

— **Ваше мнение о православной прессе.**

— Очень мало изданий, которые хотелось бы забрать с собой домой и хранить. В Москве — «Радонеж», «Фома», удачными бывают номера «Татьянинного дня» и — в последние два года — «Церковного вестника». В Екатеринбурге — «Покров», в Нижнем — «Крылья», в Тюмени — «Сибирская православная газета». Вот, пожалуй, и все. Остальные напоминают капустники для узкого круга посвященных — с намеками и нюансами, которые поймут только свои. Такие газеты пишут по принципу «Ах, Боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна», то есть выпускающий редактор держит в уме не реакцию массового читателя, а нечто совсем иное. В нем сидит внутренний цензор, который думает: «А вот как бы этого батюшку не обидеть, а что скажут в этом монастыре, а не разойдется ли это со вкусами кого-то из епархиальных служащих»... Идет мощнейшая самоцензура. В итоге все очень правильно, но абсолютно безвкусно.

— **Многие люди, когда приходят в Церковь, проходят некий период обращения, неопитства. Я заметил, что, например, у предпринимателей в этот период все валится из рук, музыканты забрасывают свои инструменты. Насколько это естественно?**

— Сначала о предпринимателях. Я знаю случаи, когда после обращения к вере проблемы в

бизнесе у них разрешались благополучно, дела шли успешнее. У купцов Демидовых в бизнесе все было нормально, а они были людьми вполне церковными. Но бывает и иначе. Ведь у Бога свой замысел о каждом человеке.

Мой же совет предпринимателям (хотя я, конечно не старец и не их духовник): не бросать дело. Сомнения неизбежны. Я помню, когда крестился, сам пару лет думал: «Может, бросить университет, уйти?». И у бизнесменов такие же вопросы. Я всегда уговариваю людей: оставайтесь в том звании, в котором каждый призван к вере¹⁰⁸. Если вы хотите помочь Церкви и России, необходимо, чтобы православные люди были представлены в интеллектуальной, политической, военной, бизнес-элитах России. Монахов у нас хватает. Церкви, может быть, более всего не хватает сегодня людей, способных профессионально работать в светских структурах, но с православной мотивацией.

Что касается творческих людей, то такой человек, если он искренне переживает свою веру, должен пережить обретение веры как кризис. Это признак здорового, нормального развития, если прежняя работа кажется ему безвкусной. Живописцы начинают сушить свои кисти, поэты забрасывают поэзию, музыканты — музыку. Все становится пресно, безвкусно по сравнению со вновь обретенным смыслом.

А вот дальше очень многое зависит от того, на какого духовника напорется этот неопит. Если все идет нормально, то через два-три года человек возвращается к своему светскому ремеслу. Разве что тематика его творчества может немного измениться.

Другое дело, если с духовником не повезло. Если человек оказался заложником у тех, кого называют в Церкви младостарцами, это может кончиться серьезной катастрофой.

— Экзорцизм — это вынужденная духовная мера или бизнес?

— Я не думаю, что это бизнес. Экзорцизм — это реальность, необходимая часть церковной жизни. Но мода на экзорцизм — это духовная болезнь. Нужда в экзорцизме — это горькая правда; действительность экзорцизма — правда радостная, но мода на него — это ложь. Я человек традиции. Я читаю в житиях святых, что святым древности огромного труда стоило одного человека исцелить от одержимости. А когда я вижу, что на отчитку привозят целыми автобусами, то недоверчиво говорю про себя: или наши монахи превзошли Сергия Радонежского, или бесы нынче сговорчивее стали.

— Какие Церковь может предложить методы противодействия наркомании?

— Как-то я поехал с этим вопросом к одному замечательному священнику в Санкт-Петербург. Этот удивительный человек оставил приход, квартиру в Питере¹⁰⁹ и уехал в глухой лес, где создал общину наркоманов, следуя основному принципу лечения наркомании — изолировать их от привычной среды. Шаг очень серьезный, если учесть, что он семейный человек, не монах. Одно дело, когда ты только свою судьбу решаешь, и другое — когда семья. Так вот, я спросил у него: «Какие у вас методы борьбы с наркоманией?». А он улыбнулся, развел руками и ответил: «Ну какие методы... Любить их, молиться с ними, работать с ними, жить с ними. Вот и все».

Так что нет какой-то особой церковной технологии кодирования, промывки мозгов.

¹⁰⁸ См.: 1 Кор. 7, 20. — Изд.

¹⁰⁹ Знаю, что некоторых петербуржцев коробит такое именование их города. Но должен заметить, что это отнюдь не провинциальный или уголовный жаргон. Например, это слово употребляет профессор Московской Духовной Академии П.С. Казанский в своей переписке с А.Н. Бахметовой (Письмо от 29.11.1869 // У Троицы в Академии. С. 557). Встречается оно и у святителя Феофана Затворника (*Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. М., 1994. Вып. 7. С. 155, 158; Вып. 2. С. 143*), у которого, кстати, есть и другой топоним, кажущийся очень новым: «Хохляндия» (*Святитель Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 320*)

Православная Церковь вообще боязливо относится к душе человека и не вторгается в нее со всякими гипнотическими методами.

Одно нужно: вера. Чтобы человек оторвался от наркотиков, ему нужна сверхмотивация. Именно поэтому светские методики реабилитации недостаточно эффективны. Мотивы, которые они предлагают, слишком слабы. Вылечиться — чтобы жить. А жить зачем и как? — Чтобы каждое утро на работу ездить, а по вечерам с семьей собачиться? Снова окунуться в мир «попсы»? Но это слишком недостаточный стимул, чтобы покинуть пределы той феерической матрицы, в которой живет наркоман.

У Церкви же есть свой мотив, который очень убедителен для многих людей. Оказывается, «напиться до чертиков» — это больше, чем идиома. Тысячи наркоманов напиваются и накаляются до «видиков», в которых все чаще начинают видеть чертиков. Я помню, музыкант Александр Барыкин мне рассказывал, что сам прошел через это — популярность, головокружение от успеха, наркотики, модная йога. А однажды просто понял, что нирвана — это реальность, черный зев небытия. И бросился к Православию в поисках защиты.

А однажды в Подмоскowie подошел ко мне мальчишка лет пятнадцати и поразил меня своим вопросом: «Скажите, отец Андрей, Господь сможет меня спасти, если я умру как самоубийца? Нет, я не буду себя как-то специально убивать, я ведь себя уже убил наркотиками. Мне недолго осталось. И я каюсь. Может ли Господь меня помиловать?».

Многие люди сначала видят черную подоснову духовного мира — то, с чем боролся Христос. И после этого понимают: дурь надо победить не для того, чтобы затем «добиться успехов в труде и личной жизни». А потому, что смерть под дурью — это путь к такому ужасу, о котором ничего не знают люди неверующие и трезвые. В пятом томе «Гарри Поттера» Дамблдор говорит, что худшее из всех заблуждений Темного Лорда — это мнение, будто нет ничего хуже смерти. И именно это неверие Дамблдор считает самым слабым местом своего врага...

Если же человек понимает, что навсегда разрушить тело можно, а душу — нельзя, что в полуразрушенном состоянии душа будет влачиться из вечности в вечность, — вот тогда у него и возникает та самая сверхмотивация в борьбе за душу.

— **Так что, выход все-таки возможен?**

— Выход возможен. Но я очень боюсь выступать в качестве рекламного агента и говорить: «Приходите к нам, фирма гарантирует излечение». Какие могут быть гарантии, когда речь идет о человеке, в которого уже вцепились бесы? Кстати, тот же питерский священник мне сказал: «Обычно человек несколько месяцев живет в общине. Потом уходит в мир. Я предупреждаю, что этого мало, что можно сорваться. Так и происходит. Но я этому радуюсь — потому, что когда он опять к нам вернется, у него уже не будет излишней самоуверенности. В нем появится нормальное чувство христианского смирения, а значит, он будет ждать и звать Божью помощь. И тогда лечение продолжится».

— **Слушая ваши лекции, поражаешься вашим знаниям. Как вы чувствуете себя с ними? Вель сказано: от многая мудрости много печали.**

— Да, так сказано Соломоном (если именно его считать автором «Екклесиаста»). Но у премудрого Соломона речь шла о знании отнюдь не научном, философском, а о знании мира людей. Мои книжные познания, скорее, укрепляют мою веру. Удар по вере наносят обычно «новости церковной жизни». Но лекарства от укулов современности — в знании истории. Когда я узнаю какие-

то плачевные вещи о нас, современных православных, то думаю: Боже мой, люди не научились грешить по-новому за тысячи лет. И тем не менее Господь нас терпит. А то, что Господь нас терпит, дает надежду, что наше поколение — не есть поколение предельное, последнее. Число же подлецов в рясах всегда стабильное, евангельское, — каждый двенадцатый.

В общем, тут у меня утешение то же, что и у Екклесиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: *смотри, вот, это — новое!* — но это было уже в веках, бывших прежде нас!» (ср.: Еккл. 1, 10).

— **А есть вопросы, на которые вы не знаете ответа?**

— Конечно. Вот только небольшой их перечень:

Куда подевался мальчик, которым я был когда-то?

Скажите, долгая старость — награда или расплата?

Где умирают птицы?

Сколько лет сентябрю?

Понимает ли море то, что я говорю?

О чем молодая листва поет весеннему бризу?

Откуда является смерть — сверху или же снизу?

Сколько листьев, чтоб выжить, платят зиме деревья?

— **Каково ваше отношение к духовным учебным заведениям для мирян?**

— Я за то, чтобы как можно больше людей получали богословское образование. Правда, при виде студентов-богословов у меня все чаще возникает тревога: «Что и как они расскажут о Православии?». Как ревную любимую женщину, так я ревную Православие. Знаете, бывают у людей любимые стихотворения, и тебя коробит, когда кто-то в твоём присутствии твоё любимое стихотворение читает: «Но оно же не так звучит!». Вот так же мне бывает больно, когда я вижу, как мое любимое Православие превращают во что-то безумно скучное или полицейское...

— **На Украине говорят «У нас, к сожалению, нет своего Кураева».**

— Видите ли, Церковь выступает против клонирования.

— **И все же, почему у нас так мало миссионеров?**

— Потому что ни один другой завет Христа не игнорируется в нашей церковной жизни столь откровенно и постоянно, как этот: **Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою** (Мф. 9, 36–38). Христос просит нас, чтобы мы молились Ему о ниспослании миссионеров, — а мы уже сколько веков эту просьбу Христа не исполняем. Это евангельское слово не расслышано нашей церковной историей. Мы привыкли, что человек молит о чем-то Бога. А тут Бог умоляет человека! Прямая мольба, прямая заповедь Христа, которую наше богослужение презирает! Где у нас молитва Господину жатвы, чтобы Он миссионеров послал, делателей?

В нашем годичном богослужебном круге нет ни одной молитвы о миссионерах. Даже в день

святых Петра и Павла, в день апостольский, когда Церковь должна воспевать свое апостольское призвание и происхождение, нет никаких особых миссионерских молитв. Да, в этот день мы просим апостолов «мир вселенной даровати и душам нашим велию милость», но это настолько общая молитва, что с ней и к пустыннику-отшельнику можно было бы обратиться, а не только к апостолам. И это очень странно, потому что в нашем народном благочестии необычайно остро переживается «специализация» каждого из святых (кому в какой нужде молиться). В этой молитве нет ничего собственно апостольского. И, значит, даже в этот апостольский день нет ни одной молитвы, в которой бы Церковь просила у Господа послать нам апостольские дары.

Меня коробит, когда при начале Петрова поста православные теле- и радиопроповеди объясняют его происхождение: «Петров пост у нас существует потому, что мы подражаем апостолам. Они постились, прежде чем пойти на проповедь Евангелия. И мы следуем их примеру». Услышав это в очередной раз, я говорю: прекрасно. Апостолы действительно постились (хотя Петров пост к этому не имеет никакого отношения: «Апостольское предание» святого Ипполита Римского в III веке этот пост считает компенсаторным: те, кто не смог поститься перед Пасхой, да постятся неделю спустя после Пятидесятницы). И пусть, в самом деле, мы постимся в Петров пост в подражание апостолам, которые постились перед тем, как пойти на проповедь. Только у меня вопрос: скажите, почему мы апостолам подражаем только в этом?

Нет чтобы сказать: «Братья и сестры, пройдя Петров пост и подражая апостолам, подготовленные постом к апостольскому служению, пойдем в пионерские лагеря проповедовать!».

Представьте, если бы приходской священник сказал: «Братья! Через неделю — день памяти святого князя Александра Невского, защитившего нашу страну от нашествия латинян. Почтим же его память подражанием его делам! Нам известно, что всю неделю до битвы дружинники святого князя примеряли кольчужки — коротки они или нет. Вот и мы давайте всю неделю будем надевать и снимать кольчуги, чистить мечи... А в день святого Александра поедем... Нет, нет, не на битву — на загородный пикник». Смешно? Ну, вот точно так же мы подражаем апостолам.

Я помню одну церковную передачу (ее вел слишком известный человек — чтобы называть ее имя), и это был канун Петрова дня. И он говорит: «Завтра, дорогие братья и сестры, день святых апостолов Петра и Павла. Что это означает? А это означает, что кончился Петров пост». Все. Неужели только это для него значит память об этих апостолах? (А ведь и в самом деле на большинстве приходо-в Петров день означает, что у батюшек начинается период отпусков — потому что почти весь июль нет праздников, кроме Ильи-пророка.)

Переключаю на другой канал, а там протестантская передача, где рассказывается о том, что какие-то американские баптисты зафрахтовали «боинг», устроили в нем госпиталь и летают в нем по разным странам и лечат людей, делают бесплатные операции. Мы ради Бога — постимся, они — помогают больным. Так где в данном случае настоящий подвиг, а где его имитация?

Ну почему святым мы подражаем только одним путем? Ведь у святых много подвигов. Но мы им подражаем только в одном: чуть-чуть в посте, чуть-чуть в молитве. А вот если бы сказать: «Завтра день Космы и Дамиана, святых целителей-бессребреников. Братия и сестры, в этот день мы не будем служить всеношное бдение, не будем прославлять этих святых словами. Давайте почтим их память делом. Давайте сегодня вечером пойдем всем приходом в больницу».

Да... Да... Понимаю. Да, неприятностей не оберешься... Нет, это не влияние протестантизма. Это влияние Евангелия. Да, такое может предложить только безумный и юродивый. Да, знаю, с юродивыми соглашаются только после их смерти...

Печальный вывод напрашивается сам собой: видимо, церковным сознанием пока не ощущается нужда в миссионерах. О шоп-туристах мы молимся каждый день — о «плавающих и

путешествующих». Но есть ли хоть одна молитва с такими примерно словами: «Святые апостолы, молитесь Господа, чтобы Он ниспослал пастырем нашим ревность проповедания Святаго Евангелия Своего, умолите Господина жатвы послать делателей на ниву Христову... Господи, яви и сохрани в Православии наших миссионеров, даруй силу словам их...». Раз нет такого ни на отдельных молебнах, ни во вседневных службах — значит, Церковь не молится о миссионерах, не просит их у Господа, а значит, и Господь их не дает.

Отец Сергей Булгаков совершенно справедливо сказал, что в религии живо только то, что есть в культе¹¹⁰. Те истины нашей веры, которые постоянно поются и проговариваются в храме, — поддерживаются и остро переживаются людьми, а то, что отсутствует в богослужении, остается уделом досужего любопытства каких-нибудь книжников.

— Так все же — работать надо, проявлять свою активность или молиться, чтобы Господь привел людей к вере?

— Есть такая странная вещь — профессиональная слепота. У каждой конфессии есть свои бельма на глазах — места в Библии, которые эта конфессия не замечает и не вдохновляется ими. Протестанты, например, абсолютно слепы к словам апостола Павла о преданиях, которым мы научены (ср.: 2 Фес. 2, 15). Или к тому, что Господь повелел Моисею сделать из золота двух херувимов (см.: Исх. 25, 18).

А православные не помнят слов Христа *убеди придти* (Лк. 14, 23). Это в притче о званых на царский пир государь говорит слуге: «Вот собери бомжей с улиц и понуди их внити сюда».

Ну как это совместить с этой модной ныне церковной присказкой — «Кого надо — Господь Сам приведет»? Выходит, Царь Сам должен пойти на улицу. Мы же подождем во дворце, когда Царь подведет к нам тех, кого Он найдет снаружи. И в самом деле — не пачкать же нам свои рясы уличной грязью, а наши благоуветливые уста уличным языком!

И вот такого сорта апология собственной бездарности и лености считается благочестивым рассуждением. Как хорошо, что апостолы не были похожи на нынешних отцов благочинных! Если бы апостолы жили по этому благочинному принципу («кого надо — Господь Сам приведет») — то они ограничили бы свою проповедь узким кружком спонсоров, наладили бы добрые кумовские отношения с местной администрацией, построили бы два десятка храмов с золотыми куполами. И сидели бы, ждали, когда придет кто-нибудь, желающий совершить требу.

На этом история христианства и кончилась бы. Ибо христианство несовместимо с язычеством не на уровне треб, а на уровне проповеди, философии. Наши требы нравятся всем. Все колдуньи приходят за крещенской водичкой. Даже атеисты приходят венчаться. Язычникам не нравится наша философия. Язычников царापала апостольская проповедь. А если бы проповеди не было — не было бы и конфликта Церкви и империи. И всё вместе мирно стухло бы в общеязыческом болоте.

Ну как можно сложить с себя миссионерскую заботу? Святитель Иоанн Златоуст, рассуждая о православных и сектантах, говорил: «И не говори мне таких бессердечных слов: “Что мне заботиться? У меня нет с ним ничего общего”. У нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми людьми мы имеем очень много общего. Они имеют одну с нами природу, населяют одну и ту же землю, питаются одной и той же пищей, имеют одного и того же Владыку, получили одни и те же законы, призываются к тому же самому добру, как и мы. Не будем поэтому говорить, что у нас нет с ними ничего общего, потому что это голос сатанинский, дьявольское бесчеловечие. Не станем же говорить этого и покажем подобающую братьям заботливость. А я обещаю со всей уверенностью и ручаюсь всем вам, что если

¹¹⁰ «Живо и жизненно в религии только то, что есть в культе, а отмирает или нежизнеспособным является то, чего нет в культе» (Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994. С. 63).

все вы захотите разделить между собою заботу о спасении обитающих в городе, то последний скоро исправится весь... Разделим между собою заботу о спасении наших братьев. Достаточно одного человека, воспламененного ревностью, чтобы исправить весь народ. И когда налицо не один, не два и не три, а такое множество могущих принять на себя заботу о нерадивых, то не по чему иному, как по нашей лишь беспечности, а отнюдь не по слабости многие погибают и падают духом. Не безрассудно ли, на самом деле, что если мы увидим драку на площади, то бежим и мирим дерущихся, — да что я говорю — драку? Если увидим, что упал осел, то все спешим протянуть руку, чтобы поднять его на ноги; а о гибнущих братьях не заботимся? Хулящий святую веру — тот же упавший осел; подойди же, подними его и словом, и делом, и кротостью, и силою; пусть разнообразно будет лекарство. И если мы устроим так свои дела, будем искать спасения и ближним, то вскоре станем желанными и любимыми и для самих тех, кто получает исправление»¹¹¹.

Или: «Если двенадцать человек “заквасили” всю вселенную, подумай, сколь велика наша никчемность, если мы, пребывая в таком количестве, не в состоянии исправить оставшихся, а ведь в нас должно было хватить закваски на тысячи миров... Но то, скажешь, были апостолы. Что же из этого? Разве они Ангелы были? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения?...»¹¹².

— Есть у вас смена?

— Знаете, для того чтобы идти моим путем, слишком много необычностей должно было сойтись. Главная из них: моя церковная карьера шла сверху вниз. Я ведь свою работу в Церкви начал с самой высшей точки. Еще не окончив академию, я уже в двадцать семь лет был пресс-секретарем и референтом Патриарха. Затем был деканом богословского факультета, затем — заведующим кафедрой, теперь — просто профессор. Хорошо бы окончить жизнь дьяконом в сельском приходе...

— Простите, что перебиваю. Но, говоря о сельском приходе, вы не позируете?

— Ну, какая тут поза! Это просто скучный и рациональный расчет. Любой писатель желает в конце жизни получить покой, чтобы «исписаться». Писать лучше всего в тишине, видя вокруг себя Родину, а не бетонное «определенное место жительства». Но чтобы спокойно жить, писать и служить в селе, нужно очень много денег. Для этого нужен какой-то постоянный источник дохода (каковым сегодня не могут быть гонорары за книги). Самое надежное — это сдавать московскую квартиру. Но для этого ее нужно сначала купить самому (ибо нынешнюю квартиру надо все-таки оставить семье). Да и «домик в деревне» — если это в пределах досягаемости до Москвы — стоит ой как недешево. Так что идея трезвая, хорошая, но дорогая. Где на нее взять денег — не знаю. Но уж если я себе разрешаю о чем-то помечтать — так именно об этом бегстве из Москвы, а не о протоиерейском кресте или солидной чиновничьей синекуре...

Так, возвращаясь к моей карьере. Это ее странное направление — сверху вниз — означает, во-первых, что, оказавшись «наверху», я (надеюсь) не успел внутренне мутировать, стать человеком «системы», который долго и переживательно жлет продвижения вверх и с соответствующим расчетом и осторожностью выстраивает свои слова и поступки»¹¹³.

Во-вторых, то, что я начал сразу с верхней ступеньки, сделало мое имя сразу известным всему

¹¹¹ Святитель Иоанн Златоуст. Беседы о статуях, 1 // Творения. СПб., 1896. Т. 2. С. 25–26.

¹¹² Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 46, 2–3.

¹¹³ Дмитрий Быков увидел в Патриархии «чисто официозную структуру, где тихие, безликие и солидные люди делают карьеру» (Быков Д. Народ и Церковь едины? // Вечерний клуб. М., 1999. 2 октября). Преувеличение, конечно, но не без повода к оному с нашей стороны...

епископату. То, что с самого начала я был рядом с Патриархом, помогло заручиться церковно-иерархической поддержкой при начале моей миссионерской работы. У архиереев не возникал вопрос: наш человек или не наш. Мне не нужно было доказывать, что я могу защищать нашу веру: раз Патриарх в Москве тебе доверил такое послушание — что ж, приезжай и к нам и работай.

В-третьих, и Патриарх с самого начала знал, в чем я вижу свое призвание. Понимаете, если обычный молодой священник начнет активно ездить с лекциями за пределы своего прихода и тем более за пределы своей епархии, епископ неизбежно спросит его «У тебя что, на своем приходе дел мало?». У меня было уникальное сочетание свободы и доверия. Я не был диссидентом. С самого начала я воспринимался (в том числе и самим собой) как «человек Патриарха».

Моя свобода, в частности, связана с тем, что я сам для себя определил область своей работы и ее методы (это я сейчас так могу сказать, оглядываясь назад: когда все только начиналось, никаких подобных планов у меня и в мыслях не было). Плюс к этому мой двойственный статус как светского журналиста и университетского преподавателя, а не только как церковного служителя...

В общем, все это было легко в начале 90-х: когда все бурлило и создавалось. Кстати, для меня это очень важно: в Церкви я никогда не приходил на чье-то место, а значит, и мои должности не вызывали чьей-то зависти. Так что обходилось без «подсидок». Просто каждый раз совпадали моя готовность к перемене места и потребность в каком-то новом служении. В 1985 году впервые ректор МДА создал при входе в свой кабинет «предбанник» и решил посадить в нем референта. В 1990 году впервые Патриарх решил создать должность пресс-секретаря. Прошло еще время — и впервые был создан богословский факультет в рамках впервые же создаваемого православного университета и этому факультету, конечно, был нужен декан. Во всех этих случаях мне никого не приходилось заменять и тем самым — «обижать».

А новым миссионерам приходится прокладывать себе дорогу снизу. Им — тяжелее.

Я сейчас пробую поставить себя на место молодого человека, который хочет начать церковное миссионерское служение. Его рукоположили после семинарии, он пробует что-то делать вне храма, а все его сослуживцы смотрят на него, как на белую ворону: «Тебе что, больше всех надо? Протестант какой-то! Ты что, не знаешь, что кого надо Господь Сам приведет?».

При таких настроениях начинающий проповедник будет постоянно генерировать вокруг себя поле осуждения. Если он выйдет за пределы своего прихода, в конце концов ему скажут: «Значит, у тебя на приходе дел мало?». Кроме того, чем больше времени он будет проводить с детьми или молодежью, тем меньше денег он заработает требами в храме. Ведь пока он вел урок в школе, он мог бы машину освятить... И со временем голос жены начнет ему напоминать, что пора бы «жить как все»...

А затем журналисты какой-то каверзный вопрос зададут, а он ответит неудачно (или и в самом деле так ответит, или же журналисты переврут его ответ). И уже с верха следует грозный окрик: «Что ж ты такое ляпаешь! Сиди на приходе, юноша, и бабушек своих по праздникам поучай, а на радио не ходи!».

Нет, сегодня, мне кажется, молодому священнику тяжелее встать на путь миссионерства. И тем более я удивляюсь тому, как Господь вел меня по этому пути!

— Отец Андрей, вы как-то сказали, что батюшки не должны забывать о своих прежних мирских увлечениях. Вы свои прежние увлечения сохранили?

— Да, было бы хорошо, если бы священник мог воцерковлять и свою мирскую профессию, и свои прежние «хобби». Я знаю священников, которые были мастерами боевых искусств до принятия сана, — так они и сейчас преподают эти искусства мальчишкам, сопровождая их изложением

христианской позиции.

У меня в детстве тоже было одно увлечение, к которому я потихоньку возвращаюсь. Я любил книжки по истории, но поступил потом на философский факультет, по сути, антиисторический. И вот в последние годы по капле выдавливаю из себя философа.

Помню, когда я сам был студентом, то первые книги по религиозной философии попадали мне в руки от научного сотрудника Института философии Альберта Васильевича Соболева. Его квартира была для меня островом сокровищ: там стояли дореволюционные издания и парижские книги, которые в советских библиотеках хранились за семью спецзамками. И вот, принося очередную прочитанную книгу и беря новую, я пробовал завязать с ним обсуждение прочитанного, но в ответ не встречал никакого энтузиазма. Сначала я это считал за обычную советскую осторожность. А потом он сам пояснил: «Знаете, мне это уже не очень интересно. Мир идей русской философии достаточно обозрим. Я его изучил уже давно. Эти философы мне гораздо более интересны как люди. Мне интересно, как они жили, как общались. Порой старая фотография мне интереснее нового издания книги Флоренского». Тогда я не понял его. Мне казалось, что вселенная русской религиозной философии неисчерпаема. А сейчас я чувствую что-то похожее. История для меня интереснее, чем философия и богословие.

— Что помогло вам сделать выбор — стать православным христианином?

— Мотивов очень много. Один из них — мне изрядно надоела просто философия. Я же потомственный философ, и потому мне с детства обрыдли все эти размышления о духовном со стаканом коньяка в руке. Я еще был атеистом, студентом университета, когда сказал себе: «Так, Андрюша, давай договоримся. Если ты однажды придешь к выводу, что Бог есть, я тебя очень прошу: не выдумывай ничего своего. Понимаешь, если Бог есть, то это означает, что ты не первый умница, который до этого додумался... История началась не с тебя, и поэтому ты сначала изучи, что в этой истории было, вживись в нее». Поэтому я с самого начала решил, что уж если и повернусь к религии, то к самой традиционной.

— Отец Андрей, вы — человек публичный. А как вы отдыхаете? Как проводите свободное время? Может, у вас есть какое-то хобби?

— Вот в этом смысле мой образ жизни совершенно ненормальный, потому что обычный москвич, когда у него наступает время отпуска, уезжает куда-нибудь из Москвы, стремится слиться с какой-нибудь компанией, а у меня все ровно наоборот. Вся моя жизнь — в поездках, поэтому для меня отдых — это если я могу дома один посидеть. Счастливое время, если я могу на два-три дня запереться дома и не выходить вообще никуда, даже в магазин. Поскольку отдых — это смена образа жизни и деятельности, то отдых для меня — когда я пишу. Потому что в поездках я только читаю (или напротив: читаю я только в поездках)... Увлечения?... Да одно у меня увлечение — поспать.

— А что вас в церковной жизни радует?

— О, в Церкви меня радует прежде всего то, что она меня терпит.

Еще я люблю Православие за его неплакательность, за то, что в нем очень часто совмещается вроде бы несовместимое. Мало прийти в Церковь, надо уметь жить в Церкви. Для меня, например, одно из самых замечательных открытий прошлого года — это рассказ об одном тверском алтарнике. Этот пожилой уже человек, когда его начинают чем-то доставать, отбрехивается замечательной фразой, он говорит: «Слушай, дорогой, ты знаешь, я ведь в Церкви уже тридцать лет... Я ведь и убить могу». Для

неофита-интеллигента, который воспитан на Бердяеве, — это, конечно, кощунство, это невозможный ответ. А с моей точки зрения, ответ очень точный и остроумный. Этот человек просто и в самом деле долго живет в Церкви и поэтому знает, что и в Библии, и в церковной истории были прецеденты и для одного поведения, и для противоположного. Одни святые подставляли щеку, другие, святые же, вынимали меч. Здесь нужно или обостренное совестное чувство, или же хорошо церковно-воспитанный разум, чтобы уметь различить — в каких случаях и как надо себя вести. Иногда уйти от драки будет грехом, особенно когда под угрозу поставлена жизнь или честь другого человека, такого, который сам себя защитить не сможет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Проповедь диакона Андрея Кураева на концерте «Рок к небу»

С Рождеством вас, люди! Человек тем отличается от животного, что животное просто живет, а человеку нужен повод к жизни. Как нужны поводы к тому, чтобы задействовать какую-то группу мышц, так нужны поводы душе, чтобы оживить себя, проявить. Душа — это то, что болит у человека, когда все тело здорово. Не сердечная мышца болит, не левый желудочек, а душа. Болит — и своей болью доказывает, что она есть. Пока у человека не заболела почка — он и не знает, где она у него находится. Пока у человека не заболела душа — он и не подозревает о ее существовании. Пока не напрягаясь живешь вполсилы и плывешь по течению, как все, не замечаешь ни силы течения, ни своей души. Но однажды сердце ожигает мысль: «Зачем я тут? Что такое человек? Что такое моя жизнь? Просто тире между двумя датами на могильном памятнике? А человек — просто покойник в отпуске? Меня не было целую вечность и потом не будет тоже вечность. И вот из этой тьмы меня отпустили на побывку. В этом ли смысл моей жизни? Это ли “все, что останется после меня”?». И тогда понимаешь: моя биография не сводится к истории моего тела, то есть в конце концов к истории моей болезни — от первого зуба до последнего инфаркта. И тогда понимаешь, что самое главное знакомство, которое может произойти в твоей жизни, — это не знакомство со знаменитостью, а знакомство со своей душой: ты, оказывается, есть. Ты, моя душа, и ты, мое тело, — не одно и то же. И у тебя, моя душа, есть свои поводы к радости и свои поводы к боли. Русский рок в своих лучших песнях — это болевые уколы в совесть. Это борьба за право думать, за право быть одиноким, за право выпадать из толпы и из попсы. Когда все вокруг тонет в беспросветном оптимизме, когда официальная пропаганда обещает построить коммунизм или хотя бы догнать Португалию по числу кондиционеров на душу населения — русский рок встряхивает и говорит, «А ты знаешь, Небо становится ближе». Это и есть Рождество: Небо соединилось с землей, с тобой. Христос мог хоть тысячу раз родиться в Вифлееме, но нет тебе в том никакой пользы, если Он хотя бы раз не родился в твоей душе. Рождество — это ответ на вопрос Данте: «Я поднял глаза к Небу. Чтобы увидеть — видят ли меня». Это главный вопрос в жизни человека: «Нужен ли я, любим ли я или я просто космическая плесень?». Рождество — это первый шаг к главной тайне христианства: все религии мира говорят о том, какие жертвы люди должны приносить своим богам, и только Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принес людям. Христос пришел к вам! С Рождеством вас, люди!

II

7 сентября 2003 года в зале церковных соборов храма Христа Спасителя состоялось торжественное открытие II Московского межрегионального фестиваля молодежи, на котором были вручены премии «Обретенное поколение». Премия учреждена по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Отделом по делам молодежи Русской Православной

Церкви и решением мэра Москвы Юрия Лужкова «за труды по духовно-нравственному воспитанию и просвещению молодежи». В 2003 году премии получили отделы по делам молодежи Тобольской и Тюменской, Сыктывкарской и Воркутинской, Тамбовской и Мичуринской, Екатеринбургской и Верхотурской, Крутицкой и Коломенской, Санкт-Петербургской и Ладожской, Саранской и Мордовской, Смоленской и Калининградской епархий, а также Костромской православный центр «Ковчег», протодиакон Михаил Спельник и диакон Андрей Кураев.

Поблагодарив организаторов фестиваля за награду, диакон Андрей Кураев обратился к мэру Москвы Ю.М. Лужкову с просьбой оказать содействие введению в московских школах предмета «Основы православной культуры». Участники фестиваля поддержали обращение отца Андрея к московским властям.

Речь диакона Андрея Кураева после вручения ему премии «Обретенное поколение»

Ваше Святейшество, благословите обратиться к строителю прекрасного храма сего Юрию Михайловичу Лужкову!

Юрий Михайлович, в своей речи вы прекрасно сказали о том духовном богатстве, которое несет людям православная культура. Одной из его жемчужин является этот величественнейший храм. Но очень жаль, что многие москвичи, особенно юные, входят в него почти как иностранцы, не понимая языка своей родной культуры.

Православная культура есть. И в Церкви есть такие люди — они сидят в этом зале, — которые доказали, что могут быть интересными для молодых людей, для детишек и могут им свидетельствовать о богатстве православной культуры.

Но, увы, одной из самых печальных новостей минувшей недели было сообщение Московского департамента образования о том, что в московских школах и в новом учебном году не будет уроков «Основы православной культуры». Это странно. Что сказали бы великие наши князья — Даниил Московский и Александр Невский, если бы узнали о том, что в школах Москвы не разрешают изучать православную культуру? Они воскликнули бы. «Какие варвары захватили нашу столицу? Какое новое иго распростерлось над нашей страной?!».

Юрий Михайлович, когда вы подвергались незаслуженной критике со стороны различных борзописцев за прекрасную идею восстановления этого храма, я хоть и маленькой крупиночкой, но попробовал помочь вам и написал вот эту книжку в оправдание идеи восстановления храма Христа Спасителя. Сегодня я прошу у вас помощи. Вот новая моя книжка «Основы православной культуры», написанная в защиту введения уроков православной культуры в школах.

Юрий Михайлович, а нельзя ли организовать «круглый стол» с вашим участием, с участием руководителя Московского департамента образования и тех представителей Церкви, которых Святейший Патриарх благословит, чтобы мы спокойно сели и обсудили, в чем отличие «Закона Божия» от культурологического разговора о Православии. Недавно в «Российской газете» министр образования Филиппов заявил, что согласно закону религии не место в школе. Как же так? «Закон о свободе совести» ясно говорит о том, на каких условиях религиозное образование возможно в государственной школе. Но «Основы православной культуры» — это не религиозное образование, а культурологическое. Это изучение алфавита родной культуры.

Юрий Михайлович, помогите нам организовать диалог, который не в состоянии организовать наша «демократическая» пресса. Вот с этой просьбой я обращаюсь к вам в этот радостный миг и сердечно благодарю вас за высокую награду!